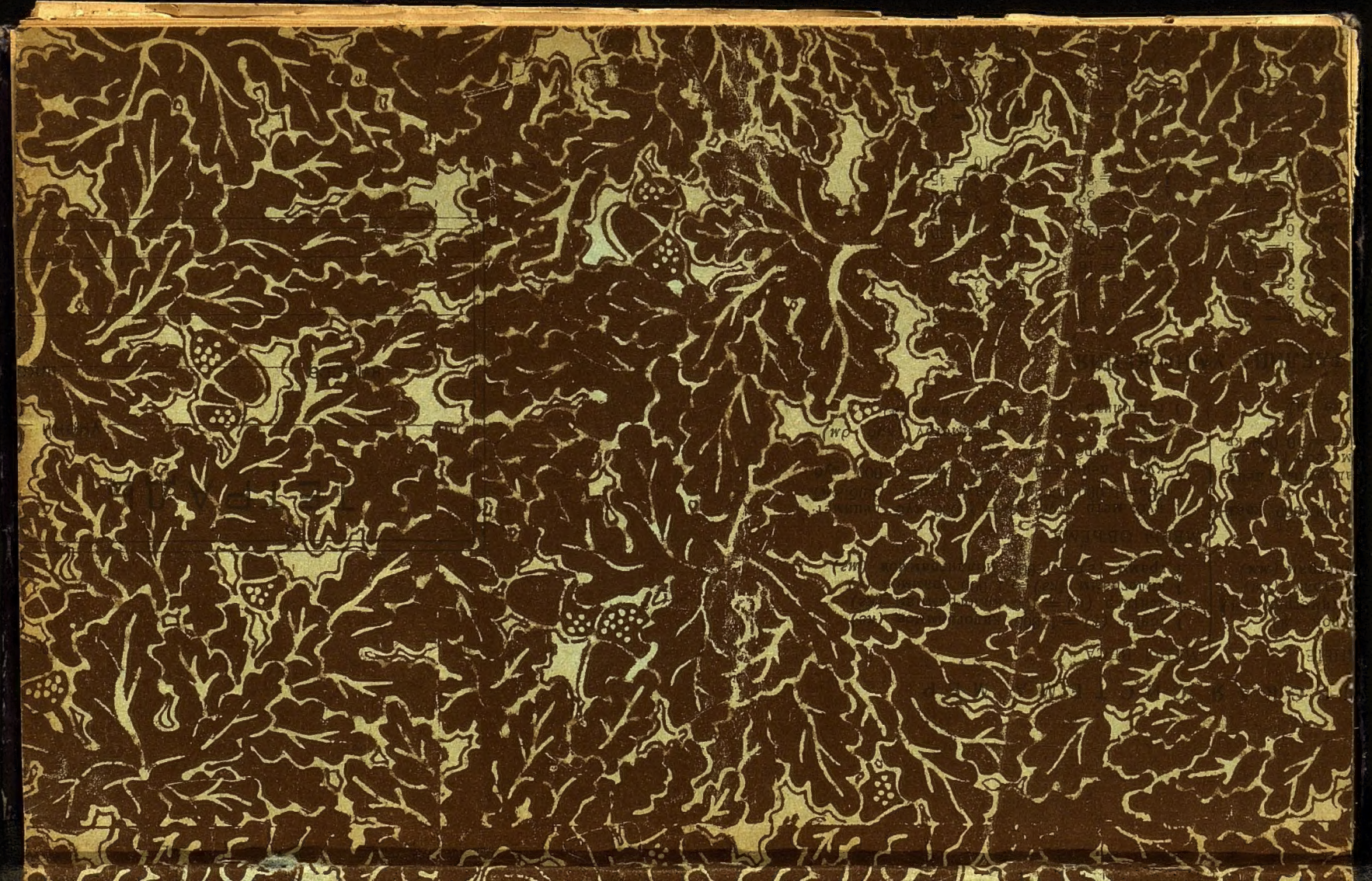
013.668

013.668



У(47)(09)„1905

МИХ. МОГИЛЯНСКІЙ

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

La Douma est morte,
vive la Douma!

Р. 013648

Ростовская на Дону
Государственная
НАУЧНАЯ
БИБЛІОТЕКА
им. К. МАРКСА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1907

Типо-литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина. Екатерин. кан. № 71—6.

Оглавленіе

стран.

Предисловіе V

I. Въ Думѣ 1

II. О Думѣ 91

III. Роспускъ Думы (послѣ Думы) 119

IV. Очерки крестьянскихъ настроеній 169

Предисловіе

Первая Государственная Дума уже принадлежитъ исторіи... Однако, правдивая и нелицепріятная, безпристрастная исторія ея напишется не скоро и напишется не нами, современниками перваго народнаго представительства въ Россіи. Мы—современники, какъ тѣ, кто избраніемъ былъ почтенъ званіемъ первыхъ народныхъ представителей, т. е. члены Думы, такъ и дѣятели и участники въ ея исторіи, въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, т. е. всѣ пережившіе и продѣлавшіе первую избирательную кампанію: избиратели и неизбиратели, журналисты и наблюдатели, наконецъ, общественные дѣятели и просто обыватели, всѣ мы, независимо отъ того, возлагали-ли мы на Думу большія надежды, или относились къ ея роли въ прогрессивномъ развитіи родины скептически, даже отрицательно, всѣ мы стоимъ еще у клокочущаго источника политическихъ и соціальныхъ, національныхъ и классовыхъ страстей, среди борьбы, далеко не закончившейся, не давшей ни побѣды однимъ стремленіямъ ни пораженія другимъ... Намъ больше пристала роль лѣтописцевъ, нежели историковъ... Изъ нашей лѣтописи будущій историкъ извлечетъ необходимый для него матеріалъ...

Но мы не можемъ, да намъ и не надо изображать изъ себя тѣхъ лѣтописцевъ, которые спокойно зрятъ „на правыхъ и виновныхъ“,

„Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“...

Такими идеальными лѣтописцами мы можемъ предоставить оставаться стенографамъ. Однако, для будущаго историка одной сухой, фотографической лѣтописи стенографовъ окажется мало, ему понадобятся и жалость и гнѣвъ наши, живое свидѣтельство впечатлѣній современниковъ въ Думѣ и отъ дѣятельности Думы..

Но не цѣлью дать будущему историку первой Государственной Думы хотя-бы частичку матеріала руководствовались мы, собирая въ предлагаемой книгѣ наши думскія наблюденія и замѣтки. Они для этого и случайны, и коротки, и мимолетны. Но всѣ они объединены однимъ общимъ чувствомъ, однимъ общимъ настроеніемъ, которое не только у насъ лично, но и у всего народа въ его цѣломъ—было, изжито и не повторится, какъ не повторяется обаяніе первой любви... Первая Государственная Дума была утромъ народнаго представительства въ Россіи...

И не то, чтобы мы забыли истину, что—

„Даромъ ничто не дается,
Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ".

Но тяжкихъ искупительныхъ жертвъ народомъ русскимъ принесено такъ много и безумно хотѣлось вѣрить, что первые результаты этихъ жертвъ уже реализованы и прочно усвоены!...

Обрывъ надеждъ, связывавшихся съ Думой, не ввергъ насъ въ отчаяніе и не заставилъ придти къ убѣжденію, что мы ошибались, столько силъ и энергіи вложивъ въ созиданіе этой Думы путемъ участія въ избирательной борьбѣ—словомъ живымъ и печатнымъ, путемъ участія въ борьбѣ новымъ оружіемъ, безкровнымъ и мирнымъ—избирательнымъ бюллетенемъ... La Douma est morte, vive la Douma! Будущая исторія Россіи идетъ отъ первой Государственной Думы. Для думающихъ такъ естественнымъ покажется желаніе закрѣпить то настроеніе, съ какимъ переживалась Дума, ея первые шаги, ея успѣхи и неудачи, ея радости и тревоги, ея колоссальная работа на благо родины и народа... Изслѣдователи обратятся къ фоліантамъ стенографическихъ отчетовъ, желающіе же воскресить въ своей памяти образъ Государственной Думы, можетъ быть, найдутъ его въ этихъ мимолетныхъ очеркахъ. А на

ряду съ этимъ, являясь сторонникомъ опредѣленной политической тактики, мы, давая отчетъ о ея живомъ примѣненіи и борьбѣ съ другими политическими методами, популяризируемъ ее. Въ отчетѣ о прошломъ мы защищаемъ опредѣленные лозунги будущаго...

Непосредственныя наблюденія наши въ Думѣ продолжались со дня ея открытія, т. е. съ 27 апрѣля до 9-го іюня включительно. Первая часть книги (Въ Думѣ) и содержитъ въ себѣ бѣглые наброски думскихъ впечатлѣній, своего рода думскій дневникъ. Мы не составляли подробныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ Думы, мы давали отчетъ о своихъ думскихъ впечатлѣніяхъ, отчетъ, написанный, обыкновенно, на-скоро подъ шумъ и говоръ голосовъ гдѣ-нибудь въ кулуарахъ Думы, въ читальнѣ клуба партіи Народной Свободы, при чемъ всегда на первомъ планѣ для насъ стоялъ вопросъ о политической роли Государственной Думы... Въ этотъ отдѣлъ мы включили и нѣкоторыя изъ написанныхъ въ тотъ періодъ газетныхъ статей, продиктованныхъ ходомъ дѣлъ въ Думѣ, защитой однѣхъ позицій, оспариваніемъ другихъ. Мысли и положенія этихъ статей неразрывны съ думскими впечатлѣніями...

10 іюня мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга и пробыть въ разныхъ мѣстахъ провинціи весь остатокъ жизни и дѣятельности Думы. Другія занятія заполнили мое время, но, внимательно слѣдя по газетамъ за дѣятельностью Думы, я отъ времени до времени писалъ, главнымъ образомъ, въ провинціальной прессѣ статьи и замѣтки, вызванныя происходившимъ въ Думѣ или по вопросамъ, неразрывно съ думской дѣятельностью связаннымъ. Большинство этихъ статей и вошло во II-ой отдѣлъ книги. (О Думѣ).

Утромъ 9-го іюля я вернулся въ Петербургъ...

Статьи и замѣтки, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ роспуска Думы и событій, послѣдовавшихъ за этимъ роспускомъ, составили третій отдѣлъ книги. (Роспускъ Думы. Послѣ Думы). Сюда-же включены и нѣкоторыя изъ газетныхъ статей по вопросамъ, поставленнымъ на очередь событіями, находящимися въ тѣсной связи съ „національнымъ бѣдствіемъ“—роспускомъ Думы

и дѣятельностью Столыпинскаго кабинета, окрещеннаго „правительствомъ роспуска"...

При составленіи книги мы ограничились расположеніемъ выбраннаго для нея матеріала въ хронологическомъ порядкѣ. Матеріалъ извлеченъ изъ Петербургскихъ газетъ „Дума" и „Рѣчь", изъ еженедѣльнаго журнала „Украинскій Вѣстникъ" и провинціальныхъ газетъ „Десна" (Черниговъ) и „Волынь" (Житоміръ).

Спб., 10 ноября 1906 г. **Мих. Могилянскій**

P. S.

Печатаніе книги уже приближалось къ концу, когда у насъ явилась мысль, что книгѣ о первой Государственной Думѣ слѣдовало-бы предпослать очеркъ избирательной кампаніи, могущій характеризовать политическое состояніе и настроеніе населенія во время выборовъ въ первую Думу. Намъ лично пришлось участвовать въ избирательной кампаніи въ качествѣ члена кіевскаго областнаго комитета партіи Народной Свободы и избирателя по городу Кіеву, а затѣмъ еще и въ качествѣ избирателя по Городнянскому уѣзду Черниговской губерніи. Если бы, однако, мы захотѣли въ связномъ очеркѣ дать картину избирательной кампаніи по личнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, то это на долго отсрочило бы выходъ въ свѣтъ книги. Отъ выполненія подобной задачи въ виду этого пришлось отказаться. Но, желая хотя отчасти восполнить пробѣлъ, мы присоединили къ своей книгѣ, какъ четвертый отдѣлъ ея,—„Очерки крестьянскихъ настроеній". (По своему содержанію этотъ отдѣлъ является первымъ и съ него мы рекомендуемъ начинать чтеніе книги). „Очерки" нѣсколько выходятъ изъ рамокъ характеристики спеціально избирательной кампаніи: въ нихъ читатель найдетъ, помимо выборныхъ впечатлѣній, и отрывки изъ земскихъ наблюденій, и краткіе наброски аграрныхъ процессовъ, на которыхъ автору приходилось выступать защитникомъ. Основаніемъ къ включенію этихъ очерковъ въ книгу для насъ послужило то обстоятельство, что всѣ они въ свое время написаны съ цѣлью дать характеристику политическаго состоянія и настроенія крестьянства и относятся, если не цѣликомъ къ избирательному періоду, то ко времени, весьма къ нему близкому.

Четвертый отдѣлъ еще болѣе увеличиваетъ пестроту нашей книги о Государственной Думѣ. Мы сознаемъ это, но при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она составлялась, нѣкоторая пестрота ея была неизбѣжна... Полагаемъ, что пестрота эта не будетъ, однако, препятствовать достиженію тѣхъ цѣлей, какія мы себѣ поставили.

М. М.

Спб., 12 декабря.

I

Въ Думѣ

С.-Петербургъ, 27 апрѣля 1906 г.

Свершилось!.. Гордо и увѣренно, со спокойнымъ сознаніемъ силы своего права—раздалось первое свободное слово первыхъ народныхъ представителей въ первомъ русскомъ парламентѣ... Это слово повторило тотъ кличъ, который сопровождалъ депутатовъ съ того момента, когда они, по выходѣ изъ Зимняго дворца, прошли шпалеры войскъ и полицейскихъ заграждeній и очутились среди несмѣтныхъ толпъ ликующаго народа до самаго входа въ ворота Государственной Думы. Требованія полной политической амнистіи, требованія свободы—потрясали воздухъ на всемъ пути слѣдованія депутатовъ въ Государственную Думу и долго шумно врывались въ раскрытыя окна Таврическаго дворца... И какъ только предсѣдательское мѣсто въ Думѣ занялъ избранный почти единогласно С. А. Муромцевъ, на трибуну взошелъ испытанный боецъ И. И. Петрункевичъ, и народныя требованія были предъявлены... У народа и у его представителей одни помыслы, однѣ думы и стремленія...

Всѣ, кто имѣлъ счастіе слышать рѣчи Петрункевича и Муромцева въ Думѣ, глубоко прочувствовали радость великаго историческаго момента.

„Великое дѣло требуетъ великаго подвига“, сказалъ въ своей первой рѣчи первый Предсѣдатель Государственной Думы. И слушатели сознавали, что этотъ подвигъ будетъ свершенъ: что бы ни ожидало насъ въ ближайшемъ будущемъ, но возврата къ мраку и ужасу прошлаго—нѣтъ, дорога къ свободѣ открыта, и свобода будетъ взята, чего бы

это ни стоило! Оттого спокойная и гордая увѣренность тона первыхъ парламентскихъ рѣчей наполняла души слушателей живою радостью и восторгомъ передъ чѣмъ-то новымъ, еще неизвѣстнымъ, великимъ!.. Отверзающійся путь мирной борьбы за народные интересы, за благо и самодѣятельность трудящихся массъ—требовалъ справедливости въ отношеніи тѣхъ, кто жертвовалъ свободой, а нерѣдко и жизнью въ борьбѣ за возможность этого пути... Требованіе амнистіи было актомъ государственной мудрости и порывомъ высокихъ чувствъ, стремленіемъ къ справедливости: оно показало, что сердца народныхъ представителей бьются въ тактъ съ сердцами народныхъ массъ, оно освятило Думу и должно ей дать народное довѣріе. „Симъ побѣдишь“!.. И если правда, что грядущія событія бросаютъ тѣнь въ настоящее, то мы уже осѣнены грядущею свободою. Черезъ всѣ возможности ближайшаго, можетъ быть, очень недалекаго, мы идемъ вѣрнымъ шагомъ къ свѣту и радости завоеваній свободы...

Съ утра городъ украсился флагами. Къ часу дня начался съѣздъ въ Зимній дворецъ членовъ Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и лицъ, приглашенныхъ по церемоніалу. Мосты съ утра (Николаевскій и Дворцовый) разведены. Густыя толпы народа покрываютъ всѣ набережныя. Значительная часть депутатовъ отбыла изъ дворца на пароходѣ. Дружное „ура!“ огласило воздухъ, публика машетъ платками и шляпами, съ парохода отвѣчаютъ привѣтствіями. Нѣтъ словъ описать ликованіе народа. Впечатлѣніе громадное. Многіе отъ волненія плачутъ. На пристани депутатовъ встрѣчаютъ толпы народа. Полиція отдаетъ честь. „Ура, да здравствуетъ свобода, дайте амнистію!“ слышится съ разныхъ сторонъ. Сдѣланы чрезвычайныя военныя приготовленія, какъ будто „пред-

назначенныя для отраженія", а не для „ознаменованія великаго торжества перваго дня народнаго представительства"... („Рѣчь"). Около четырехъ часовъ члены Думы собрались въ Таврическомъ дворцѣ. Передъ открытіемъ засѣданія отслуженъ молебенъ. Для прессы отведены двѣ ложи. Въ числѣ представителей прессы находится Владиміръ Галактіоновичъ Короленко. Въ ложахъ слѣва и справа предсѣдательскаго мѣста помѣщаются члены Государственнаго Совѣта и министры съ Горемыкинымъ во главѣ. Въ ложахъ второго яруса публика въ очень небольшомъ количествѣ. Среди членовъ Думы узнаемъ и прибывшаго вчера изъ Архангельска Харьковскаго профессора Н. А. Гредескула. Ровно въ пять часовъ государственный секретарь Фришъ открылъ засѣданіе.

Послѣ прочтенія текста торжественнаго обѣщанія члены Думы подписываютъ его. Затѣмъ приступаютъ къ выбору предсѣдателя Думы записками. 426 записокъ подано за С. А. Муромцева, остальные получили по 3, 2 и 1 запискѣ. Дума почти единогласно признаетъ баллотировку шарами ненужной, и Муромцевъ занимаетъ предсѣдательское мѣсто. Слово предоставляется И. И. Петрункевичу, который говоритъ, что первое свободное слово должно быть сказано за тѣхъ, кто пожертвовалъ собою за освобожденіе родины. „Всѣ тюрьмы въ странѣ переполнены, тысячи рукъ протягиваются къ намъ, чтобы мы воспользовались своимъ положеніемъ и пришли къ нимъ на помощь. Мы вернемся еще къ этому предмету при обсужденіи отвѣта на тронную рѣчь, но теперь нельзя не выразить общаго чувства — свободная Россія требуетъ освобожденія жертвъ борьбы". Единодушные апплодисменты покрыли рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе. Затѣмъ Муромцевъ сказалъ: „кланяюсь Государственной Думѣ и не нахожу достаточно словъ для выраженія благодарности за оказанную мнѣ честь. Выборъ предсѣдателя первый шагъ для организаціи представительства. Совершается великое дѣло:— воля народа получаетъ форму для своего выраженія въ учре-

женіи представительства. Великое дѣло призываетъ къ великому подвигу. Долгая работа на благо избравшаго насъ народа должна основываться на почвѣ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха (апплодисменты) и полнаго развитія правъ Государственной Думы, основаннаго на самомъ существѣ народнаго представительства". (Единодушные апплодисменты).

Засимъ Муромцевъ объявляетъ перерывъ засѣданія до субботы въ виду необходимости доложить Государю о результатахъ послѣдовавшаго избранія.

Голосованіемъ, передъ которымъ Муромцевъ удалилъ изъ залы засѣданія стоявшихъ у стѣны чиновниковъ Государственной Канцеляріи, начало засѣданія назначено на 11 часовъ утра. Отъѣздъ членовъ Думы изъ Таврическаго дворца сопровождался овaціями. У клуба конституціоналистовъ-демократовъ собралась громадная толпа. Съ балкона клуба говорились рѣчи: говорили Винаверъ, Родичевъ, Карѣевъ и другіе. Настроеніе повышенное.

С.-Петербургъ, 28 апрѣля

28-го апрѣля состоялось открытіе обновленнаго закономъ 20 февраля Государственнаго Совѣта. Къ 2 часамъ дня залъ дворянскаго собранія началъ наполняться членами Государственнаго Совѣта, блиставшими звѣздами, лентами и золочеными мундирами. Называютъ „знакомыя" имена: — вотъ входитъ фонъ-Валь, бывшій намѣстникъ Кавказа кн. Голицынъ, Стишинскій, графъ Игнатьевъ; графъ Витте помѣстился въ заднемъ ряду и все время съ лица его не сходила скептическая улыбка. Группа профессоровъ рѣзко диссонируетъ съ общимъ „великолѣпіемъ"... Послѣ молебна предсѣдательское мѣсто занялъ глубокій старикъ, съ трудомъ передвигающійся графъ Сольскій, по правую сторону его Фришъ. Въ

министерской ложѣ весь „кабинетъ“ во главѣ съ Горемыкинымъ. Государственный секретарь прочелъ Высочайшіе указы объ открытіи Государственнаго Совѣта и о назначеніи президіума. Затѣмъ графъ Сольскій слабымъ старческимъ голосомъ прочелъ привѣтственную рѣчь, низко склонивъ голову надъ бумагой. Ни одно слово рѣчи не долетало до ложи журналистовъ. Затѣмъ прочтено торжественное обѣщаніе, послѣ чего приступили къ его подписи. Журналистамъ продиктовали рѣчь графа Сольскаго. Полтора часа длилась процедура подписи. Затѣмъ засѣданіе возобновилось для того, чтобы объявить его закрытымъ...

Послѣ вчерашняго высокаго подъема настроенія въ Государственной Думѣ безжизненностью и мертвечиной вѣяло въ засѣданіи высшаго законодательнаго учрежденія, созданнаго для противодѣйствія Государственной Думѣ въ великомъ дѣлѣ обновленія несчастной страны...

С.-Петербургъ, 30 апрѣля

Партійная группировка въ Государственной Думѣ еще не опредѣлилась съ такою ясностью, чтобы изъ нея можно было дѣлать какіе-либо выводы и на основаніи ихъ что-либо предсказывать. Съ несомнѣнностью можно, однако, утверждать, что сторонниковъ современнаго режима въ Думѣ или нѣтъ вовсе, или они единичны. Въ этомъ отношеніи многознаменателенъ вчерашній *единогласный* вотумъ Думы за необходимость внесенія во Всеподданнѣйшій, отвѣтный на тронную рѣчь, адресъ указанія на неотложность полной политической амнистіи и пріостановки совершенія смертныхъ казней немедленно, впредь до полной отмѣны ея въ законодательномъ порядкѣ. Первыя два засѣданія Думы еще не даютъ никакихъ данныхъ для сужденія о партіяхъ Думы. Выборы президіума показали, конечно, на вліятельность партіи Народной

Свободы, поддерживаемой „трудовою группой“. Послѣдняя, по составу, почти исключительно крестьянская, очевидно, весьма осторожно относится ко всякимъ демагогическимъ воздѣйствіямъ, идущимъ съ разныхъ сторонъ; нѣтъ никакихъ основаній ожидать разрыва ея съ партіей Народной Свободы, а при солидарности трудовой группы съ партіей Народной Свободы получается компактное демократическое большинство въ Думѣ. Трудовая группа уже обнаружила свой тактъ по вопросу о выборѣ товарищей предсѣдателя. Не найдя въ своей средѣ кандидата, пригоднаго технически для поста товарища предсѣдателя Думы, на которомъ согласилось бы большинство группы, группа ограничилась выборомъ *своего* кандидата изъ среды партіи Народной Свободы. Партія Народной Свободы охотно согласилась на предложенную трудовой группой кандидатуру Н. А. Гредескула, хотя раньше намѣчала на этотъ постъ другое лицо. Партія Народной Свободы и ея парламентская фракція воздерживаются отъ всякихъ попытокъ навязывать трудовой группѣ свои взгляды или руководить ея рѣшеніями. Можно ожидать, что трудовая группа очень скоро оцѣнитъ въ лицѣ представителей партіи Народной Свободы истинныхъ, искреннихъ и преданныхъ друзей народа. Слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторые изъ членовъ партіи Народной Свободы входятъ въ составъ трудовой группы. Начинаютъ организовываться и національныя группы Думы. Говорятъ объ образованіи польской, еврейской, украинской группъ. Принадлежность къ національной группѣ не будетъ стѣснять принадлежности къ партіямъ. Въ украинской группѣ будетъ значительное количество крестьянъ. Проф. Максимъ Ковалевскій вступилъ въ эту группу.

Часть Петербургской печати относится къ Думѣ враждебно, но въ населеніи столицы чувствуется подъемъ настроенія: членамъ Думы на улицахъ устраиваются овацiи. Соціалъ-демократы-большевики (органъ „Волна“) занимаютъ свою доктринерски непримиримую позицію, не чувствуя того, что,

создавая въ обществѣ разладъ, они уменьшаютъ шансы побѣды. Но въ этой позиціи все-же чувствуется искренность и преданность народной свободѣ.

С.-Петербургъ, 1 мая

Амнистія все еще не объявлена, и это создаетъ нервное настроеніе и внѣ Думы и въ Думѣ: каждый день толпы народа, встрѣчающія пріѣздъ депутатовъ въ Таврическій дворецъ и провожающія ихъ изъ дворца и собирающіяся у конституціонно-демократическаго клуба, потрясаютъ воздухъ кликами: „амнистіи!“ Каждый день этотъ кличъ вырывается изъ измученной груди народныхъ избранниковъ въ Думѣ. Въ 3-емъ засѣданіи Думы 30 апрѣля вопросъ объ амнистіи снова возникъ по предложенію двухъ депутатовъ, крестьянина и рабочаго, требовавшихъ отъ Думы признанія неотложности для столь больного вопроса. Послѣ продолжительныхъ преній, во время которыхъ указывалось на страшную нравственную тяготу, создающуюся оттого, что депутаты отъ крестьянъ и рабочихъ, выходя изъ Таврическаго дворца, не имѣютъ отвѣта на жадные вопросы товарищей, ну что же амнистія?— Дума постановила вопроса объ амнистіи не возбуждать отдѣльно внѣ связи съ отвѣтомъ на тронную рѣчь. Предложеніе М. М. Ковалевскаго—довести до свѣдѣнія Государя черезъ предсѣдателя Думы о единодушномъ ея желаніи, чтобы амнистія послѣдовала возможно скорѣе—отвергнуто громаднымъ большинствомъ. Сильное впечатлѣніе произвела содержательная рѣчь одесскаго депутата Е. Н. Щепкина, указавшаго на то, что требованіе амнистіи внѣ другихъ программныхъ постулатовъ теряетъ свой смыслъ. „Мы просимъ амнистіи не какъ всепрощенія, а какъ освобожденія тѣхъ, кто боролся со строемъ, котораго больше не существуетъ. Съ ними насъ соединяетъ моральная связь. Отвѣтъ на тронную рѣчь

обращается не къ сердцу Монарха, а даетъ программу для правительства, опирающагося на большинство въ Думѣ". Поэтому ораторъ высказывается категорически за то, чтобы вопросъ объ амнистіи не выдѣлялся и вошелъ на ряду съ другими жгучими вопросами въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь. „Не нужно замѣнять конституціонныхъ отношеній какими-то чуть-ли не мистическими связями. Вопросъ объ амнистіи не долженъ заставлять насъ дѣлать слащавую улыбку на нашемъ изстрадавшемся лицѣ!" (бурные аплодисменты). Для составленія проекта отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь избрана комиссія изъ 33 членовъ, въ которую вошли 11 человѣкъ отъ партіи Народной Свободы.

Избрана также комиссія изъ 19 членовъ для составленія проекта провѣрки правильности выборовъ. На совѣщаніяхъ членовъ Государственнаго Совѣта тоже обсуждается вопросъ объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Наиболѣе отвѣчаетъ общественному настроенію проектъ Д. Н. Шипова; проектъ Н. С. Таганцева ему значительно уступаетъ и способенъ возбудить, въ случаѣ принятія, справедливыя нареканія на непониманіе духа времени и его требованій.

С.-Петербургъ, 2 мая

На дняхъ, подъѣзжая къ Таврическому дворцу, у самыхъ воротъ его мы встрѣтили знакомую карету съ приспущенными сторами, совершавшую столь обычный рейсъ съ Тверской на Шпалерную...

„Возлѣ лица молодого, прекраснаго съ саблей усачъ"... Лѣтъ 7 тому назадъ я впервые увидѣлъ Таврическій дворецъ изъ-за приспущенныхъ сторъ кареты, проѣзжая со Шпалерной на Таврическую.

Семь лѣтъ! Таврическій дворецъ изъ случайнаго пріюта выставокъ превратился въ храмъ народнаго представитель-

ства, а кареты съ приспущенными сторами попрежнему совершаютъ свои рейсы со Шпалерной на Таврическую, и обратно, тюрьмы больше прежняго переполнены...

Кто былъ на первыхъ засѣданіяхъ Государственной Думы, кто видѣлъ и слышалъ, какъ *вся* она нервно относится къ вопросу объ амнистіи, тотъ вынесъ непоколебимое убѣжденіе, что, пока *полная* амнистія не будетъ дана, невозможна спокойная работа въ Думѣ. „Призраки крови нависаютъ и здѣсь—прекрасно сказалъ Родичевъ,—ихъ надо убрать, чтобы мы могли работать!“ Разговоры въ кулуарахъ палаты еще больше укрѣпляютъ это убѣжденіе. И невольно задаешься вопросомъ, не входитъ-ли въ *чьи-то* планы—лишать Думу необходимаго для работы ея спокойствія? Иначе, почему-же амнистія еще не объявлена?

С.-Петербургъ, 4 мая

Пренія по отвѣтному адресу на тронную рѣчь затягиваются благодаря тому, что многіе изъ ораторовъ въ адресѣ желали видѣть вполнѣ развитую и детализированную программу. Тщетно докладчикъ комиссіи, составившей проектъ адреса, г. Набоковъ, объясняетъ, что происходящія нынѣ въ Думѣ пренія будутъ умѣстны только при обсужденіи соотвѣтствующихъ законопроектовъ, а теперь преждевременны. Многимъ кажется, что не выразить въ адресѣ всей полноты своихъ программныхъ пожеланій и при томъ въ развитой формѣ значитъ чуть ли не измѣнить своей программѣ и, по меньшей мѣрѣ, пойти на скользкій путь компромиссовъ. Какъ только вчера въ 9 ч. вечера Дума приступила къ обсужденію и голосованію адреса по частямъ, такъ сразу же и обнаружилось это настроеніе значительнаго количества членовъ Думы. Указаніе адреса на то, что Дума внесетъ на утвержденіе Государя „законъ о народномъ представитель-

ствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права",— сейчасъ-же было объявлено недостаточнымъ, и возгорѣлись страстныя пренія „о прямомъ, равномъ и тайномъ"—„безъ различія пола, вѣры и національности". Никто не оспаривалъ развитой формулы, но ораторы, выступавшіе на ея защиту, доходили до высшей точки напряженія паѳоса, а извѣстный по Каменецъ-Подольскимъ выборамъ демагогъ г. Заболотный даже объявилъ „интересы русскаго народа въ опасности". Къ сожалѣнію, отъ демагогическихъ пріемовъ не удержался и одинъ изъ лидеровъ трудовой группы г. Аникинъ, заявившій, что подобный пропускъ въ адресѣ „преступенъ". Нѣкоторые изъ ораторовъ партіи к.-д. объявили, что для устраненія недоразумѣній слѣдовало бы согласиться на пріемъ сдѣланной поправки—дополненія (Миклашевскій, Ломшаковъ). Тогда докладчикъ комиссіи отъ группы единомышленниковъ заявилъ, что, голосуя за редакцію комиссіи, они даютъ обѣщаніе въ ближайшемъ будущемъ внести въ Думу законопроектъ объ организаціи народнаго представительства на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія—безъ различія пола, вѣры и національности. Послѣ этого другой лидеръ трудовой группы г. Аладьинъ заявилъ, что при такомъ положеніи вещей онъ приглашаетъ голосовать за редакцію комиссіи. Атмосфера была настолько подогрѣта, что въ отвѣтъ на это приглашеніе раздалось шиканіе. Но редакція комиссіи прошла громаднымъ большинствомъ. Наиболѣе интересныя пренія возгорѣлись тогда, когда Стаховичъ выступилъ съ поправкой адреса въ смыслѣ желательности сохранить отвѣтственность министровъ только передъ Государемъ съ хорошо организованнымъ контролемъ и правомъ запросовъ Думы. Г. Стаховичъ ссылался на авторитетъ Бисмарка, сравнивалъ нынѣшнюю Думу съ полой водой, которая не идетъ на работу, крылья мельницы заработаютъ лишь тогда, когда рѣка вступитъ въ берега. Отвѣт-

ственность министровъ передъ Думой возможно будетъ установить только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Противъ мнѣнія г. Стаховича была двинута вся тяжелая артиллерія, говорили Винаверъ, кн. Д. И. Шаховской, Карѣевъ, М. М. Ковалевскій и мн. др. Чувствовалось, что пушки стрѣляютъ по воробьямъ, ибо никакого сочувствія мнѣнія Стаховича въ Думѣ не находили. Профессора Карѣевъ и Ковалевскій прочитали лекціи по исторіи и государственному праву, такъ что въ кулуарахъ острили: „сегодня у насъ народный университетъ, жаль мало публики"... Сильнѣйшее впечатлѣніе произвела рѣчь кн. Д. И. Шаховского, который между прочимъ указалъ, что въ мнѣніи Стаховича содержится неуваженіе и къ народу и къ нынѣшней Думѣ. Ковалевскій указалъ, что нынѣ невозможно существованіе монархіи безъ политической отвѣтственности министровъ передъ представительнымъ учрежденіемъ. „Это лучшее средство обезпечить мирное существованіе конституціонной монархіи". Закончилъ пренія по этому вопросу курскій депутатъ кр. Шапошниковъ, сказавшій, что мнѣніе г. Стаховича является свидѣтельствомъ непониманія основъ народнаго представительства. Многіе говорили, что безъ отвѣтственности министровъ передъ Думой вся роль ея сведется къ нулю. При голосованіи поправка Стаховича была отвергнута большинствомъ всей Думы противъ 11 голосовъ. Обратили вниманіе, что гр. Гейденъ голосовалъ противъ поправки Стаховича.

С.-Петербургъ, 5 мая

Историческое засѣданіе 4-го мая

Засѣданіе Государственной Думы 4-го мая началось вяло: постатейное обсужденіе отвѣтнаго адреса явно грозило затянуться на долго. Напрасно нѣкоторые ораторы взывали къ сокращенію преній, убѣждали, что съ адресомъ „надо спѣ-

шить". Послѣ обѣденнаго перерыва, во время котораго мы написали послѣднее письмо, депутатъ Куриленко внесъ предложеніе—засѣдать безъ перерыва, пока весь адресъ не будетъ принятъ постатейно, и предложеніе это было единодушно принято. Особенно затянулись безсодержательныя и пространныя пренія по аграрному вопросу: къ соотвѣтственному пункту адреса предложено было свыше двадцати поправокъ. Неоднократно вносились предложенія о прекращеніи записи ораторовъ, но неизмѣнно графъ Гейденъ возражалъ противъ нихъ, что невозможно не дать высказаться по столь важному вопросу. По принятому Думой порядку, въ случаѣ несогласія 50 членовъ Думы съ предложеніемъ о прекращеніи записи ораторовъ оно считается отвергнутымъ. Мнѣніе Гейдена каждый разъ поддерживало около 50—60 чел. и...—пренія продолжались. Въ кулуарахъ заговорили объ обструкціи, о желаніи возможно дольше затянуть принятіе адреса. Безконечное словоизверженіе становится нестерпимымъ, залъ засѣданія пустѣетъ, депутаты гуляютъ въ саду, возмущаясь происходящимъ. Нѣсколько разъ вносится предложеніе о перерывѣ, большинство голосуетъ противъ перерыва. Наконецъ, всѣ поправки по аграрному вопросу отвергаются, принимается только дополненіе, указывающее, что на удовлетвореніе земельной нужды должны быть обращены и церковныя земли. Стаховичъ, ссылаясь на жару, проситъ о получасовомъ перерывѣ. Дѣлается перерывъ на 1/4 часа. Послѣ перерыва дѣло идетъ живѣе. При обсужденіи пункта, касающагося національнаго вопроса, происходитъ маленькій „инцидентъ". Свящ. Концевичъ изъ Волынской губ. предлагаетъ поправку, гласящую, что Дума развитіемъ своеобразія различныхъ народностей постарается уничтожить самое имя Россіи. Петражицкій проситъ призвать г. Концевича къ порядку, такъ какъ его „иронія оскорбительна для Думы". Предсѣдатель объявляетъ, что поставитъ предварительный вопросъ, считаетъ-ли Дума возможнымъ входить въ обсу-

жденіе предложенія г. Концевича?—Дума при бурныхъ аппло-дисментахъ рѣшаетъ игнорировать предложеніе Концевича. Трудовикъ Аладьинъ обращается съ горячимъ призывомъ къ „товарищамъ-рабочимъ“ голосовать за весь адресъ, указывая по поводу утренняго заявленія рабочаго Ильина, что рабочіе требуютъ учредительнаго собранія, а потому протестуютъ противъ всего адреса: „есть вещи, о которыхъ не просятъ, которыхъ не требуютъ, а просто устраиваютъ. Къ этимъ вещамъ принадлежитъ и учредительное собраніе“. „Наша цѣль,—чтобы рабочіе и крестьяне свое дѣло взяли въ свои руки, а мы къ этому приблизимся, если осуществится все то, о чемъ говорится въ адресѣ“. Рабочій Михайличенко въ обычныхъ выраженіяхъ говоритъ о задачахъ соціалъ-демократіи и о классовой борьбѣ. Наконецъ, прочитанъ послѣдній пунктъ адреса объ амнистіи. Стаховичъ вноситъ поправку—выразить осужденіе политическимъ убійствамъ. Рѣчь Стаховича, блестящій образецъ высокаго ораторскаго искусства, полная страсти и чувства, производитъ впечатлѣніе парламентскаго „событія“, но ея доводы мало убѣдительны. Ему отвѣчаютъ Ломшаковъ, Родичевъ, Шрагъ. Всѣ они говорятъ, что не защищаютъ убійствъ, но вина за „эти преступленія лежитъ на правительствѣ“. Родичевъ начинаетъ свою бурную, пламенную рѣчь увѣреніемъ, что „съ увлеченіемъ выслушалъ прекрасныя слова“ и понимаетъ „тотъ искренній порывъ, которымъ были внушены оратору слова любви“, но не можетъ согласиться съ „политическимъ содержаніемъ этого душевнаго порыва“ „Если бы здѣсь была кафедра для проповѣдей—церковная кафедра, то рѣчь Стаховича была бы понятна, но мы законодатели и, являясь свидѣтелями ежедневныхъ убійствъ съ той или съ другой стороны, мы должны поставить себѣ вопросъ, нужно-ли выступать со словомъ нравственнаго осужденія, наше дѣло указать, почему такія явленія стали возможными. Насъ приглашаютъ выразить осужденіе убійству, завтра намъ пред-

ложатъ осудить казнокрадство. Есть много достойныхъ осужденія вещей. Но здѣсь осужденіе неумѣстно". Сильными штрихами рисуетъ ораторъ картину внутренней жизни Россіи. „Вся страна знаетъ, что изъ Петербурга исходили приказы устраивать погромы мирныхъ жителей. Это „они" посѣяли сѣмена убійствъ и преступленій!"

„День, когда вы будете знать, что нѣтъ убійствъ, которыя не раскроются, наступитъ только тогда, когда будутъ знать, что нѣтъ преступленій, которыя не будутъ покараны, что лица опозоренныя не будутъ держать власть въ своихъ рукахъ". „Россія пережила то, чего не было со временъ Батыя и мы должны нынѣ сказать правду во всей ея наготѣ". Шрагъ указываетъ на то, что, по его мнѣнію, Дума совершила бы ошибку, вступила бы на ложный путь, если бы приняла поправку Стаховича. Убійства, которыхъ никто не защищаетъ, должны быть поняты. Нельзя осуждать людей, жертвующихъ собой во имя идеала. Для иллюстраціи почвы, создающей убійства, ораторъ разсказываетъ о дѣятельности въ Черниговской губерніи „теоретика и практика" террора успокоенія—адмирала Дубасова. Стаховичъ, отвѣчая оппонентамъ, подчеркнулъ, что онъ не защищаетъ правительственныхъ насилій, осуждаетъ не людей, а поступки, имѣетъ въ виду не прошлое, а будущее. „Въ обновленной Россіи да не будетъ душегубства!" Рѣчи Стаховича, Родичева и Шрага создали изъ вечерняго засѣданія „большой парламентскій день!" Гейденъ требуетъ поименнаго голосованія для баллотировки поправки Стаховича. Дума поименное голосованіе отвергаетъ. Поправка Стаховича громаднымъ большинствомъ отвергается. Всѣ статьи адреса приняты. Засѣданіе въ часъ ночи закрывается и слѣдующее, въ которомъ предстоитъ третье чтеніе проекта адреса и голосованіе его въ полномъ видѣ, назначается на 2 ч. ночи (черезъ часъ). Комиссія должна вставить всѣ принятыя поправки. Работы комиссіи много, засѣданіе открывается въ 3-мъ часу. Въ перерывѣ

часть депутатовъ оживленно бесѣдуетъ о ближайшемъ будущемъ и ожиданіяхъ отъ него. Нѣкоторые крестьяне не могутъ побороть усталости и мирно спятъ, прислонившись къ окнамъ...

Набоковъ читаетъ проектъ адреса. Петражицкій предлагаетъ единодушно голосовать за него, забывъ о разногласіяхъ при 2-мъ чтеніи. Разногласія возникнутъ еще, когда будетъ обсужденіе тѣхъ же вопросовъ при разсмотрѣніи законопроектовъ, а теперь нуженъ общій порывъ. Гр. Гейденъ заявляетъ отъ имени единомышленниковъ, что хотя они во многомъ согласны съ текстомъ адреса, но по долгу совѣсти не считаютъ себя вправѣ поддержать его цѣликомъ. Чтобы не нарушать единодушія, они выйдутъ изъ залы засѣданія передъ голосованіемъ. Удаляются—гр. Гейденъ, Стаховичъ, кн. Волконскій, Гагаринъ, Способный и еще кто-то, всѣхъ 6 человѣкъ. Затѣмъ отвѣтный адресъ единогласно принимается. Раздаются бурные, долго несмолкающіе апплодисменты, всѣ поднимаются со своихъ мѣстъ.

Постановляется довести до свѣдѣнія Государя отвѣтный адресъ черезъ президіумъ Думы.

Муромцевъ говоритъ, что по окончаніи собранія немедленно будетъ доложено объ этомъ рѣшеніи Государю Императору. „Будетъ испрошена аудіенція у Его Величества и, если она будетъ назначена на 5 мая, то, несомнѣнно, мы въ этотъ день и явимся. Мы будемъ работать весь остатокъ ночи, адресъ будетъ отпечатанъ въ думской типографіи...“

Слѣдующее засѣданіе, вѣроятно, будетъ назначено на понедѣльникъ 8-го мая. Засѣданіе закрыто въ 3½ часа ночи.

Уже совсѣмъ свѣтло. Расходясь, говорятъ объ исторической „ночи 4-го мая“.

А въ тотъ же вечеръ совсѣмъ другія рѣчи раздавались въ „обновленномъ“ Госуд. Совѣтѣ. Тамъ говорили Витте, Дурново, Акимовъ, Нарышкинъ.

Грядущія событія бросаютъ тѣнь въ настоящее...

Событія надвигаются, но кто разгадаетъ грядущее?

Историческая ночь

(съ 4-го на 5-ое мая)

Третій день преній по отвѣтному адресу на тронную рѣчь подходитъ къ концу, преніямъ конца не предвидится... И все болѣе охватываетъ Думу убѣжденіе, что надо скорѣе, сегодня же принять текстъ адреса. По предложенію депутата-крестьянина, постановлено не дѣлать перерыва до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончено обсужденіе адреса по статьямъ. Дума засѣдаетъ съ 11 ч. утра, а уже короткая и свѣтлая, сѣверная весенняя ночь окутала землю полумракомъ. Дума спѣшитъ окончить свою историческую работу... Пренія по послѣднему пункту адреса объ амнистіи достигаютъ высочайшей точки напряженія взволнованныхъ чувствъ и тревожныхъ мыслей... Всѣ боли, всѣ ужасы русской жизни проходятъ передъ мысленнымъ взоромъ и грозно ставится вопросъ, есть ли выходъ? Дума вѣритъ, *еще* вѣритъ въ то, что выходъ *есть*...

Историческая работа окончена. Кто знаетъ, можетъ быть, Дума уже сдѣлала *все*, въ чемъ ея смыслъ и непреходящее значеніе? Можетъ быть, фактически ей больше ничего сдѣлать не придется? Кто знаетъ? „Змѣиный шипъ“ уже раздается... Коллективная воля народа получила свое выраженіе, этого *факта* штыками и пулеметами не уничтожить изъ русской исторіи!.. И что бы ни было дальше съ Думой, она уже принадлежитъ исторіи!

Короткая и свѣтлая ночь кончилась, настало бодрящее, радостное утро! Великое свершилось въ эту ночь, непреходящее...

Ночь еще темна надъ русской землей, когда-же настанетъ для несчастной страны свѣтлое, радостное утро?..

Со спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга, сознаніемъ важности историческаго момента—расходились изъ Тав-

рическаго дворца, гдѣ провели ночь, расходились при свѣтѣ радостнаго утра... И хотѣлось вѣрить, что эта пережитая, минувшая въ напряженной работѣ ночь, этотъ весело и бодро встрѣченный день—великіе символы...

Пойдемъ за ними!

Чрезвычайно трудная и исторически отвѣтственная миссія выпала на долю Государственной Думы—использовать послѣднюю возможность мирнаго исхода великой борьбы рвущагося къ свободѣ народа со слѣпымъ безуміемъ и преступнымъ упорствомъ правящей бюрократіи, не желающей разстаться со своимъ всевластіемъ. Мы говоримъ о *мирномъ* исходѣ, нисколько не закрывая глазъ на кровавые ужасы революціонной борьбы, ежедневно и нынѣ приносящей жертвы съ обѣихъ сторонъ: если указанная выше миссія Государственной Думы окажется для нея непосильной, ужасы прошлаго и настоящаго поблѣднѣютъ передъ тѣмъ, что раскроется въ пропасти, на краю которой мы стоимъ... Сознаніе громадной отвѣтственности должно бы сплотить всѣ элементы общества для творческаго подъема, для національнаго подвига—въ одномъ общемъ захватывающемъ стремленіи соединиться вокругъ тѣхъ требованій, какія выставлены будутъ Думой, поддержать эти требованія всею мощью организованнаго общественнаго мнѣнія. Безъ осуществленія ихъ нѣтъ исхода: есть срывъ въ пропасть; безъ общественной солидарности нѣтъ ихъ осуществленія: разверзается пропасть... Въ Думѣ на дняхъ говорилось о той невыносимой моральной тяготѣ, которая создается для ея членовъ при выходѣ изъ Таврическаго дворца, когда ихъ обступаютъ жадно стремящіеся къ свѣту и свободѣ и терзаютъ вопросами,—что они постановили, какихъ добились *практическихъ* результатовъ? Отсутствіе практическихъ результатовъ трехдневной работы

Государственной Думы уже готовы поставить ей въ вину, уже склонны приписывать ея „умѣренности“. Моральную тяготу положенія, вѣроятно, понималъ проф. Гредескулъ, который во время преній объ амнистіи сказалъ между прочимъ: „Если бы у насъ въ рукахъ было средство немедленно освободить всѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ, я подалъ бы свой голосъ за это средство, каково бы оно ни было“. Но далеко не всѣ понимаютъ фразу, грустно сказанную непосредственно за симъ: „*Такого средства у насъ въ рукахъ нѣтъ*“. Ибо, понимая это, не стали бы упрекать Думу въ „ошибкѣ“ за перерывъ засѣданій на одинъ день для поѣздки избраннаго Предсѣдателя на пріемъ къ Государю, такой упрекъ легкомысленно несерьезенъ; не говорили бы о томъ, что Думу надо заставлять „лѣвѣть“, а, относясь съ довѣріемъ къ искренней рѣшимости ея обезпечить странѣ демократическія конституціонныя реформы, облегчающія соціальное творчество,—заботились бы объ организаціи общественнаго мнѣнія подъ знаменемъ выставляемыхъ Думой лозунговъ. Расписаться въ собственномъ радикализмѣ за счетъ думской „умѣренности“—очень легко, ибо это ни къ чему не обязываетъ, не налагаетъ никакой отвѣтственности. Каждый шагъ Думы *страшно* отвѣтственъ. Не будемъ же увеличивать моральной тяготы положенія народныхъ представителей, отнесемся съ довѣріемъ къ ихъ гражданскому подвигу и любовно переложимъ ихъ тяготу, хотя въ незначительной части, на себя. Мы тоже отвѣтственны передъ исторіей, мы призваны итти вмѣстѣ съ ними, за ними, а не противъ нихъ...

Демократизмъ или демагогія?

Вечеромъ 3 мая, когда Дума приступила къ обсужденію отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь по частямъ, долгія и совершенно безсодержательныя пренія возбудило предложеніе

о „раскрытіи“ всей формулы желательнаго избирательнаго закона (т. е. упоминаніе о необходимости прямого, равнаго, тайнаго—безъ различія пола голосованія). Точка зрѣнія „Нашей Жизни“ (передовая № 435), что разъ идетъ упоминаніе о законѣ, который будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Думы, то пунктъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ требуетъ болѣе конкретной и опредѣленной редакціи, нашла себѣ защитниковъ въ Думѣ. Нашло себѣ выраженіе въ Думѣ и мнѣніе, что отсутствіе развитой формулы въ отвѣтномъ адресѣ указуетъ на „кадетскую“ склонность къ компромиссному пути. Но требованіе „болѣе конкретной и опредѣленной редакціи“, доведенное до своего логическаго конца, можно бы свести и къ требованію включенія въ отвѣтный адресъ всего текста закона о народномъ представительствѣ. Отчего не итти въ требованіи „конкретности и опредѣленности“ до логическаго конца? Досадно было слушать банальную защиту необходимости „прямого, равнаго, тайнаго“, необходимости, которой никто и не отрицалъ. Забывъ о томъ, что съ принятіемъ отвѣтнаго адреса „надо спѣшить“, на чемъ раньше всѣ соглашались, рядъ ораторовъ съ паѳосомъ защищалъ то, что абсолютно въ защитѣ не нуждалось. Тщетно Набоковъ—докладчикъ комиссіи—объяснялъ точку зрѣнія ея, въ которой не было ни грана компромисса. Г. Аникинъ заговорилъ о „преступности“ пропуска прибавки къ формулѣ всеобщаго избирательнаго права „безъ различія пола“. Г. Заболотный, успѣшно упражнявшійся въ демагогіи на выборахъ въ Каменецъ-Подольскѣ, взялъ привычную демагогическую ноту и объявилъ, что „интересы русскаго народа въ опасности“. По непривычкѣ ли къ политической жизни, по недостатку ли чуткости, но Дума покрывала рѣчи г. Заболотнаго шумными апплодисментами.

Это, вѣроятно, и соблазнило нѣкоторыхъ членовъ партіи Народной Свободы, заявившихъ, что, во избѣжаніе обвиненій партіи въ компромиссахъ,—слѣдуетъ согласиться съ

предложенной поправкой. Тогда Набоковъ отъ имени нѣсколькихъ единомышленниковъ, какъ извѣстно, заявилъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Думы законопроектъ о народномъ представительствѣ, основанномъ на всеобщемъ, прямомъ, равномъ, тайномъ голосованіи безъ различія пола, національности и вѣры.

Демагогическое выступленіе г-на Заболотнаго не удалось: редакція комиссіи была принята подавляющимъ большинствомъ.

Отвѣтъ на тронную рѣчь и партія Народной Свободы

Открытое письмо А. Р. Ледницкаго П. Н. Милюкову („Рѣчь", № 66) обнаруживаетъ одно очень распространенное недоразумѣніе, которымъ уже широко пользуются для того, чтобы кричать объ „измѣнѣ кадетовъ". „Принимая во вниманіе,— пишетъ г. Ледницкій, — что комиссія по составленію отвѣта состояла въ одной трети изъ членовъ партіи Народной Свободы, что вообще вліяніе этой партіи въ палатѣ весьма значительно, редакція адреса, принятаго и партіей Народной Свободы, возбуждаетъ вопросъ объ отношеніи между адресомъ и программой партіи". Вопросъ объ отношеніи между адресомъ и программой партіи необходимо выяснить, ибо, дальше г. Ледницкій говоритъ: „неупоминаніе въ адресѣ объ автономіи Царства Польскаго можетъ быть истолковано, какъ отказъ партіи отъ даннаго въ программѣ обѣщанія ввести въ Царствѣ Польскомъ автономію". Если правъ г. Ледницкій, то правъ и г. Ф. Данъ, видящій въ принятомъ думой адресѣ свидѣтельство „измѣны кадетовъ", правда не своей программѣ, а „народнымъ требованіямъ" („Невская газета", № 5), правъ и г. Богдановъ, обвинявшій на дняхъ партію Народной Свободы въ томъ, что она „обманула избирателей", не заявляя въ думѣ о тѣхъ требованіяхъ, которыя она вы-

ставила на своемъ знамени въ періодъ избирательной кампаніи. Всѣ они правы, если согласиться, что неупоминаніе о чемъ-либо въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь „можетъ быть истолковано“, какъ „отказъ“ отъ того, о чемъ не упомянуто. Но, слѣдуя этой точкѣ зрѣнія, надлежало бы требовать, чтобы отвѣтъ на тронную рѣчь содержалъ въ себѣ буквальное изложеніе *всей* партійной программы. Всякій пропускъ вѣдь „можетъ быть истолкованъ“, какъ „отказъ отъ обѣщанія“, а при склонности къ энергичнымъ и сильнымъ выраженіямъ — и какъ „измѣна“, и какъ „обманъ избирателей“. Должна ли и могла ли парламентская фракція партіи Народной Свободы взглянуть на свою задачу при выработкѣ отвѣта на тронную рѣчь, какъ на буквальное изложеніе программы партіи? Не колеблясь, отвѣчаемъ категорически:—и не могла и не должна была. Несомнѣнно, это очень упростило бы выработку отвѣта: не надо было отыскивать даже и форму для выраженій, надлежало написать—„Ваше Императорское Величество!“,—затѣмъ переписать 57 параграфовъ партійной программы да въ концѣ прибавить пунктъ объ амнистіи. Отвѣтъ на тронную рѣчь былъ бы готовъ. Конечно, это не избавило бы партію отъ упрековъ въ „измѣнѣ народнымъ требованіямъ“, ибо, какъ извѣстно, по ученію россійскихъ соціалъ-демократовъ, и программа „буржуазной“ партіи Народной Свободы такую „измѣну“ содержитъ,—зато всѣ разговоры объ „отказѣ отъ обѣщанія“, объ „обманѣ“ были бы немыслимы...

Предъявляя совсѣмъ другія требованія къ парламентскому отвѣту на тронную рѣчь, мы если и видимъ нѣкоторые недостатки въ принятомъ думой „отвѣтѣ“, то заключаются они, на нашъ взглядъ, не въ пропускахъ, а въ излишнихъ подробностяхъ. Отвѣтъ на тронную рѣчь долженъ содержать въ себѣ въ самой общей, по необходимости сжатой, формѣ то, что является въ глазахъ палаты указующей директивой для правительства, то, что, по мнѣнію палаты, наиболѣе важно и

существенно необходимо исполнить въ ближайшемъ будущемъ, то, стремленіе къ чему составитъ ближайшую задачу палаты. Обремененіе отвѣта подробностями и детальною разработкою отдѣльныхъ вопросовъ могло только ослабить, а не усилить впечатлѣніе. Партія Народной Свободы должна была искать такой общей формы для выраженія въ отвѣтномъ адресѣ своихъ desiterata, которая вмѣщала бы въ себѣ ихъ партійное рѣшеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была бы пріемлема по возможности для всей Думы. Если въ „отвѣтѣ“ не говорится объ автономіи для Царства Польскаго, то зато въ немъ читаемъ: „Государственная Дума считаетъ необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей“. Когда вопросъ „объ удовлетвореніи назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей“ будетъ поставленъ въ Думѣ, партія Народной Свободы и будетъ имѣть возможность бороться за автономію для Царства Польскаго, доказывая, что удовлетвореніе назрѣвшихъ потребностей польской національности возможно только въ формѣ автономіи... Если въ „отвѣтѣ“ не говорится о необходимости „всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности“, то въ немъ содержится: „Госуд. Дума съ своей стороны приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права“. Когда Дума будетъ обсуждать законопроектъ о народномъ представительствѣ, тогда партія Народной Свободы и будетъ защищать свой взглядъ о необходимости, чтобы избирательное право было не только всеобщимъ, но и прямымъ, равнымъ и тайнымъ безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ по существу во

время преній объ отвѣтномъ адресѣ было совершенно безполезной тратой времени, ибо ни одинъ изъ нихъ по существу и не ставился. Этого не понимали и до сихъ поръ не понимаютъ многіе. Сжатая и общая формулировка нужна была при этомъ не только потому, что впечатлѣніе, ею произведенное, сильнѣе, но и потому что, какъ мы уже сказали выше, необходимо было найти форму, пріемлемую, по возможности, для всей Думы. На приведенную формулировку „отвѣта“ по національному вопросу—могли согласиться и тѣ, кто, являясь противниками автономіи Царства Польскаго, будетъ отстаивать другія мѣры удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей польской національности.

Пунктъ о законѣ о народномъ представительствѣ могли вотировать и противники, скажемъ, прямого избирательнаго права. Отрицать чрезвычайную важность нахожденія этой, пріемлемой для всей Думы, формы выраженія для общаго мнѣнія о томъ, что назрѣло и неотложно должно быть проведено въ жизнь, могутъ только тѣ, кто не понимаетъ историческихъ задачъ Государственной Думы, а оттого и не оцѣниваетъ значенія единодушія при пріемѣ отвѣта на тронную рѣчь. Единодушія же возможно было достичь только нахожденіемъ *общей* формы. Въ „отвѣтѣ“ цѣнно было, главнымъ образомъ, то единодушіе, съ которымъ онъ былъ принятъ. Разногласія будутъ умѣстны при обсужденіи каждаго вопроса по существу въ отдѣльности. Тогда и партія Народной Свободы будетъ защищать свою программу, свои рѣшенія. Усиліями партіи Народной Свободы единодушіе при вотированіи выработаннаго комиссіей „отвѣта“ было достигнуто и не даромъ ночь съ 4 на 5 мая уже называютъ исторической. Удаленіе шести октябристовъ передъ голосованіемъ очень мало нарушаетъ картину того „объединенія“, которое достигнуто на почвѣ выработаннаго „отвѣта“. Г. Дану это „объединеніе“ кажется „пресловутымъ“:—у всякаго свой вкусъ и свое пониманіе вещей. Но, когда г. Данъ при этомъ объяв-

ляетъ, что это „объединеніе“ было для кадетовъ лишь желаннымъ предлогомъ прикрыть свою собственную измѣну „народнымъ требованіямъ“, то мы, называя вещи своими именами, должны признать это инсинуаціей. Партія Народной Свободы съ вполнѣ правильнымъ расчетомъ стремилась достигнуть объединенія всей Думы, предвидѣть, въ какой мѣрѣ это окажется достижимымъ, было трудно, уходъ 6 октябристовъ нисколько не лежитъ на ея отвѣтственности, да по существу и маловаженъ. Въ стремленіи къ „объединенію“ партія ничѣмъ не поступилась, ни отъ чего не отказалась, ничему не измѣнила. Борьба за свои программные постулаты — для партіи впереди, и въ этой борьбѣ партія, нисколько не сомнѣваемся, докажетъ свою программную стойкость.

При выработкѣ „отвѣта“ иногда приходилось слышать въ преніяхъ отъ членовъ партіи Народной Свободы—„можно согласиться на предложенную поправку, во избѣжаніе обвиненій со стороны непонимающихъ и недобросовѣстныхъ“. Такая позиція насъ не мало поражала: во всякомъ дѣлѣ особенно вредны „постороннія соображенія“. Забота объ устраненіи обвиненій была такимъ „постороннимъ соображеніемъ“. Въ „отвѣтъ“ надо было внести только необходимое, все лишнее могло оказаться не только безполезнымъ, но и вреднымъ. Говорили, что голосованіе противъ прибавки „прямого, равнаго etc.“ можетъ быть понято, какъ отрицаніе ихъ необходимости. Говорили, что могутъ не понимать постановки вопроса и думать, что онъ рѣшается *по существу*.

Но всегда и во всякомъ дѣлѣ надо считаться только съ понимающими, а не съ непонимающими. Недобросовѣстности же все равно рта ничѣмъ не зажать... Отношеніе между принятымъ думою отвѣтнымъ адресомъ и программой партіи Народной Свободы до того очевидно въ нашихъ глазахъ, что при разговорахъ о совершенномъ „посягательствѣ“ на чистоту программы, о „предательствѣ“ (соціально-политическій

клубъ, митингъ по женскому вопросу) мы съ трудомъ можемъ провести границу между непониманіемъ и недобросовѣстностью. Высоко вздымаются волны взбаломученнаго моря демагогіи и захваченные ими уже не задаютъ себѣ вопроса „cui prodest“?...

Въ исключительной важности историческій моментъ, когда Дума—дѣтище революціи, призванная при поддержкѣ всѣхъ живыхъ элементовъ націи стать ея органомъ и закрѣпить ея завоеванія въ демократическихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, — не находятъ болѣе революціоннаго лозунга, какъ „долой думу, долой кадетовъ!“.. Трудно преувеличить трагическую нелѣпость совершающагося, грозящаго несчастному народу и истерзанной странѣ новыми испытаніями. Долгъ всѣхъ отдающихъ себѣ ясный отчетъ въ истинномъ смыслѣ событій—стойко и мужественно противостоять напору мутныхъ волнъ демагогіи. Надо спокойно исполнять свой долгъ, руководствуясь девизомъ:

„Segui il tuo corso, e lascîa dir le genti“!

Въ борьбѣ за идеалъ надо не бояться „побыть не въ модѣ“...

При обсужденіи въ Государственной Думѣ „отвѣта“ партія Народной Свободы ни въ чемъ ни на одну пядь не отступила отъ своей программы: нельзя указать ни одного параграфа ни одного пункта „отвѣта“, которые можно бы истолковать, какъ компромиссную сдѣлку, какъ „посягательство на чистоту программы“. Не надо только забывать, что задача отвѣта на тронную рѣчь не сводилась для партіи Народной Свободы къ буквальному повторенію въ немъ всей своей программы полностью.

„Тоже идейные борцы“

Слово найдено: *они*—„тоже идейные борцы“. „Въ борьбѣ за охрану порядка“,— говоритъ о нихъ отвѣтный адресъ на

тронную рѣчь Государственнаго Совѣта, — они „нарушили грани, закономъ поставленныя“. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ г. Дурново въ сенатѣ говорилъ о нихъ опредѣленнѣе: они дѣйствовали согласно „видамъ правительства“... Въ послѣднемъ, впрочемъ, никто никогда не сомнѣвался.

Г. Самаринъ—членъ Государственнаго Совѣта по избранію — заявилъ, что *они* идейно вели „борьбу противъ *революціоннаго движенія*“. И Государственный Совѣтъ съ мнѣніемъ г. Самарина, поддержаннымъ гг. Ушаковымъ, Нарышкинымъ и др., согласился. Тщетно г. Манухинъ доказывалъ, что „идейныхъ борцовъ“ за существующій порядокъ не существуетъ и существовать не могло, что есть громилы и поджигатели, есть люди, допустившіе бездѣйствіе или превышеніе власти, но все это ничего общаго ни съ амнистіей ни съ идеей не имѣетъ... „Идейные борцы“ восторжествовали въ Государственномъ Совѣтѣ по всей линіи. Въ Государственномъ Совѣтѣ вѣдь столько бывшихъ „тоже идейныхъ борцовъ“!..

С.-Петербургъ, 6-го Мая

Въ Государственной Думѣ образовалась, какъ извѣстно, трудовая парламентская группа по составу главнымъ образомъ крестьянская. Количественно группа достаточно значительна, чтобы быть въ Думѣ величиной вліятельной. Крестьянство, такимъ образомъ, имѣетъ свое представительство, стоящее на стражѣ его интересовъ. Можетъ быть, этой группѣ удастся выработать и программу и тактику, которыя дадутъ ей возможность идейнаго объединенія крестьянства и созданія большой крестьянской политической партіи. Это будетъ большимъ шагомъ въ политическомъ развитіи страны. Но сейчасъ, въ острый моментъ нашей политической исторіи, когда въ ближайшемъ будущемъ долженъ рѣшиться грозный вопросъ, быть или не быть, свершиться-ли политиче-

скому обновленію и освобожденію страны, или путемъ новыхъ потрясеній пойти, быть можетъ, къ политическому разложенію и анархіи, вниманіе приковываютъ не вопросы будущей политической группировки, а тревожныя задачи неотложнаго настоящаго. Передъ Государственной Думой, передъ страной стоитъ основная задача — обезпечить дальнѣйшее мирное культурное развитіе народа свободными учрежденіями демократическаго конституціоннаго строя. Къ исполненію этой задачи Дума окажется способной только тогда, если она будетъ поддержана сочувствіемъ организованнаго общественнаго мнѣнія. Поэтому вся тактика Думы должна быть построена въ соотвѣтствіи съ дѣйствительнымъ настроеніемъ страны, на учетѣ степени ея политическаго развитія. Вотъ здѣсь-то и возникаетъ вопросъ, могутъ-ли рѣчи и заявленія представителей трудовой группы, ея программа и тактика быть сочтены надежнымъ выразителемъ дѣйствительнаго настроенія и политическаго развитія крестьянства? Мы полагаемъ, что трудовая группа, только отрѣшившись отъ наклонности нѣкоторыхъ своихъ представителей къ дешевымъ демагогическимъ эффектамъ, только въ согласіи съ фракціей партіи Народной Свободы найдетъ надлежащія директивы для своего парламентскаго поведенія въ текущій политическій моментъ. Съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаемъ, что во время преній объ адресѣ одинъ изъ видныхъ трудовиковъ, Аладьинъ, обнаружилъ чуткость въ пониманіи политическихъ задачъ момента...

С.-Петербургъ, 7 мая

Политическое положеніе

Если въ Государственной Думѣ совершаются историческія событія, то въ Государственномъ Совѣтѣ происходятъ занимательныя сцены. Разстояніе между думской правой и

лѣвой все-таки допускаетъ взаимное пониманіе. Родичевъ говоритъ, что по существу готовъ подписаться подъ каждымъ словомъ Стаховича, Стаховичъ отвѣчаетъ тѣмъ-же: — по существу онъ вполнѣ согласенъ съ Родичевымъ. У гг. же Акимовыхъ, Дурново, Самариныхъ точекъ соприкосновенія съ гг. Вернадскими, Шахматовыми — нѣтъ никакихъ. Акимовъ можетъ только язвить „почтеннаго профессора Вернадскаго, знатока революціонныхъ дѣлъ". Если въ Думѣ Петрункевичъ говоритъ, что первое свободное слово должно быть сказано въ пользу тѣхъ, кто боролся за освобожденіе страны отъ ига бюрократическаго всевластія, то въ Государственномъ Совѣтѣ г. Самаринъ требуетъ амнистіи для нарушителей закона въ борьбѣ съ революціей — они вѣдь „тоже идейные борцы". Если въ Думѣ защита смертной казни г. Способнымъ „съ точки зрѣнія гастрономической" (выраженіе Набокова) вызываетъ презрительный смѣхъ, то въ Государственномъ Совѣтѣ съ сочувствіемъ соглашаются съ кн. Касаткинымъ-Ростовцевымъ, что разговоры объ амнистіи — „живой укоръ для ихъ высокопревосходительствъ". Для пониманія современнаго политическаго положенія необходимо внимательно прислушиваться къ тому, что говорится въ „обновленномъ" Государственномъ Совѣтѣ. Слушая эти разговоры, начинаешь понимать, что уступокъ не будетъ, что конфликтъ — вопросъ болѣе или менѣе близкаго будущаго. И ближайшія перспективы рисуются въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, когда приглядѣться къ тому, что дѣлается внѣ стѣнъ Думы. Въ Думѣ народные представители, не щадя силъ, работали надъ тѣмъ, чтобы дать выраженіе народной воли, національныхъ постулатовъ. Внѣ Думы не знаютъ болѣе революціоннаго лозунга, какъ „долой Думу, долой кадетовъ!" Представители крайнихъ лѣвыхъ партій кричатъ объ „измѣнѣ" въ то время, когда Дума больше всего нуждается въ общественной поддержкѣ для того, чтобы закрѣпить завоеванія освободительнаго движенія въ демократическихъ, конституціонныхъ учрежденіяхъ

Удары, которые должны бы быть направлены на все еще властную бюрократію, падаютъ на Думу, борющуюся съ этой бюрократіей за народную свободу. Дума находится между двухъ огней и политическіе слѣпцы не видятъ, что готовятъ странѣ новыя потрясенія, новые ужасы. Дворцовая камарилья учтетъ въ свою пользу демагогическую агитацію противъ Думы и нѣжные ростки русской свободы утонутъ въ потокахъ крови... Да не будетъ этого! воскликнетъ всякій искренній другъ измученнаго насиліями народа. Но предотвратить это можетъ только національный подвигъ общественной солидарности. Разбивающіе стремленіе къ этой солидарности работаютъ на реакцію, какіе бы передовые лозунги они не писали на своихъ знаменахъ...

Ближайшее засѣданіе Думы (8-го мая) откроется съ обсужденія запроса министру внутреннихъ дѣлъ по поводу разоблаченій печати относительно организаціи октябрьскихъ погромовъ. А изъ цѣлаго ряда мѣстъ (Вологда, Симбирскъ, Муромъ и др.) уже несутся вѣсти о новыхъ ужасахъ, въ которыхъ видна направляющая рука...

Отвѣтъ на ходатайство предсѣдателя Думы объ аудіенціи, посланное Государю черезъ фельдъегеря, для врученія отвѣтнаго на тронную рѣчь Всеподданнѣйшаго адреса, только что полученъ: Муромцеву предложено передать отвѣтный адресъ черезъ дворцовое вѣдомство...

С.-Петербургъ, 8 мая

Передъ открытіемъ сегодняшняго засѣданія Думы въ кулуарахъ царило нервное возбужденіе. Ходили слухи о томъ, что формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выработанная фракціей партіи Народной Свободы по поводу отказа въ пріемѣ думской депутаціи съ отвѣтнымъ адресомъ на тронную рѣчь, не удовлетворяетъ трудовую группу и она вы-

ступитъ съ предложеніемъ болѣе рѣшительнымъ и рѣзкимъ... По открытіи засѣданія Муромцевъ сообщилъ, что въ отвѣтъ на представленное имъ ходатайство о пріемѣ думской депутаціи въ составѣ президіума Думы, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ предсѣдателя совѣта министровъ: „По Высочайшему повелѣнію, имѣю честь увѣдомить Васъ, что Государю Императору благоугодно, чтобы отвѣтный адресъ Государственной Думы на привѣтственное слово Его Величества былъ посланъ Вами Государю Императору при Всеподданнѣйшей Вашей запискѣ". Новгородцевъ отъ имени фракціи партіи Народной Свободы предложилъ—признать, что тотъ или другой способъ представленія отвѣтнаго думскаго адреса на тронную рѣчь не имѣетъ существеннаго значенія и принять слѣдующую формулу перехода: „полагая, что значеніе отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь заключается въ его содержаніи, а не въ способахъ его представленія, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ"... „Наши очередныя дѣла—закончилъ свою рѣчь Новгородцевъ—первостепенной важности, о нихъ русская земля давно вопіетъ къ небу и въ этомъ важный поводъ безъ дальнѣйшихъ преній, не заботясь о формѣ, перейти къ нашимъ историческимъ очереднымъ дѣламъ"... Напряженіе достигло чрезвычайной интенсивности, когда на кафедру взошелъ Аладьинъ. Но Аладьинъ не дѣлаетъ никакого практическаго предложенія и только останавливается на оцѣнкѣ „значенія самаго факта"... Аладьинъ считаетъ необходимымъ сказать народу, что его представители будутъ продолжать работу, но на каждомъ шагу они встрѣтятъ препятствія, о которыя, можетъ быть, разобьется вся ихъ энергія... Оцѣнка Аладьина весьма близка къ истинѣ, всѣ это прекрасно сознавали и до его рѣчи. Но передъ Думой стояла задача не „оцѣнки", а „перехода къ очереднымъ дѣламъ". Послѣ рѣчей М. М. Ковалевскаго и В. Д. Набокова, изъ которыхъ послѣдній оспаривалъ нѣкоторые аргументы Аладьина, формула перехода, внесенная

Новгородцевымъ отъ имени фракціи партіи Народной Свободы, принята почти единогласно. Накопившееся электричество начало разряжаться... Секретаремъ Думы послѣ этого было прочтено предложеніе, подписанное 42 членами, принадлежащими къ партіи Народной Свободы. Предложеніе заключаетъ въ себѣ основы, на коихъ долженъ быть выработанъ будущій законопроектъ по земельному вопросу, къ рѣшенію котораго Дума обязана неотложно приступить. Предложеніе будетъ напечатано, роздано членамъ Думы и тогда начнутся пренія о дальнѣйшемъ его направленіи...

С.-Петербургъ, 12 мая

Политическое положеніе продолжаетъ оставаться крайне неопредѣленнымъ и колеблющимся. Сейчасъ передъ открытіемъ засѣданія Думы въ кулуарахъ распространились, какъ увѣряютъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, два исключающихъ одинъ другой противорѣчивыхъ слуха. Одинъ утверждаетъ объ образованіи кабинета во главѣ съ Д. Н. Шиповымъ при участіи Тимирязева и кн. Урусова. Другой говоритъ о рѣшимости разогнать „дерзкую“ Думу. Вполнѣ возможно, что ни одинъ изъ нихъ не подтвердится и рѣшеніе сколько-нибудь опредѣленное не будетъ принято еще нѣкоторое время.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что политическое положеніе момента находится въ равновѣсіи весьма неустойчивомъ и такъ или иначе, но въ ближайшемъ же будущемъ предстоятъ тѣ или иныя крупныя перемѣны. Въ долговѣчность министерства Горемыкина никто не вѣритъ. И, если слухъ объ отставкѣ кабинета, упорно циркулирующій съ 8-го мая, еще не подтвердился, то это можетъ случиться всякую минуту.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что все будущее

главнымъ образомъ зависитъ отъ силы общественнаго сплоченія, отъ солидарности въ отстаиваніи народныхъ правъ. А въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, далеко не все обстоитъ благополучно. На громадныхъ митингахъ откровенно признаются, что главную задачу момента видятъ въ дискредитированіи Думы и партіи Народной Свободы. Вчера въ клубѣ Народной Свободы начались собесѣдованія по вопросамъ текущей дѣйствительности. И вотъ послѣ доклада г. Колюбакина выступили съ рѣчами представители такъ называемыхъ крайнихъ партій. Мы не упоминали бы объ этихъ преніяхъ: до того они шаблонно-ординарны, еслибы не произошелъ такой инциндентъ: юноша-рабочій началъ говорить о томъ, что рабочіе требуютъ амнистіи, требуютъ свободы, а партія Народной Свободы ставитъ препятствія осуществленію этихъ требованій. Это еще было довольно обычно. Но дальше ораторъ заявилъ: „я голодаю, я прошу ѣсть, а они говорятъ— запишись въ партію правового порядка или въ партію Народной Свободы, тогда будутъ тебя кормить“. Представители районовъ запротестовали послѣ этихъ словъ, указывая, что организація помощи безработнымъ чужда какой-либо партійности. На вопросъ, обращенный къ рабочему, гдѣ слышалъ онъ, что условіемъ допуска въ столовыя ставятъ запись въ партію Народной Свободы, рабочій отвѣчалъ—„на митингахъ“...

Такими средствами осуществляютъ „задачу момента“ дискредитированіе партіи Народной Свободы...

Сегодня въ засѣданіи Думы разсматриваются доклады отдѣловъ о провѣркѣ правильности выборовъ. Многимъ это кажется опять скучной формальностью, но обойтись безъ нея Дума не можетъ и только напрягаетъ всѣ усилія, чтобы скорѣе перейти къ настоящему дѣлу.

Сегодня внесенъ законопроектъ объ огражденіи свободы совѣсти.

С.-Петербургъ, 13 мая

Одно изъ „обвиненій“

Въ числѣ другихъ обвиненій по адресу Думы, сведенныхъ въ пункты, отчего обвиненія, конечно, не пріобрѣли нисколько убѣдительности, значится и такое: Дума только и занимается формальностями да отдыхами отъ формальностей. Съ налета можно обвинять въ чемъ угодно. Охотно вѣримъ неутомимости обвинителей, но все же думаемъ, что и они врядъ ли работаютъ больше, чѣмъ члены Думы со дня ея открытія. Работа членовъ Думы не сводится къ засѣданіямъ Думы, составляющимъ, быть можетъ, незначительную часть той работы, которую несутъ г.г. депутаты... Работы въ комиссіяхъ, фракціяхъ и группахъ поглощаютъ массу труда и времени, массу нервной энергіи. А между тѣмъ возможно ли правильное теченіе работъ Думы безъ той необходимой подготовительной работы, которая совершается въ комиссіяхъ, фракціяхъ, группахъ?

Все это такъ просто и такъ очевидно, что право же непонятнымъ и непостижимымъ можетъ быть только для той критики, которая девизомъ своимъ поставила:

„ѣду, ѣду не свищу,
А паѣду не спущу“...

Намѣреніе „не спустить“ отличаетъ всю критику такихъ обвинителей, но позволительно спросить, увеличиваетъ ли это цѣну и достоинство „критики“?

Уѣхали...

10 мая выѣхалъ за границу П. Н. Дурново. „До границы,—сообщали газеты,—его сопровождали чиновники охраннаго отдѣленія“. Мы думаемъ, что они поѣхали съ нимъ и за границу... 14 мая за П. Н. Дурново послѣдовалъ и графъ С. Ю.

Витте, надо полагать, тоже „въ сопровожденіи“. Мы полагаемъ, что выѣздъ за границу этихъ недавнихъ вершителей судебъ несчастной страны не будетъ никѣмъ сочтенъ за то „удаленіе людей, которымъ больше нечего дѣлать въ Россіи“, какое, по мнѣнію депутата Аникина, скоро станетъ неизбѣжнымъ. Въ желаніе отставленныхъ министровъ отдохнуть тоже не вѣрится. Если имъ сейчасъ нечего дѣлать въ Россіи, то, очевидно, нашлась „работа“ внѣ Россіи, конечно, не для Россіи, а противъ Россіи, или точнѣе работа для Россіи чиновной противъ Россіи народной. Они еще полны увѣренности, что не потеряна надежда вновь стать имъ во главѣ Россіи чиновной для довершенія своей работы противъ Россіи народной...

Памяти депутата А. П. Андреянова

Когда въ Думѣ было сообщено о скоропостижной кончинѣ депутата-крестьянина А. П. Андреянова, передъ мысленнымъ взоромъ нашимъ всталъ образъ этого человѣка, котораго мы никогда лично не знали и чье имя однако уже не звучало для насъ пустымъ звукомъ.

Два раза мы слышали покойнаго Андреянова выступавшимъ въ Думѣ и оба раза онъ говорилъ немного. Въ первый разъ послѣ бурныхъ рѣчей о томъ, что надо „не просить, а требовать“, что „за нами сто милліоновъ народа“ и т. п., Андреяновъ скромно и вдумчиво заговорилъ о томъ, что выслушанныя имъ рѣчи своимъ тономъ удивили его: „Вѣдь Дума не митингъ и то, что можно говорить на митингѣ, неумѣстно въ Государственной Думѣ“... У многихъ, вѣроятно, шевельнулось подозрѣніе, что заговорилъ одинъ изъ „ерогинскихъ крестьянъ“... Мы не знали, къ какой партіи принадлежитъ г. Андреяновъ, но его слова произвели на насъ впечатлѣніе серьезностью и вдумчивостью, съ какой они были сказаны... Искренность оратора для насъ не подлежала сомнѣнію.

Его слова напомнили намъ одно предвыборное собраніе, почти исключительно крестьянское по составу. Когда кто-то сказалъ на немъ о возможной перспективѣ разгона Думы, ораторъ изъ крестьянъ при общемъ сочувствіи аудиторіи отвѣтилъ: „Коли Царь зове, щобъ сказали, чего народові треба, то выбиратимемъ такихъ, щобъ робили смирно: тоді и не розженуть“... И намъ показалось, что г. Андреяновъ опирался на подобныя же крестьянскія настроенія, которыя зналъ, вѣроятно, очень хорошо. Въ другой разъ Андреяновъ выступилъ pro domo sua: наканунѣ онъ вмѣстѣ съ „ерогинцами“ подписалъ предложеніе объ отсрочкѣ преній по стоявшему на очереди обсужденію отвѣтнаго адреса. Онъ не понялъ, подписывая заявленіе, что попалъ въ ловушку... Просто и скромно, безъ лишнихъ словъ, заявилъ Андреяновъ съ трибуны, что подписалъ заявленіе объ отсрочкѣ преній, желая основательности въ столь важномъ вопросѣ, но проситъ, чтобы никто не подумалъ, что онъ солидаренъ во взглядахъ съ г. Ерогинымъ... Опять сдержанное и корректное слово Андреянова произвело на насъ впечатлѣніе своей глубокой серьезностью, вдумчивостью...

Говорятъ, послѣдніе дни жизни Андреяновъ мучился тѣмъ, что въ сызранскихъ газетахъ появилось извѣстіе, будто онъ примкнулъ къ „ерогинцамъ“...

Послѣ его смерти мы узнали, что онъ подвергался преслѣдованію за принадлежность къ крестьянскому союзу, состоялъ членомъ партіи Народной Свободы и трудовой группы. Несомнѣнно, въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу искренно и горячо преданный народному дѣлу—самъ сынъ народа—вдумчивый и стойкій, скромный, полезный работникъ.

Коротка была его парламентская дѣятельность, но имя Андреянова не было пустымъ звукомъ для тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за первыми шагами Государственной Думы. А это уже не мало. Миръ праху преждевременно ушедшаго!

С.-Петербургъ, 13 мая

Встрѣтились! Народъ въ лицѣ своихъ первыхъ представителей и упрямая въ своемъ тупомъ реакціонерствѣ правящая бюрократія въ лицѣ Горемыкинскаго кабинета — встрѣтились лицомъ къ лицу... На стойкое, энергичное и рѣшительное требованіе народа — „земли и воли!“ правительство отвѣтило—„ни земли, ни воли!“.. Встрѣча состоялась въ сегодняшнемъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы. Уже вчера въ вечернихъ газетахъ была сообщена сущность отвѣта правительства, сегодня прочтеннаго съ парламентской трибуны предсѣдателемъ совѣта министровъ г. Горемыкинымъ. Въ страстныхъ преніяхъ, вызванныхъ правительственной декларацiей, приняли участіе лучшія ораторскія силы Думы. Первымъ на трибуну взошелъ г. Набоковъ и его сильный, пріятный голосъ зазвучалъ съ трудомъ сдерживаемымъ негодованіемъ. Онъ закончилъ свою образцовую рѣчь провозглашеніемъ основного принципа народнаго представительства — исполнительная власть да покорится волѣ народнаго представительства. Набокова смѣнилъ Родичевъ и точно удары молота посыпались рѣзкіе, металлическіе звуки — сильные, рѣшительные. Говорили — Аникинъ, Аладьинъ, Ледницкій, Кокошкинъ. Все напряженнѣе звучали струны, все выше и выше поднимались волны: иронію смѣнялъ сарказмъ, гнѣвъ переходилъ въ ненависть... Во время короткаго перерыва Горемыкинъ уѣхалъ изъ Думы. Опять говорили—Щепкинъ, Ковалевскій и многіе другіе и единодушнымъ требованіемъ всѣхъ рѣчей было—министерство должно выйти въ отставку! Съ министерской скамьи выяснить „недоразумѣніе“ поднялся министръ юстиціи г. Щегловитовъ. Его выступленіе еще болѣе неудачно, чѣмъ чтеніе г. Горемыкина. Щегловитову отвѣчалъ Гредескулъ. Рѣчи продолжались, но еще задолго до ихъ конца на министерской скамьѣ никого не осталось... Сильна и своеобразна была рѣчь тамбовскаго крестьянина Лосева, сравнив-

шаго народъ русскій съ Самсономъ, хитростью и коварствомъ Далилы лишеннымъ мощи. Подробно и образно разсказалъ онъ о концѣ Самсона и, выразительно жестикулируя, закончилъ: „Друзья, я обращаюсь къ Вамъ и говорю—все трудовое крестьянство поставлено въ такое критическое положеніе, его сдѣлали, какъ жалкаго, слѣпого Самсона... Я одно долженъ сказать Вамъ, я не ручаюсь за то, выдержитъ-ли нашъ несчастный Самсонъ, или также упрется и скажетъ: „умри, душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами“!..

Послѣдній ударъ былъ нанесенъ лидеромъ правой, пользующимся всеобщимъ уваженіемъ, графомъ Гейденомъ. „Когда я шелъ въ Государственную Думу—такъ началъ свою рѣчь Гейденъ—я думалъ, намъ будетъ дана возможность мирно и благотворно работать, думалъ, мы встрѣтимъ въ правительствѣ полное сочувствіе на этомъ мирномъ пути. Сегодняшняя декларація Министерства, къ сожалѣнію, убѣдила меня въ противномъ“... Далѣе Гейденъ подчеркнулъ то обстоятельство, что министры даже не дождались конца преній. Рѣчь Гейдена произвела сильное впечатлѣніе и была покрыта бурными аплодисментами. Недовѣріе министерству выражено почти единогласно (противъ встало всего 11 человѣкъ, въ числѣ ихъ М. А. Стаховичъ). Немедленная отставка всего министерства признана единственнымъ средствомъ успокоенія государства и возможности работы въ Думѣ... „Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“... Что-бы ни было впереди, министерство Горемыкина позаботилось о томъ, что Дума рекомендована странѣ...

Крестьянскіе депутаты спѣшно разсылали телеграфомъ во всѣ концы „домой“ то мѣсто изъ министерской декларації, которое говоритъ о землѣ. „Безусловно недопустимо“—полетѣло въ глубину Россіи... Какое впечатлѣніе произведутъ тамъ эти слова?..

Въ 7½ час. вечера словами „Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“ историческое засѣданіе окончилось... Слѣдующее въ понедѣльникъ...

Всѣ чувствуютъ, что свершилось нѣчто большое, историческое, положенъ какой-то предѣлъ, за которымъ — или уступка народной волѣ, или... бездна...

С.-Петербургъ, 14 мая

Думская Правая

Думская правая невелика, хотя численный составъ ея точно пока установить невозможно: группировка по партіямъ еще не можетъ быть признана закончившейся. Крайняя правая, если судить по результатамъ боевыхъ голосованій, не превышаетъ 10—12—15 человѣкъ. Лидеромъ правой является достойный и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ общественный дѣятель графъ Гейденъ. Онъ же и безусловно крайній лѣвый въ правой. По убѣжденіямъ — безусловный конституціоналистъ, вполнѣ корректный джентльменъ, графъ Гейденъ является однимъ изъ передовыхъ членовъ „союза 17 октября". Въ душѣ графъ, повидимому, считаетъ себя призваннымъ охранять интересы и права меньшинства: это его idée-fixe, ставящая его нерѣдко въ курьезное положеніе. Порой, при разгоряченной атмосферѣ страстей, рѣчи графа Гейдена вызываютъ даже легкія шиканія несдержанныхъ элементовъ, но нерѣдко его рѣчи покрываются и дружными апплодисментами всей Думы. Выше всего графъ ставитъ, по его собственнымъ словамъ, дѣло и равнодушенъ къ словамъ. Свою позицію онъ отстаиваетъ стойко и послѣдовательно. Другой видный человѣкъ правой—товарищъ графа Гейдена по „союзу 17 октября"—дѣятель совсѣмъ другого типа. Его культурной просвѣщенности тоже претитъ политика произвола и насилій, но политическіе взгляды его туманны, не послѣдовательны и переполнены метафизическимъ туманомъ обрывковъ славянофильства. Стаховичъ обладаетъ крупнымъ ораторскимъ талантомъ, но обиліе „слезы" въ тонѣ и манерѣ говорить производитъ непріятное впечатлѣніе. Голосуетъ съ крайней пра-

вой. Гейденъ и Стаховичъ — это генералы правой, армія же ея за двумя, тремя исключеніями еще ничѣмъ себя не проявила. Она дѣйствовала главнымъ образомъ „за кулисами“, гдѣ между прочимъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность г. Ерогинъ. Что же касается „исключеній“, то мы ихъ въ свое время отмѣчали: это знаменитое выступленіе екатеринославскаго депутата Способнаго въ защиту смертной казни „съ гастрономической точки зрѣнія“ и пресловутая „поправка“ волынскаго священника Концевича по національному вопросу—„Дума постарается развитіемъ своеобразія въ бытѣ различныхъ народностей, населяющихъ Имперію достигнуть уничтоженія своеобразія Россіи и даже самого ея имени“...

„Союзъ 17 октября“ имѣетъ въ Думѣ такія несходныя величины, какъ графъ Гейденъ, Стаховичъ, Способный... Если первый, въ сущности, недалеко ушелъ отъ праваго крыла партіи Народной Свободы, то послѣдній вполнѣ подходитъ къ правовому порядку „провинціальнаго типа“... У крайней правой выступать въ Думѣ не хватаетъ храбрости, а можетъ быть, она, сознавая безнадежность задачи, не хочетъ тратить словъ. Опредѣленію и укрѣпленію своей принципіальной позиціи она не придаетъ значенія, вообще не обнаруживая особой „принципіальности“.

Предсѣдатель Думы

Авторитетъ и достоинство народнаго представительства какъ бы символизировались въ импозантной, величественной фигурѣ единогласно избраннаго предсѣдателя. Свою конституціонную теорію предсѣдатель афористически сжато изложилъ въ первой своей рѣчи, пожелавъ, чтобы работа Государственной Думы на благо народа, на благо родины совершилась „на основахъ подобающаго уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха и на почвѣ совершеннаго осуществленія правъ Государственной Думы, истекающихъ изъ са-

мой природы народнаго представительства". Обѣ части этой формулы были встрѣчены громомъ апплодисментовъ *всей* Думы... Въ одинъ изъ первыхъ дней думскихъ засѣданій кто-то изъ депутатовъ сказалъ—„въ печати я прочелъ упреки Государственной Думѣ"... Спокойно остановилъ предсѣдатель оратора и произнесъ: „Никто не можетъ дѣлать упрековъ *съ этой кафедры* Государственной Думѣ по поводу сдѣланныхъ ею постановленій. Ея авторитетъ выше *нашего личнаго* авторитета". Справа и слѣва въ печати смѣялись надъ тѣмъ, что предсѣдатель Думы установилъ ея непогрѣшимость... Надо было немного спокойствія и безпристрастія, чтобы понять, что не непогрѣшимость имѣлъ въ виду предсѣдатель Думы... Въ пылу страстей, поднимающихся во время бурныхъ преній, съ предсѣдательскаго мѣста раздается безпристрастное и олимпійски величественное слово... Въ пылу страстей его замѣчаніе иногда раздражаетъ нѣкоторыхъ, но страсти улегаются и безпристрастіе предсѣдателя оказывается стоящимъ на стражѣ достоинства и авторитета молодого народнаго представительства. На первыхъ шагахъ дѣятельности Государственной Думы подъ руководствомъ ея предсѣдателя закладываются благородныя и сдержанныя, полныя достоинства и снискивающія уваженіе конституціонныя традиціи... Въ „историческую ночь" принятія отвѣтнаго адреса (4-го мая) кто-то изъ крестьянскихъ депутатовъ назвалъ неутомимаго предсѣдателя—„крѣпкимъ старикомъ". Въ парламентскихъ кругахъ такъ и упрочилось за С. А. Муромцевымъ это полное уваженія наименованіе—„Крѣпкій старикъ"...

Извозчикъ о Думѣ

Когда я на дняхъ вышелъ изъ Думы и сѣлъ на извозчика, послѣдній обратился ко мнѣ со словами: „Хорошо въ Думѣ говорите, все, какъ слѣдуетъ народу,—правильно, читать даже

пріятно“... Я спросилъ, что, собственно, ему понравилось? „Все хорошо сказано, все съ удовольствіемъ читаемъ“... „На счетъ земли что ли понравилось“? „И на счетъ земли правильно, и на счетъ правовъ, на счетъ равенства хорошо... А то вотъ сегодня одного офицера везъ—говоритъ,—„бей лошадь!“,—а я говорю — за что ее бить, чай цѣльный день бѣгаетъ... А онъ мнѣ—„на то,—говоритъ,—она лошадью и создана, чтобы бить ее... Вотъ и тебя,—говоритъ,—ударить, такъ тебѣ больно будетъ, а меня ударить, такъ я офицеръ и мнѣ вдвое больнѣй“... Ну, нѣтъ, это,—говорю,—неправильно, ваше высокородіе, вы офицеръ, такъ чиномъ и жалованіемъ вы и пользуйтесь, это ваше, отъ васъ никто и не отниметъ, ну, а коли ударить, то кого ни ударить, хоть офицера, хоть такъ простого человѣка, всѣ дѣти одного Бога и всѣмъ одинаково больно... И на счетъ правовъ равенство должно быть... Не понравилось офицеру. Осерчалъ на мои рѣчи—„тебя—говоритъ—посадить надо“... За что, спрашиваю, посадить? — „А такихъ какъ ты полны тюрьмы сидятъ“ — отвѣчаетъ. Въ серьезъ осерчалъ офицеръ, ну и не сталъ я съ нимъ больше разговаривать... Такъ то, а Дума — Дума все правильно, читаешь эти всѣ рѣчи и сердцемъ радуешься, хорошо говорятъ!.. Помогай Богъ“!

С.-Петербургъ, 16-го мая

129 ст. и выборы

Необходимость состоянія подъ судомъ нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, неосторожно ставшихъ редакторами газетъ и журналовъ, миновала и 15 мая судебной палатой оправданы П. Н. Милюковъ, І. В. Гессенъ, П. Б. Струве и В. Г. Короленко. Привлеченіе по 129 ст. сдѣлало свое дѣло. Насколько оно было основательно, русскому обществу было очевидно и до оправдательныхъ приговоровъ судебной па-

латы, не менѣе очевиденъ былъ и смыслъ привлеченія. Благодаря ему, столь несомнѣнные представители народа, какъ Милюковъ и Гессенъ, входятъ нынѣ не въ залъ засѣданія, а въ ложу журналистовъ на верху. О Милюковѣ, въ качествѣ члена центральнаго комитета партіи Народной Свободы, пользующемся громаднымъ вліяніемъ на партію и ея парламентскую фракцію, говорятъ, что онъ подобенъ маршалу Ойямѣ, не участвующему въ бою непосредственно, но наблюдающему бой съ возвышенной позиціи и отдающему свои приказы. Это одна изъ кулуарныхъ остротъ...

С.-Петербургъ, 17-го мая

Запросы

Послѣ того, какъ Дума формулировала свой первый запросъ г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, онъ уже неоднократно появлялся въ министерской ложѣ и каждый разъ въ кулуарахъ распространялся слухъ о томъ, что „сегодня министръ отвѣтитъ на сдѣланный ему запросъ“. Г. министръ пока еще не отвѣчалъ... А Дума уже успѣла формулировать рядъ новыхъ запросовъ, обыкновенно, принимаемыхъ единогласно. Только на одинъ изъ нихъ послѣдовалъ „отвѣтъ“, если отвѣтомъ на запросъ представительнаго учрежденія можетъ считаться канцелярская отписка г. предсѣдателя совѣта министровъ за № такимъ-то... Это было вчера, когда г. Муромцевъ, открывая засѣданіе, прочелъ „отношеніе за № 26 отъ 12 мая“. („Отвѣтъ“ данъ въ тотъ же день, когда сдѣланъ запросъ!) „Отношеніе“ гласило: „Вы изволили увѣдомить меня, что Государственная Дума, въ засѣданіи 12 мая, единогласно приняла поданное предсѣдателю Думы, на основаніи ст. 40 Учрежденія Государственной Думы, подписанное 66 членами Думы заявленіе о сообщеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ разъясненій по предмету, въ упомянутомъ

заявленіи изложенному. Вслѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить васъ, что препровожденное ко мнѣ въ копіи заявленіе, вмѣстѣ съ приложенной къ нему копіей телеграммы Н. Д. Соколова на имя г. Неволина, передано мною по принадлежности военному министру". По всѣмъ правиламъ канцелярскаго искусства!.. И въ это время, какъ эта канцелярская отписка сообщалась Думѣ, она уже знала, что „непоправимое свершилось":—восемь юношей, присужденныхъ къ смертной казни въ Ригѣ, — объ этомъ приговорѣ и былъ сдѣланъ запросъ — уже были разстрѣляны... Какой смыслъ запросовъ Думы, если на нихъ будутъ даваться *такіе* отвѣты? Этотъ мучительный вопросъ стоитъ передъ многими, но Дума, продолжая дѣлать запросы, совершенно правильно видитъ ихъ смыслъ, если не въ практическомъ результатѣ, то въ новомъ и новомъ обнаруженіи идейной пропасти между Россіей чиновной и Россіей народной. Формулированіемъ запросовъ Дума стремится ввести русскую жизнь въ рамки законности и подчеркиваетъ всю ту пропасть, какая существуетъ между правительственной практикой и тѣми сладкими рѣчами о водвореніи законности, какія говорятся въ Думѣ министромъ юстиціи—Щегловитовымъ. Вчера Дума снова сдѣлала запросъ г. предсѣдателю совѣта министровъ, съ его ли согласія печатаются изо-дня въ день однородныя по тону и нерѣдко совпадающія по содержанію телеграммы на Высочайшее Имя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", въ которыхъ оскорбляется высшее законодательное учрежденіе и одна часть населенія натравливается противъ другой. Дума желаетъ также знать, съ какою цѣлью это дѣлается?

Какова-бы ни была канцелярская отписка г. Горемыкина, передъ лицомъ всей страны заявлено, что Дума считаетъ печатаніе подобныхъ телеграммъ въ оффиціальномъ органѣ „неслыханною вещью" (слова Набокова). Страна сдѣлаетъ свой выводъ...

С.-Петербургъ, 17-го мая

Еще о тактикѣ

Тактика партіи Народной Свободы продолжаетъ быть тѣмъ оселкомъ, о который всѣ желающіе съ успѣхомъ могутъ оттачивать остріе своего радикализма. Недавно „Наша Жизнь“ (№ 439), по поводу отвѣтнаго адреса Государственной Думы на тронную рѣчь, нашла, что тактика партіи Народной Свободы обнаруживаетъ „излишнее пристрастіе къ концентраціи направо“. Г-ну Е. Смирнову („Невская Жизнь“, № 4) такое мнѣніе показалось совсѣмъ несоотвѣтствующимъ „кадетскому“ преступленію и онъ выступилъ противъ „буржуазныхъ демократовъ“ за то, что у нихъ не нашлось „ни одного слова упрека“ по адресу к.-д. И „Нашей Жизни“ такое обвиненіе кажется настолько непереносимымъ, что она спѣшитъ возстановить свою честь доказательствомъ своихъ „упрековъ по адресу к.-д.“. Упрековъ по адресу к.-д. не дѣлаетъ только лѣнивый. Между прочимъ съ суровыми упреками противъ партіи выступилъ и членъ Государственной Думы г. Галецкій, на дняхъ заявившій центральному комитету о выходѣ изъ партіи. Мы не коснемся тѣхъ доводовъ г. Галецкаго, которыми онъ считаетъ нужнымъ оправдать себя отъ обвиненій въ нарушеніи обязательствъ нравственнаго характера, принятыхъ во время избирательной кампаніи. Хотя должны указать, что ссылка на вѣрность программѣ, выставленной при выборахъ, имѣетъ весьма мало отношенія къ дѣлу. Въ политикѣ громадное значеніе имѣетъ не только программа, но и тактика, т. е. то средство, какимъ хотятъ добиться осуществленія программы. Партіи для того и создаются, чтобы выработать единообразный способъ дѣйствія во имя общихъ цѣлей, для того, чтобы дѣйствіе было сосредоточеннымъ и сильнымъ. Оставаясь вѣрнымъ программѣ, можно избрать такую тактику, которая въ состояніи дать только провалъ

программы. И, если избраніе подъ флагомъ какой-либо партіи налагаетъ обязательства, то они относятся не только къ вѣрности программѣ, но и къ слѣдованію партійной тактикѣ. „Но, что же дѣлать-то, пишетъ г. Галецкій, — и здѣсь мы переходимъ къ тому существу его обвиненій, которое насъ сейчасъ занимаетъ,—„не обладаю той степенью политической гибкости, которая *потребна* для безпрепятственно-быстраго перехода отъ революціонныхъ эмоцій г. Колюбакина или Родичева къ тактическому оппортунизму хотя бы г. Набокова,—отъ трагическихъ словесъ къ мирной практикѣ и игрѣ въ настоящій парламентъ“ („Наша Жизнь“, № 445). Не будемъ осложнять вопроса дальнѣйшими намеками г. Галецкаго на желаніе партіи казаться не тѣмъ, чѣмъ она есть. Они нужны г. Галецкому для оправданія своего выхода изъ партіи; мы можемъ сосредоточить свое вниманіе около, столь непонятной г. Галецкому, „двойственности“—по существу вопроса. То, что „Нашей Жизни“ кажется „пристрастіемъ къ концентраціи направо“, а г. Галецкому „игрой въ настоящій парламентъ“ и „тактическимъ оппортунизмомъ“, столь несовмѣстимымъ со способностью къ „эмоціямъ“, является лишь неуклоннымъ и строго обдуманнымъ проведеніемъ того тактическаго плана, который одобренъ на послѣднемъ III делегатскомъ съѣздѣ партіи Народной Свободы. Въ постановленіяхъ этого съѣзда было между прочимъ такое: „Партія будетъ стремиться къ достиженію указанныхъ цѣлей, не останавливаясь передъ возможностью открытаго разрыва съ правительствомъ, но она обязана принять мѣры, чтобы вся тяжесть вины и отвѣтственности за столкновеніе, если такое будетъ, пала на правительство“. „Революціонныя эмоціи“ могутъ быть эффектны, но политическая тактика, построенная на нихъ, едва ли оказалась бы цѣлесообразной. Сторонники эффекта готовы вызвать конфликтъ по каждому вопросу, считаясь только со своимъ настроеніемъ. Амнистія или, лучше сказать, отсутствіе амнистіи, непринятіе думской

депутаціи—все должно, по ихъ мнѣнію, заставить идти на конфликтъ. Не соглашаться съ ними, значитъ обнаруживать умѣренность и аккуратность... Партія Народной Свободы, увѣренная въ правильности избраннаго пути, могла спокойно выслушивать нападки. Событія доказываютъ правильность усвоенной тактики. 13-го мая партія не уклонилась отъ конфликта, она приняла вызовъ, брошенный странѣ совѣтомъ министровъ, и даже „Двадцатый Вѣкъ“ не отказалъ ей на этотъ разъ „въ проникновеніи народнымъ долгомъ“, „въ духовномъ общеніи съ націею“. Насталъ моментъ, когда „вся тяжесть вины и отвѣтственности“ падала на правительство, и партія Народной Свободы показала, что „двойственность“ ея есть только измышленіе плохихъ политиковъ, воображающихъ, что ихъ „революціонныя эмоціи“ стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ „тактическимъ оппортунизмомъ“ партіи. Въ политикѣ цѣнны не слова, а существо дѣла. „Тактическій оппортунизмъ“ на дѣлѣ можетъ оказаться гораздо болѣе революціоннымъ по своей цѣлесообразности, нежели самыя „революціонныя эмоціи“, нерѣдко практически безплодныя. „Тактическій оппортунизмъ“ можетъ оказаться такимъ собирателемъ „революціонныхъ эмоцій“, что всѣ обвиненія въ оппортунизмѣ станутъ жалкими ламентаціями. По существу тактика партіи Народной Свободы не имѣетъ тѣни оппортунизма или компромисса, не обнаруживаетъ никакого пристрастія „къ концентраціи направо“, въ ней—партія нашла себя. Этой тактики не понимаютъ, но непониманіе—не аргументъ. Событія уже оправдали и еще не разъ оправдаютъ эту тактику, она приведетъ къ побѣдѣ.

Man muss nicht nur kämpfen, sondern auch siegen wollen!—этотъ принципъ долженъ быть руководящимъ правиломъ всякой практической политики, онъ и положенъ въ основу тактическаго плана, одобреннаго съѣздомъ партіи Народной Свободы и нынѣ осуществляемаго парламентской фракціей ея въ Думѣ.

С.-Петербургъ, 19-го мая

Въ то время какъ слѣпые доктринеры продолжаютъ упрекать Думу, что она „не дѣлаетъ дѣла“ и потому, будто-бы, не имѣетъ никакихъ связей со страной, изъ глубины Россіи ежедневно доносятся тысячи голосовъ, наглядно доказывающихъ, что связи народнаго представительства съ народомъ растутъ и укрѣпляются... За принятый Думой отвѣтный адресъ на тронную рѣчь партію Народной Свободы обвиняли въ „измѣнѣ“, а изъ глубины Россіи извѣщаютъ, что адресъ этотъ выучиваютъ наизусть... Изъ тысячъ всяческихъ привѣтствій, получаемыхъ Думой и отдѣльными депутатами, въ печать попадаетъ очень немногое.

Характерное письмо-привѣтствіе получено сегодня Черниговскимъ депутатомъ Я. А. Гужовскимъ изъ своего Нѣжинскаго уѣзда: „членамъ Госуд. Думы, избраннымъ отъ Черниговской губерніи.

Мы, выборщики отъ Дремайловскаго волостного схода, благодаримъ за выраженныя въ отвѣтѣ на тронную рѣчь Государя Императора блага народа и желаемъ, чтобы вы добились для насъ правъ, земли и воли. Наши мысли встрѣтились; въ случаѣ надобности, мы всѣ за васъ“. Слѣдуетъ 76 подписей.

Въ Думѣ третій день идутъ пренія по аграрному вопросу—въ порядкѣ направленія дѣла о запискѣ по земельному вопросу, внесенной 42 членами Думы. Записавшихся ораторовъ еще около 100 и Дума отвергаетъ предложенія о прекращеніи записи ораторовъ. Сильное впечатлѣніе произвела сегодня рѣчь Саратовскаго депутата Н. Н. Львова, критиковавшаго записку и называвшаго проектъ земельной реформы—голой формулой, не считающейся съ жизнью, съ привычками, съ взглядами народа, плодомъ творчества петербургской канцеляріи. Провести въ жизнь такой проектъ можно только диктаторской властью. Львовъ высказывается за дополни-

тельное надѣленіе земледѣльческаго населенія землею путемъ принудительнаго отчужденія и частновладѣльческихъ земель, но категорически противъ принципа національзаціи земли. Въ кулуарахъ говорили, что г. Львовъ вышелъ изъ состава членовъ партіи Народной Свободы вслѣдствіе своего несогласія съ проектомъ земельной реформы... Министры опять появились въ Думѣ и сегодня гг. Стишинскій и Гурко даже выступали съ критикой записки 42-хъ по земельному вопросу. Развязный тонъ „критики“ вызвалъ ѣдкую и саркастическую отповѣдь г. Герценштейна. Г. Гурко въ свою очередь хотѣлъ отвѣчать, но Дума постановила сдѣлать перерывъ засѣданія до вторника. Членъ Думы Онипко попросилъ слова къ порядку дня и, взывая къ сокращенію преній, выразилъ неудовольствіе на то, что „посторонніе“ приходятъ въ Думу и своими разговорами отнимаютъ время. Предсѣдатель П. Д. Долгоруковъ замѣтилъ, что постороннимъ онъ не давалъ слова. Завтра состоится засѣданіе комиссіи по разработкѣ законопроекта о совершенной отмѣнѣ смертной казни. Сегодняшнее засѣданіе тянулось вяло, нѣкоторое оживленіе внесъ эпизодъ съ выступленіемъ министровъ.

Въ кулуарахъ тоже не было обычнаго оживленія. Аграрныя пренія, или, какъ острятъ въ кулуарахъ, „аграрные безпорядки“ продолжатся еще нѣсколько засѣданій. Хотя вопросъ стоитъ еще не по существу, а въ порядкѣ направленія дѣла, но Дума не считаетъ возможнымъ сокращать пренія.

Рожденіе истины

Горемыкинскій „кабинетъ“ выступилъ въ Государственной Думѣ со своей „декларацією“... Народное представительство отвѣтило на нее бурей негодованія...

„Власть исполнительная да покорится власти законодательной“—сказалъ Набоковъ.

„Вы должны уйти и уступить мѣсто другимъ“—сказалъ Родичевъ.

„Въ отставку!“—одинъ за другимъ повторяли ораторы всѣхъ партій, всѣхъ группъ. На кафедру взошелъ графъ Гейденъ и Дума насторожилась...

Бурные апплодисменты покрыли первыя слова графа. Представитель „союза 17 октября“ pollice verso... добилъ министерство. Министерство не смутилось: оно вняло совѣту „Новаго Времени“—„начхать!“

Но—„Honny soit qui mal y pense!..“

Министерство исполняетъ „свой патріотическій долгъ“... Оно не цѣпляется судорожными усиліями за власть, не дрожитъ за свои портфели. Оно помогаетъ „рожденію истины“. „Отъ всякаго столкновенія мнѣній родится истина“—такъ сказалъ г. Щегловитовъ.

Дума, выразивъ „полное недовѣріе“, занялась очередными дѣлами. Обсуждался многотрудный и многосложный аграрный вопросъ. И министерство рѣшило—„помочь родиться истинѣ“.

„Отъ всякаго столкновенія мнѣній родится истина!“—такъ сказалъ Щегловитовъ.

Родить „аграрную истину“ столкновеніемъ мнѣній взялись гг. Стишинскій и Гурко. И только для того, чтобы легче родилась истина, они постарались о размѣрахъ столкновенія.

„Отъ надѣленія землей крестьяне—обнищаютъ, вновь будутъ закрѣпощены, безъ земли процвѣтутъ“,—сказалъ Гурко.

„И отчего это крестьянъ никакъ не удается убѣдить, что безъ земли имъ лучше?“—удивился профессоръ Герценштейнъ.

„Отъ столкновенія мнѣній родится истина“—такъ говорилъ Щегловитовъ и г. Гурко не забылъ Заратустру горемыкинскаго кабинета.

Истина неожиданно родилась.

„И зачѣмъ это въ Думу приходятъ постороннія лица и отнимаютъ у насъ драгоцѣнное время?“—такъ недоумѣвалъ депутатъ Онипко изъ трудовой группы.

„Отъ всякаго столкновенія мнѣній родится истина“—такъ говорилъ Заратустра горемыкинскаго кабинета, г. Щегловитовъ. Г. Гурко внялъ Заратустрѣ-Щегловитову—и помогъ г. Онипко 18 мая, въ концѣ засѣданія Государственной Думы, послѣ 7 часовъ вечера, „родить истину“...

С.-Петербургъ, 20-го мая

Тоже тактика

Какой бы ошибочной, а порой даже прямо гибельной ни казалась намъ тактика тѣхъ, кто не знаетъ болѣе революціоннаго клича, нежели кличъ: „Долой Думу, долой кадетовъ“, какой бы доктринерски-предвзятой ни была ихъ критика, мы не можемъ отрицать ихъ моральнаго права на критику, не можемъ хотя, до извѣстной степени, не понимать психологическаго источника ихъ, можетъ быть, роковыхъ ошибокъ. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а у нихъ беззавѣтная преданность дѣлу при условіяхъ работы совершенно невыносимыхъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ критика словеснаго радикализма во имя безсодержательнаго сотрясанія воздуха барабаннымъ боемъ словоизверженія. Образчикъ подобной „критики“ почти ежедневно преподноситъ „Двадцатый Вѣкъ“. Безъ устали бичуетъ развязная газета „принципіальное кунктаторство“, которымъ „кадеты“ губятъ дѣло Государственной Думы, дѣло русскаго народа: „силъ много, рѣшительности и почина нѣтъ“ („Двадцатый Вѣкъ“, № 48). Подхлестывая себя истерическими выкриками, газета утверждаетъ, что въ Думѣ, вмѣсто дѣла, занимаются словами и дѣлаетъ выводъ: „съ точки зрѣнія „чистаго конституціонализма“ между г. Щегловитовымъ и возражавшимъ ему Родичевымъ разницы, конечно, никакой!“ (№ 49). Изобличая „кадетскую“ нерѣшительность, провозглашая — „periculum in mora!“, „Двадцатый Вѣкъ“,

обыкновенно, заканчиваетъ свои обличенія указаніемъ на то, что „тюрьмы и остроги по-прежнему набиты биткомъ...“ И выходитъ, что, если кто-нибудь виновенъ въ томъ, что тюрьмы еще не раскрылись, то единственно „кадеты“ со своимъ „принципіальнымъ кунктаторствомъ“. Но у столь энергичныхъ обвинителей, столь прямолинейныхъ сторонниковъ системы „быстроты и натиска“, конечно, есть своя тактика, гарантирующая побѣду, есть средство „раскрыть тюрьмы?“ Конечно, есть. Послушайте „Двадцатый Вѣкъ“, онъ своего „секрета изобрѣтателя“ не скрываетъ, онъ его до того часто и неустанно преподноситъ, что прямо-таки напоминаетъ собой того персонажа украинской поговорки, который „носится съ писаной торбой“. „Необходимо „представленіе“ верховной власти, предпринятое Думой по собственной иниціативѣ...“ (№ 47) Гора обличеній, произносимыхъ „въ запальчивости и раздраженіи“, родила мышь, да и не мышь, а такого жалкаго мышенка, что невольно задаешься вопросомъ, неужели „Двадцатый Вѣкъ“ допускаетъ въ серьезъ, что ему повѣрятъ, будто онъ въ спасительность предложеннаго имъ средства, въ цѣлесообразность его „тактики“ самъ вѣритъ? Почему же каждое новое обличеніе газетою „принципіальнаго кунктаторства“ неизмѣнно заканчивается въ „Двадцатомъ Вѣкѣ“... „писаной торбой“? „Представленіе не есть ходатайство, не есть обращеніе къ сердцу Монарха и его усмотрѣнію. Оно есть указаніе на своевременность, на крайнюю безотложность перемѣнъ, о которыхъ говоритъ“... (№ 48). На слѣдующій день опять „торба“: „вы должны пойти къ Монарху и сказать, что страна изошла страданіями, ея терпѣніе—къ концу, и нужна немедленная перемѣна режима“ (№ 49). „Кадетская“ тактика раскритикована въ пухъ и прахъ, а что же предложено взамѣнъ ея?—„Торба“... По истинѣ,—„тоже тактика“. Мы не станемъ искать логическихъ противорѣчій въ кампаніи, которую ведетъ „Двадцатый Вѣкъ“. Ограничимся однимъ указаніемъ: 13 мая въ Думѣ никакихъ осяза-

тельныхъ дѣлъ не сдѣлано, произнесены тоже только слова и, однако, „Двадцатый Вѣкъ“ на этотъ разъ не отказалъ кадетамъ „въ проникновеніи народнымъ долгомъ“, „въ духовномъ общеніи съ націею“. Что же вызвало одобреніе газеты? Развѣ 13 мая раскрылись тюрьмы?... Дѣло очень просто: 13 мая было слишкомъ громко, чтобы его могли заглушить вопли даже „Двадцатаго Вѣка“. Тактика „Двадцатаго Вѣка“ и вообще очень проста. „Торба“ затѣмъ и изобрѣтена, чтобы сотрясать воздухъ. Она для этого вполнѣ подходящее средство. Пустопорожность содержанія не всякій разберетъ, рѣшительность тона, развязность критики, большой шрифтъ *„А въ тюрьмахъ“*...—все это оглушаетъ простодушнаго обывателя. Кто упрекаетъ другихъ въ нерѣшительности и недостаткѣ почина, тотъ кажется рѣшительнымъ самъ, преисполненнымъ иниціативой. Словесный радикализмъ торжествуетъ, сотрясая воздухъ. А между тѣмъ—вся иниціатива сводится къ „писаной торбѣ“, вся рѣшительность – къ словоизверженію.

С.-Петербургъ, 20 мая

Разойтись Дума не можетъ

...„Иль со щитомъ, иль на щитѣ!..“

Горемыкинскій отвѣтъ на запросъ Государственной Думы о 8 смертныхъ приговорахъ въ Ригѣ—канцелярская отписка и затѣмъ спѣшное приведеніе приговора въ исполненіе надъ всѣми осужденными, среди которыхъ были и несовершеннолѣтніе, не можетъ быть истолкованъ иначе, какъ открытый вызовъ Думѣ, вызовъ странѣ... Такъ этотъ „отвѣтъ“ и былъ истолкованъ въ засѣданіи Думы 18 мая. И, естественно, при этомъ былъ поставленъ вопросъ, что же дальше? Т. е. какъ должна Дума реагировать на ежедневно бросаемые ей вы-

зовы? Многимъ уже кажется, что вся дѣятельность Государственной Думы сводится къ нулю и ничего другого не остается, какъ, еще разъ ясно и опредѣленно сформулировавъ народныя требованія, предложить на выборъ: съ народомъ или противъ него, поставить требованія и, въ случаѣ ихъ неудовлетворенія —разойтись. Несомнѣнно, все то, что совершается въ странѣ, мучительно отзывается на народныхъ представителяхъ, избранныхъ для того, чтобы вывести страну изъ того ужаснаго положенія, въ какомъ она находится; несомнѣнно, нужно много самообладанія для того, чтобы сохранять равновѣсіе и продолжать работу, несмотря на то, что ея видимые, непосредственные результаты, дѣйствительно, сводятся къ нулю... И, однако, народные представители обязаны это равновѣсіе сохранить, ибо на ихъ плечи возложена грандіозная историческая задача, за исполненіе которой они отвѣтственны предъ настоящимъ и грядущимъ. Государственную Думу упрекаютъ въ медленности и нерѣшительности, которыми она якобы уже порвала всѣ связи со страной. Но Государственная Дума неуклонно идетъ къ своей цѣли, и мы утверждаемъ, что какъ бы ни была психологически понятна нетерпѣливая требовательность, говорящая о безплодности думской работы, связи Думы съ страной только укрѣпляются и углубляются, ибо шире и шире раскрываются глаза страны на то, отчего безплодна думская работа... Намъ кажутся наивными ожиданія тѣхъ, кто полагалъ, что Дума призвана — прійти, увидѣть и побѣдить; такія побѣды, какъ та, которую должна одержать Дума, являются только вѣнцомъ упорной и болѣе или менѣе долгой борьбы. Та побѣда, какую призвана одержать Дума, такова, что во имя ея надо прибѣгнуть ко всѣмъ средствамъ, какія могутъ обѣщать успѣхъ. Но кто сказалъ, кто доказалъ, что есть какое-либо опредѣленное средство, обѣщающее и гарантирующее побѣду? Не знаемъ, искренни ли тѣ, которые утверждаютъ, что, будь отвѣтный адресъ Думы написанъ инымъ языкомъ,

мы уже перешли бы Рубиконъ?.. Допускаемъ искренность, но тогда должны признать... наивность. Проф. Гредескулъ въ рѣчи объ амнистіи какъ-то упомянулъ о томъ, что, если народныя требованія не будутъ осуществлены инымъ путемъ, народъ осуществитъ ихъ „въ порядкѣ отчаянія“... Да, мы вѣримъ въ великія слова Людвига Берне: „свобода не умираетъ въ гробу!..“ Но даже для того, чтобы побѣдить „въ порядкѣ отчаянія“, теперешняя работа Государственной Думы не сводится къ нулю. Этого не видятъ только слѣпые... Государственную Думу преступно хотятъ лишить необходимаго спокойствія въ работѣ, самой моральной возможности работать. Но на всякую провокацію Дума отвѣтитъ неуклоннымъ исполненіемъ своего долга, ибо на ней лежитъ отвѣтственность за все будущее Россіи. А когда теряющіе самообладаніе отъ ужасовъ дѣйствительности и непосильной нравственной пытки, какую переживаютъ наши первые народные представители, предлагаютъ еще разъ сформулировать свои требованія и, въ случаѣ отказа—разойтись, Дума должна отвѣтить, что, можетъ быть, настанетъ моментъ, когда она вынуждена будетъ принять радикальное рѣшеніе, осуществимое только при поддержкѣ страны, но это рѣшеніе будетъ инымъ. Разойтить же Дума не смѣетъ!.. Ея депутатамъ данъ наказъ—„иль со щитомъ, иль на щитѣ!..“

С.-Петербургъ, 21 мая.

Въ кулуарахъ

Пренія по аграрному вопросу грозятъ затянуться на долгое время: число записавшихся ораторовъ чрезвычайно велико и дальнѣйшая запись еще не закрыта. Въ виду этого возникаетъ предположеніе: обсужденію земельнаго вопроса посвящать половину каждаго засѣданія, другую половину заниматься обсужденіемъ всѣхъ текущихъ дѣлъ. Большинство

думы крайне удручено преніями по аграрному вопросу, идущими чрезвычайно вяло и лишь изрѣдка оживляемыми яркой и полной мысли рѣчью или инцидентомъ вродѣ выступленія гг. министровъ въ засѣданіи 19 мая. Въ кулуарахъ приходится слышать раздраженные голоса противъ длинныхъ рѣчей, которыя весьма мало могутъ способствовать разрѣшенію дебатируемаго вопроса. Говоритъ очень много такихъ ораторовъ, которыхъ слушаютъ одни стенографы. Нѣкоторые изъ нихъ откровенно и признаются, что ихъ долгъ — высказать свои мнѣнія черезъ головы народныхъ представителей передъ страной. Временами пренія гораздо болѣе яркія, нежели тѣ, которыя ведутся съ парламентской трибуны, возгараются въ кулуарахъ. Вотъ нововременскій публицистъ Меньшиковъ бесѣдуетъ съ депутатомъ-крестьяниномъ: ихъ обступаетъ кучка слушателей. „Нешто крестьяне—горячится депутатъ — кадетскими прирѣзками довольны будутъ?!“ — „Ну, и что-же сдѣлаютъ?!“—„Всей земли потребуютъ“.—„А коли не дадутъ?“ „То и подъ пули умирать пойдутъ“. „Ну, и что-же тутъ хорошаго?“ „А что хорошаго съ голода на печи помирать? Кто бы и на печи можетъ высидѣлъ, да не больно высидишь, коли печь холодная!..“

Веселый смѣхъ раздается вокругъ кіевскаго депутата-крестьянина Грабовецкаго. Это—любимецъ кулуарной публики. Его украинскій юморъ, образность и мѣткость выраженій пользуются большимъ успѣхомъ. Въ думѣ онъ выступилъ впервые противъ предложенія „ерогинцевъ“ отсрочить пренія по отвѣтному адресу. „Взявся за гужъ, то не кажи, що не дюжъ—закончилъ тогда свою рѣчь Грабовецкій.— А якъ хто не понимае, то нехай коней доглядае“. Грабовецкій—человѣкъ толковый и бывалый. У него есть и своя аграрная программа, которую онъ и развиваетъ въ кулуарахъ. Земля, купленная послѣ 61 года до открытія крестьянскаго банка—должна быть выкуплена по выкупнымъ цѣнамъ, пріобрѣтенная послѣ открытія крестьянскаго банка по справедливой,

отнюдь не рыночной, оцѣнкѣ. „А ота, що дарована, то ту нехай отдарують“. Вся земля должна принадлежать тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, но на правахъ частной собственности... Грабовецкій записался говорить по земельному вопросу и, вѣроятно, на дняхъ разовьетъ эту программу съ парламентской трибуны.

С.-Петербургъ, 22-го мая

Усердіе обвинителей

„Двадцатый Вѣкъ“, приводя выдержку изъ письма г. Плеханова къ „товарищамъ-рабочимъ“, помѣщеннаго въ „Курьерѣ“, дѣлаетъ вылазку противъ „публицистовъ „Думы“, „Рѣчи“ и другихъ органовъ к.-д. партіи“. Эти публицисты, по словамъ газеты,—„когда упрекаютъ партію кон.-демократовъ въ нерѣшительности, вялости, уступчивости и проволочкахъ, дѣлаютъ сейчасъ же вольтфасъ и кричатъ, что „подрываютъ“ Думу. Этому они научились у нашей бюрократіи, которая во всякомъ критическомъ замѣчаніи видѣла стремленіе къ „ниспроверженію существующаго порядка“... По поводу подобныхъ измышленій можно бы сказать: „мели, Емеля,—твоя недѣля“, ибо серьезно возражать на утвержденіе, что „публицисты „Рѣчи“, „Думы“ и др. органовъ к.-д. партіи“ всякое критическое замѣчаніе считаютъ „подрывомъ“ Думы, едва ли есть надобность. Но „Двадцатый Вѣкъ“ идетъ еще дальше, онъ утверждаетъ, что и вообще „Думу никто не собирается подрывать, даже соціалъ-демократы“. И въ доказательство приводитъ выдержки изъ письма Г. В. Плеханова. „Публицисты „Думы“, „Рѣчи“ и другихъ органовъ к.-д. партіи“, выходитъ, просто измыслили „подрывъ“, принявъ за него „всякое критическое замѣчаніе“. Любопытно, однако, съ чего это вдругъ г. Плехановъ началъ убѣждать „товарищей-рабочихъ“, что „весь народъ долженъ единодушно

поддержать Думу" и предостерегать противъ нападеній на Думу, одобряемыхъ г. Горемыкинымъ? Ужъ не заразился ли и Г. В. Плехановъ заодно съ „публицистами „Рѣчи", „Думы" и др. органовъ к.-д. партіи" злокозненнымъ духомъ нашей бюрократіи?

Совершенно очевидно, что всѣ эти фразы о „выучкѣ" у нашей бюрократіи—нелѣпый вздоръ, нужный обвинительному усердію публицистовъ „Двадцатаго Вѣка" для ихъ кампаніи противъ „кадетовъ". Плехановъ же въ своемъ интересномъ письмѣ борется съ тѣми опасными пріемами дискредитированія Думы во что бы то ни стало, какихъ, къ сожалѣнію, было болѣе чѣмъ достаточно и съ какими всегда боролись публицисты „Думы" и „Рѣчи".

Письмо Плеханова признано было настолько отраднымъ симптомомъ, что и „Рѣчь" и „Дума" его цѣликомъ перепечатали на своихъ страницахъ. И только „Двадцатый Вѣкъ" увидѣлъ въ немъ новое доказательство злокозненности „кадетскихъ" публицистовъ.

Каждому свое! Въ томъ же № „Двадцатаго Вѣка" (53 №), гдѣ содержится и еще цѣлый запасъ „вылазокъ" противъ „кадетовъ", между прочимъ, читаемъ: „Надо каждому кадету подарить по тому Сервантесова „Донъ-Кихота". Они заслужили этотъ подарокъ. Прекрасные, умные люди, но плохіе политики!" Не слишкомъ ли начитались публицисты „Двадцатаго Вѣка" Сервантесова „Донъ-Кихота"? Въ своей „рѣшительности" они, конечно, мало напоминаютъ Гейне-ребенка, который потомъ такъ вспоминалъ о своихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ: „Я былъ ребенкомъ и не зналъ ироніи, которую Богъ создалъ и поселилъ въ мірѣ и которой великій поэтъ подражалъ въ своемъ печатномъ маленькомъ мірѣ,—и горькія слезы проливалъ я, когда благородный рыцарь за всѣ свои доблести получалъ только неблагодарность и удары"...

Благородный рыцарь „печальнаго образа" соблазнилъ своими „доблестями" рѣшительныхъ публицистовъ „Двадцатаго

Вѣка". Не оттого ли они такъ усердствуютъ въ своемъ воинственномъ азартѣ?...

С.-Петербургъ, 23 мая

„Въ отставку!"

Гг. Гурко и Стишинскій продолжаютъ помогать рожденію истины по рецепту г. Щегловитова, т. е. „столкновеніемъ мнѣній". Ихъ появленіе на парламентской трибунѣ, однако, начинаетъ у значительной части депутатовъ вызывать раздраженіе. Довольно энергичные возгласы: „Въ отставку!" встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ, но они люди „храбрые" и этимъ очень мало смущаются. Г. Гурко хотѣлъ сегодня „выяснить рядъ недоразумѣній", возбужденныхъ рѣчью Герценштейна. Дума никакихъ выясненій не хотѣла, кричала „въ отставку", П. Д. Долгоруковъ звонилъ и призывалъ къ порядку. И г. Гурко „разъяснялъ"... все на ту же тему. Лидеръ партіи Народной Свободы И. И. Петрункевичъ свою отвѣтную рѣчь началъ съ того, что взялъ гг. министровъ подъ свою защиту. Ихъ появленіе, ихъ рѣчи — нисколько не мѣшаютъ Думѣ дѣлать свое дѣло, скорѣе помогаютъ... Петрункевичъ выясняетъ политическую важность аграрнаго вопроса и говоритъ „мы не уйдемъ отсюда, пока не разрѣшимъ его" (бурные апплодисменты). Заканчиваетъ Петрункевичъ свою рѣчь повтореніемъ лозунга: „Въ отставку!" въ болѣе парламентарной формѣ.

„Гг. министры учатъ насъ—говоритъ Петрункевичъ—патріотизму. Я хотѣлъ бы, чтобы этимъ словомъ менѣе злоупотребляли... Если-бы они понимали, что такое патріотизмъ, они уже давно не сидѣли-бы на этихъ скамьяхъ". Каждому свое!— г. Гурко полагаетъ, что патріотизмъ обязываетъ держаться за землю, г. Петрункевичъ думаетъ, что патріотизмъ подсказываетъ всему Горемыкинскому кабинету одинъ шагъ

„освободить присутствіе“, какъ выражается одинъ изъ персонажей водевиля „По ревизіи“. И г. Щегловитовъ, вѣроятно, ждетъ опять рожденія истины. Мы думаемъ, что при такихъ обстоятельствахъ и для г. Щегловитова и для многихъ другихъ „новорожденный“ можетъ дать вполнѣ неожиданные сюрпризы...

С.-Петербургъ, 25 мая

Министры не спѣшатъ...

Г. Горемыкинъ продолжаетъ считать, что лучшій отвѣтъ, какой онъ можетъ дать на запросы Государственной Думы — это канцелярская отписка. Такую отписку онъ снова далъ на запросъ Думы по вопросу о черносотенныхъ телеграммахъ, печатаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Находя, что, согласно соотвѣтственной статьѣ Учрежденія Государственной Думы, она можетъ обращаться къ министрамъ съ запросами по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ предметамъ обсужденія Думы, г. предсѣдатель совѣта министровъ въ письмѣ на имя г. предсѣдателя Думы недоумѣваетъ, къ какому изъ дѣлъ, обсуждаемыхъ въ Думѣ, имѣетъ отношеніе запросъ о телеграммахъ, печатаемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Муромцевъ, сообщая Думѣ объ этой отпискѣ, сообщилъ и свой отвѣтъ, какъ предсѣдателя Думы: въ этомъ отвѣтѣ, полномъ достоинства, выражено, что „огражденіе достоинства высшаго въ странѣ законодательнаго учрежденія является неизмѣннымъ предметомъ постояннаго дѣла Государственной Думы“. По предложенію И. И. Петрункевича, принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, одобряющая дѣйствія предсѣдателя Думы. Долгія и страстныя пренія вызвалъ отвѣтъ министровъ юстиціи, военнаго и морского, которые на сообщеніе имъ, что Дума 26 мая приступитъ къ обсужденію законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, указали на крайнюю сложность и трудность немедленнаго об-

сужденія закона, настаивая на соблюденіи „законнаго“ мѣсячнаго срока. Отъ имени парламентской фракціи партіи Народной Свободы Набоковъ предложилъ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, въ которомъ указывается, что Дума, связанная законными путами, осуждаетъ казни и будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на обыкновенныя убійства. Представители трудовой группы настаивали на необходимости немедленнаго разсмотрѣнія и вотированія закона объ отмѣнѣ смертной казни. Въ преніяхъ указывалось, что практически принятіе закона при такихъ условіяхъ будетъ равносильно обыкновенной резолюціи. Отстаивая необходимость немедленнаго обсужденія и принятія законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, Аладьинъ закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что представители трудовой группы слишкомъ уважаютъ себя, чтобы согласиться на какую бы то ни было другую резолюцію. Набоковъ, отвѣчая трудовикамъ, сказалъ, что, внося отъ имени партіи Народной Свободы предложеніе, онъ ожидалъ возраженій, но форма нѣкоторыхъ возраженій явилась непріятной неожиданностью. Никакая изъ парламентскихъ партій не вправѣ претендовать на монополію въ пониманіи того, что соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ достоинству Государственной Думы. Партія Народной Свободы также имѣетъ право судить о достоинствѣ Думы и, не подкапываясь подъ чувство самоуваженія какой-либо партіи или группы, считаетъ, что призывы къ этимъ чувствамъ не должны имѣть мѣста при разрѣшеніи настоящаго вопроса. Недоразумѣнія между партіями, которыя шли до сихъ поръ рука объ руку, вредны для дѣла, — этимъ недоразумѣніямъ радуются не сидящіе въ Думѣ, а сидящіе въ другомъ мѣстѣ. За немедленное принятіе закона голосовало не болѣе 30—40 человѣкъ. Формула Набокова принята громаднымъ большинствомъ голосовъ... Во время преній чувствовалось, какъ опять „кровавые призраки нависаютъ надъ Думой“ и мѣшаютъ ея работѣ...

С.-Петербургъ, 26-го мая

Кампанія продолжается...

Кампанія донкихотствующаго „Двадцатаго Вѣка“ противъ „кадетовъ“ вообще и противъ „кадетовъ“ въ Думѣ въ особенности продолжается изо дня въ день. Оружіе публицистовъ—это доводы и аргументы, но у публицистовъ „Двадцатаго Вѣка“ на этотъ предметъ такая большая недостача, что, когда и они чувствуютъ потребность не ограничиваться однимъ оглушеніемъ „читателей и избирателей“, то за доводами и аргументами они обращаются даже къ г. Гурко... (№ 54). „Кампанія“ „Двадцатаго Вѣка“ представляется намъ до того, выражаясь технически, „покушеніемъ съ негодными средствами“, что мы не удѣлили бы ей никакого вниманія, если бы среди барабаннаго боя не прозвучали новые и притомъ весьма удивительные мотивы. Рѣшивъ, очевидно, „оживить“ отдѣлъ писемъ въ редакцію, газета обращается къ „читателямъ и избирателямъ“, вытряхиваетъ передъ ними свою „торбу“ съ „представленіемъ“ или „обращеніемъ“ къ Монарху и вопрошаетъ ихъ, считаютъ ли они это „обращеніе“ „своевременнымъ и необходимымъ шагомъ для прекращенія продолжающихся бѣдствій страны?“

По мнѣнію газеты, „законопроектирующая дѣятельность“—это только формулированіе желаній народа, а „обращеніе“—уже „активный шагъ“ для ихъ „скорѣйшаго практическаго осуществленія“. Но мы—въ качествѣ „читателя и избирателя“, не собираемся вовсе разбираться въ вопросахъ, поставленныхъ „Двадцатымъ Вѣкомъ“ охотникамъ писать „письма въ редакцію“. Мы хотимъ обратить вниманіе на небольшую статью, помѣщенную непосредственно передъ обращеніемъ къ „читателямъ и избирателямъ“ (№ 54). Въ ней-то и зазвучали удивительные мотивы со ссылкой на авторитетъ г. Гурко. Въ статьѣ этой доказывается, „какъ неосторожно уже теперь

углубляться въ общее рѣшеніе аграрнаго вопроса"... А „кадеты" эту „неосторожность" совершили. „Кадеты, — по словамъ „Двадцатаго Вѣка", — слишкомъ увлеклись желаніемъ приманить крестьянъ разговорами о землѣ"... Удивительный отзывъ о той работѣ Думы, которая, можетъ быть, скучна гг. публицистамъ изъ „Двадцатаго Вѣка",—это „разговоры о землѣ". А вся крестьянская Россія чутко прислушивается къ каждому слову этихъ „разговоровъ".

Смысла ихъ „радикальная" газета иначе и понять не можетъ, какъ „желаніе приманить крестьянъ". Партія Народной Свободы и ея представители въ Думѣ иначе относятся къ этимъ „разговорамъ" и приступъ къ нимъ совершенъ вовсе не въ „расчетѣ" кого-нибудь „приманить". Вполнѣ ясно и отчетливо сознавая всю трудность и сложность аграрнаго вопроса, предвидя даже самую большую разноголосицу по этому вопросу, могущую въ иныхъ случаяхъ доводить и до выхода изъ партіи, партія не вправѣ была ограничиться „широкой формулой", которая вполнѣ удовлетворяетъ публицистовъ „Двадцатаго Вѣка", но очень мало говоритъ крестьянамъ. Партія должна доказать, что у нея есть не только „широкія формулы", но и рѣшимость дать этимъ формуламъ конкретное содержаніе, умѣніе не только давать лозунги, но и проводить ихъ въ жизнь... Приступъ къ разсмотрѣнію аграрнаго вопроса въ Думѣ для парламентской фракціи партіи Народной Свободы и для всей партіи былъ политически и морально необходимымъ шагомъ. И совершая его, партія осталась въ полномъ согласіи съ объективно неотложными задачами историческаго момента. Шагъ этотъ подсказывался не партійными планами и разсчетами, а всѣмъ пониманіемъ государственныхъ и политическихъ задачъ времени. Нельзя оспаривать мысли, что безъ „прочной политической реформы" не возможно не только разрѣшеніе, но и правильное, спокойное обсужденіе въ Думѣ реформъ экономическихъ и соціальныхъ. Но дѣлать изъ нея выводъ, что сейчасъ возможно игнори-

ровать соціально-экономическія проблемы, отдѣлываясь отъ нихъ „широкими формулами“, было бы непростительной ошибкой. Живая дѣйствительность не расчленяется на категоріи, гдѣ политическое стоитъ внѣ связи отъ соціальнаго. Русская политическая революція совпала съ революціей въ области соціальныхъ отношеній и въ этомъ вся трудность и сложность современнаго момента. Дѣйствительности надо смотрѣть прямо въ лицо и не упрощать ее. Если бы постановка аграрнаго вопроса повела за собой перестроеніе партій, ихъ дифференціацію и даже распаденіе, то и это не должно бы останавливать. Вмѣсто сплоченныхъ партій создается сплоченный народъ. Наконецъ, партіи существуютъ для дѣла и именно въ дѣлѣ узнается ихъ жизнеспособность, ихъ вѣрное пониманіе требованій жизни. Мы полагаемъ, что на аграрномъ вопросѣ партія Народной Свободы докажетъ свою жизнеспособность, а ея „критики“, уже веселящіеся передъ перспективой распаденія партіи, увидятъ, что „веселіе“ было преждевременно. Положеніе партіи въ настоящее время очень тягостно, но тягость эта есть лишь выраженіе той тягости, которая лежитъ на странѣ и является доказательствомъ того, что партія, дѣйствительно, представляетъ страну. Ея историческая миссія освободить страну отъ этой тягости и выполнить ее партія надѣется, побѣдивъ всѣ великія препятствія, стоящія на пути. Среди препятствій, которыя стоятъ на пути, пристрастная придирка, именующая себя „критикой“, не возбуждаетъ никакихъ опасеній.

Партія Народной Свободы дѣлаетъ свое дѣло передъ глазами всей страны и всякому нетрудно дать должную оцѣнку тѣмъ, кто „критикуетъ“ барабаннымъ боемъ, доводами г-на Гурко и увѣреніями, что партія Народной Свободы увлеклась желаніемъ „приманить крестьянъ“...

С.-Петербургъ, 27 мая

Во вчерашнемъ засѣданіи Думы послѣ преній, вызванныхъ министерской оттяжкой разсмотрѣнія законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни „недоразумѣніе“ между партіей Народной Свободы и трудовой группой еще разъ угрожало обрадовать „сидящихъ не въ Думѣ, а въ другомъ мѣстѣ“... 35 членовъ трудовой группы внесли въ Государственную Думу заявленіе съ изложеніемъ основныхъ положеній законопроекта объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ для подготовки данныхъ для земельной реформы. Внѣпарламентскіе друзья и наставники трудовой группы, давно недовольные тѣмъ, что она, такъ или иначе, но шла до сихъ поръ въ Думѣ „рука объ руку“ съ партіей Народной Свободы, повидимому, втайнѣ возлагали надежды на то, что внушенный ими проектъ немедленнаго образованія „мѣстныхъ комитетовъ“ нарушитъ, наконецъ, „зависимость“ трудовиковъ отъ „буржуазныхъ“ кадетовъ... Къ счастью, Аладьинъ и другіе руководители трудовой группы оказались дальновиднѣе своихъ внѣпарламентскихъ друзей и не сочли возможнымъ доводить дѣло до открытаго разрыва своей группы съ партіей Народной Свободы. Внѣпарламентскіе друзья ихъ, конечно, за это не похвалятъ... Заявленіе 35 трудовиковъ, указывая на то, что пренія о земельной реформѣ въ Думѣ затягиваются, да и не могутъ не затягиваться, а земельный вопросъ не только сложенъ и важенъ, но еще и неотложенъ, отмѣчало необходимость безъ всякихъ задержекъ двинуть впередъ дѣло земельной реформы. Съ такимъ порученіемъ посланы народомъ въ Думу члены трудовой группы. Поэтому, по мнѣнію подписавшихъ заявленіе, Дума должна не прекращая своихъ работъ, начать необходимыя подготовительныя работы на мѣстахъ. Необходимо немедленно создать на мѣстахъ комитеты, избранные на основахъ четырехчленной формулы, для подготовительной работы. Предлагалось поэтому, временно пре-

рвавъ общія пренія по аграрному вопросу, немедленно избрать 33 членную комиссію для выработки законопроекта объ организаціи такихъ мѣстныхъ комитетовъ. Аладьинъ обстоятельно мотивировалъ сдѣланное предложеніе. Кокошкинъ и Котляревскій подвергли предложеніе не менѣе обстоятельной и убійственной критикѣ. Кокошкинъ выяснилъ, что предложеніе не достигаетъ цѣли:—оно не ускоритъ, не облегчитъ работу Думы, а затормозитъ ее. Дума не должна въ настоящую минуту искать отъ населенія такой помощи, какой оно въ данной стадіи обсужденія аграрнаго вопроса въ Думѣ и не можетъ оказать... Котляревскій даже утверждалъ, что принятіе такого рѣшенія сейчасъ шло бы наперекоръ требованіямъ народа и требованіямъ государственной безопасности. Отвѣчая оппонентамъ, Аладьинъ раздраженно сказалъ: „я знаю, что хотя на нашей сторонѣ сильные аргументы и мы могли бы побѣдить въ спорѣ о томъ, нужны или не нужны мѣстные комитеты, однако, въ спорѣ на голоса мы не побѣдимъ... А потому, какъ люди понимающіе свое положеніе, мы присоединяемся къ тѣмъ, которые совѣтуютъ сдать наше предложеніе въ общую комиссію по аграрному вопросу“... Въ рѣчи Аладьина сильно было указаніе на необходимость организаціи народа, чтобы немыслимы были всякіе разговоры и поползновенія къ „разгону Думы“... Однако такой необходимости не отрицаетъ и партія Народной Свободы, но для этого нужны не проектировавшіеся мѣстные комитеты, которые, по откровенному признанію Аладьина, должны создать на мѣстахъ „не сотни, а тысячи Думъ“, нужна реформа мѣстнаго самоуправленія. На это вскользь въ своей рѣчи и указалъ С. Котляревскій. Реформа мѣстнаго самоуправленія есть неотложнѣйшая реформа, проектъ этой реформы, по слухамъ, дѣятельно вырабатывается парламентской фракціей партіи Народной Свободы. Говорятъ, что нѣкоторое замедленіе послѣдовало вслѣдствіе болѣзни И. И. Петрункевича... Но во всякомъ случаѣ вопросъ о демократическомъ преобразованіи мѣстнаго

самоуправленія стоитъ на первой очереди. Народное представительство безъ прочнаго фундамента мѣстнаго самоуправленія, основаннаго на широко демократическихъ началахъ, всегда останется зданіемъ, построеннымъ на пескѣ...

Сегодня исполнился мѣсяцъ думской работы... Мѣсяцъ, уже цѣлый мѣсяцъ засѣдаетъ Дума, а гдѣ достигнутые результаты, гдѣ обѣщанная побѣда? такъ со всѣхъ сторонъ кричатъ наблюдатели. Но, какъ бы близка и понятна ни была намъ психологія этого нетерпѣнія, оцѣнивая положеніе вещей, мы говоримъ: Да, мѣсяцъ, всего только одинъ мѣсяцъ прошелъ, а достигнуто уже такъ многое!..

И съ бодрой надеждой смотримъ впередъ...

С.-Петербургъ, 28 мая

Думское краснорѣчіе

Въ первый же день открытія Государственной Думы ей пришлось познакомиться съ двумя, быть можетъ, наиболѣе выдающимися ораторскими талантами своего состава. Мы говоримъ о рѣчахъ И. И. Петрункевича и С. А. Муромцева. И. И. Петрункевичъ значительно постарѣлъ за послѣдніе годы, но его голосъ звучитъ увѣренностью и силой бойца. Красота его рѣчи — не въ блесткахъ и фейерверкахъ, а въ спокойной увѣренности, глубинѣ и энергіи мысли. Содержаніе вполнѣ гармонируетъ съ формой законченной и изящной. Ораторъ не прибѣгаетъ къ многословію и условнымъ украшеніямъ, простота отличаетъ все построеніе его рѣчи, производящей неотразимое впечатлѣніе глубиной мысли и силой чувства. Темпераментъ бойца прорывается сквозь внѣшнее спокойствіе и сдержанность Петрункевича на слушателей дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ бурный натискъ многихъ пламенныхъ ораторовъ. Краснорѣчіе Муромцева — нѣсколько профессорскаго типа безъ отрицательныхъ чертъ его, лаконизмъ и

сжатость формы доведены до крайнихъ предѣловъ. Мѣстами ораторъ даетъ однѣ формулы, каждую можно записывать и цитировать, какъ изреченіе. Тонъ олимпійскаго спокойствія, величавый и торжественный, праздничный. Его рѣчь—не для каждаго дня и, не будь Муромцевъ избранъ предсѣдателемъ, онъ все равно выступалъ бы только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Въ качествѣ предсѣдателя онъ совсѣмъ уходитъ изъ схватки преній и борющихся мнѣній, но съ предсѣдательскаго мѣста его голосъ звучитъ еще болѣе авторитетно. И. И. Петрункевичъ тоже едва ли часто будетъ появляться на парламентской трибунѣ. Умная, мефистофельская улыбка на лицѣ его свидѣтельствуетъ о томъ, что даромъ словъ онъ не склоненъ тратить. Уже одно появленіе И. Петрункевича на трибунѣ всегда скажетъ, что совершается что-то важное, необычайное. Послѣ первыхъ же засѣданій И. И. заболѣлъ и теперь хотя уже посѣщаетъ Думу, но не вполнѣ еще оправился. И. И. является лидеромъ парламентской фракціи партіи Народной Свободы. Совсѣмъ иного типа бурное ораторское дарованіе Ѳ. И. Родичева. Это пламенный ораторъ, бросающійся въ словесный бой, очертя голову. Лучшія его рѣчи это-тѣ, которыя произнесены экспромтомъ. Ораторъ ищетъ словъ и выраженій и порой неожиданно разражается цѣлымъ каскадомъ эффектныхъ фразъ, производящихъ впечатлѣніе ударовъ молота. Сухой, металлическій голосъ, отрывочные, рѣзкіе удары котораго одинъ за другимъ падаютъ и оглушаютъ. При такихъ качествахъ ораторъ чрезвычайно нервенъ, иногда его рѣчь оставляетъ аудиторію холодной, иногда она захватываетъ. Даже тѣ, кто не является поклонникомъ Родичевскаго таланта, не отрицаютъ, что временами его рѣчь—неотразима. Едва ли кто-нибудь забудетъ, напр., впечатлѣніе фразы Родичева, сказанной во время преній объ амнистіи: „призраки крови нависаютъ и здѣсь, ихъ надо убрать, чтобы мы могли работать“! Мѣстами ораторъ доходитъ до крика. Нервность оратора передается аудиторіи. Не совсѣмъ удач-

ная рѣчь Родичева можетъ раздражать, удачная захватываетъ. Въ одной и той-же рѣчи бываютъ мѣста очень слабыя и поразительно яркія: часто одна фраза спасаетъ всю рѣчь...

Любители сравненій и аналогій называютъ Родичева „русскимъ Мирабо".

Къ выдающимся думскимъ ораторамъ слѣдуетъ, несомнѣнно, причислить В. Д. Набокова, обладающаго сильнымъ и пріятнаго тембра голосомъ, умѣніемъ спокойно и увѣренно отстаивать занимаемую позицію, тактомъ и ловкостью парламентарія. Онъ часто выступаетъ докладчикомъ, даетъ разъясненія по законопроектамъ, вносимымъ въ Думу фракціей партіи Народной Свободы. Когда 13 мая предстоялъ рѣшительный бой съ кабинетомъ Горемыкина, застрѣльщикомъ избранъ былъ Набоковъ и его рѣчь была одной изъ наиболѣе удачныхъ рѣчей дня. „Власть исполнительная да покорится власти законодательной"—эту заключительную фразу рѣчи Набокова уже причислили къ парламентскимъ „изреченіямъ"... Несомнѣнно, Набокову предстоитъ играть крупную роль въ будущемъ народнаго представительства. Не обладая внѣшними ораторскими дарованіями, заставляетъ себя слушать кн. Д. И. Шаховской. У него довольно слабый голосъ, но рѣчь его всегда глубока по содержанію и отличается вдумчивостью мысли. Оригинальна рѣчь Гредескула, онъ подходитъ къ вопросу всегда своеобразно, говоритъ продуманно. Пренія по аграрному вопросу обнаружили громадный политическій талантъ и ораторскія дарованія московскаго депутата Герценштейна. Сила его рѣчи въ ядовитомъ, зломъ сарказмѣ, въ тонкой, убійственной насмѣшкѣ. Съ неослабнымъ вниманіемъ слушала Государственная Дума его длинную рѣчь, въ которой онъ разрушалъ министерскую критику земельнаго законопроекта и защищалъ его основы со всѣмъ блескомъ спеціальныхъ знаній. Эта рѣчь открывала широкія соціально философскія перспективы. Исключительный ораторскій талантъ и сильный темпераментъ чувствуется

у Ледницкаго. „Профессорское“ краснорѣчіе Кузьмина-Караваева и М. М. Ковалевскаго умѣетъ соединяться съ парламентской жилкой. На правой безспорно выдающимся ораторскимъ талантомъ обладаетъ извѣстный М. А. Стаховичъ, соединяющій энергію и страстность рѣчи съ образностью и красотою формы. Изъ ораторовъ трудовой группы больше всего впечатлѣнія производитъ вдумчивая и сдержанная рѣчь Жилкина. Когда онъ говоритъ: „мы дрожимъ отъ негодованія“, его голосъ звучитъ глухо, но слушателямъ передаются чувства оратора. Аладьинъ обладаетъ громкимъ голосомъ и нѣкоторой развязностью манеры говорить: это типичный „митинговый“ ораторъ. О немъ въ шутку говорятъ, что это ораторъ „Родичевскаго типа“... Но копіи далеко до оригинала.

Нельзя отрицать крупнаго ораторскаго таланта у Аладьина, но его краснорѣчіе оставляетъ холоднымъ, въ немъ не чувствуется искренности непосредственнаго чувства. Всѣ эффекты его бурныхъ рѣчей кажутся заранѣе придуманными. Когда предсѣдатель Думы останавливаетъ Аладьина за „непарламентскія выраженія“, а случается это довольно часто, нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что „непарламентское выраженіе“ брошено съ строго обдуманнымъ разсчетомъ быть остановленнымъ и обнаружить находчивость... У Аладьина есть смѣлость, но часто,—пользуемся его собственными словами, сказанными по адресу министровъ 13-го мая,—„это слово не выражаетъ всего, есть другое слово,—сно стоитъ по алфавиту нѣсколько ближе буквы с.“... Сила интенсивной озлобленности и безпощадной прямолинейности чувствуется въ рѣчахъ Аникина, но послѣдняго совсѣмъ нельзя назвать ораторомъ.

С.-Петербургъ, 29 мая

Опять призраки крови...

Опять призраки крови,—по образному выраженію Родичева,—„нависли“ сегодня надъ Думой при преніяхъ, вызванныхъ запросомъ о 7 новыхъ смертныхъ приговорахъ, вынесенныхъ военнымъ судомъ въ Ригѣ. Пренія были бурныя, негодованіе клокотало въ рѣчахъ. Аладьинъ сказалъ между прочимъ: „я глубоко убѣжденъ, что роль убійцъ такъ нравится нашимъ министрамъ, что и на этотъ разъ мы не вырвемъ изъ ихъ рукъ жертвъ, которыхъ они могутъ отправить на тотъ свѣтъ. Однако, я стою за принятіе запроса, не надѣясь спасти людей, но надѣясь, что рано или поздно, мы покажемъ странѣ, что въ душѣ нашихъ министровъ живетъ только одно желаніе убивать“... Предсѣдатель хотѣлъ что-то сказать оратору, но тотъ въ волненіи уже сходилъ съ каѳедры...

Члены Государственной Думы ежедневно получаютъ массу привѣтствій отъ различныхъ группъ и частныхъ лицъ, при чемъ нерѣдко къ привѣтствіямъ присоединяется рядъ запросовъ о дѣятельности Думы, о политическомъ положеніи и т. п. Не имѣя возможности отвѣчать на каждый письменный запросъ, депутаты отдѣльныхъ губерній озабочиваются установленіемъ болѣе тѣсной связи со своими избирателями. Возникаетъ предположеніе составлять краткіе отчеты о дѣятельности Думы съ объясненіемъ отдѣльныхъ шаговъ ея, съ мотивировкой усвоенной тактической позиціи и съ общей характеристикой положенія—для широкой разсылки такихъ отчетовъ деревенскому населенію. Черниговскіе депутаты тоже вырабатываютъ мѣры для установленія постоянной связи со своими избирателями: для обсужденія текущихъ вопросовъ они періодически собираются вмѣстѣ. Предположено организовать поѣздки депутатовъ на родину для непосредственнаго общенія съ избирателями.

С.-Петербургъ, 31 мая

Аграрное болото

Не безъ нѣкотораго основанія кулуарные остряки говорятъ, что Дума подвергается опасности завязнуть въ „аграрномъ болотѣ“, какъ называютъ они безконечныя, тягучія пренія по аграрному вопросу въ стадіи дебатовъ о направленіи дѣла. Эти пренія тянутся уже цѣлую недѣлю, а „благополучнаго конца“ ихъ еще въ „волнахъ не видно“, записавшихся ораторовъ около 100 и нѣкоторые говорятъ по часу и болѣе, нерѣдко повторяя въ систематическомъ изложеніи свои мысли, уже неоднократно ими развитыя въ Думѣ, какъ это сдѣлалъ вчера депутатъ Тенисонъ изъ прибалтійскаго края. Тщетно депутатъ Родичевъ воспользовался своимъ словомъ, чтобы во имя патріотизма призвать къ сокращенію преній, тщетно онъ взывалъ къ мужеству — сдержать себя и перестать говорить. Ему шумно аплодировали, но затѣмъ... пренія продолжались въ томъ-же духѣ: мужество „сдержать себя“ имѣли 2-3 депутата. Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что въ унылыхъ трясинахъ „аграрнаго болота“ вчера раздались двѣ интересныя рѣчи: полная украинскаго юмора рѣчь кіевскаго крестьянина Грабовецкаго и огненная, содержательная рѣчь депутата Аладьина. Грабовецкій между прочимъ такъ изобразилъ свое впечатлѣніе отъ „знаменитыхъ“ рѣчей г. Гурко: „Гурко мабуть думае, що кусокъ сахару просто вылазить зъ буряка“... Аладьинъ привелъ рядъ коллективныхъ крестьянскихъ писемъ изъ разныхъ губерній, свидѣтельствующихъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на народъ пресловутая министерская декларація. Министерство можно поблагодарить за успѣшную агитацію, сказалъ между прочимъ Аладьинъ. Министерство не остановилось ни передъ чѣмъ, оно притянуло къ участію въ дѣлѣ и нашу высокую церковь. Въ одной губерніи декларація—тряпичка

была прибита у церковныхъ дверей: „ожидали, очевидно, что слова декларацiи выиграютъ отъ сошествiя Святаго Духа“ (предсѣдатель останавливаетъ оратора, аплодисменты). Ораторъ указалъ, что народъ начинаетъ переносить свое недовольство съ министерской скамьи на болѣе высокое мѣсто. Процитировавъ изъ крестьянскаго письма слѣдующее мѣсто: „Если Дума ничего не сдѣлаетъ, быть бѣдѣ. Пусть эти... (идетъ слово, которое предсѣдатель мнѣ не позволитъ прочесть) знаютъ, что пощады имъ не будетъ. Скажите на милость, гдѣ Государь, почему не обращаются къ нему? Неужели правду молва говоритъ, что онъ... тогда пропало все“,—Аладьинъ спрашиваетъ: „какъ-же служили г. г. министры даже тому, кого они признаютъ, какъ верховную власть, какъ вершителя судебъ? Какъ они служили?—Какъ государственные люди, или какъ ливрейные лакеи?“ (шумные аплодисменты).

Аладьинъ закончилъ свою рѣчь утвержденiемъ, что, если ко времени сбора хлѣбовъ народъ повѣритъ, что аграрный вопросъ движется къ разрѣшенiю, то не было-бы абсолютно никакой трудности заставить его ждать нѣсколько мѣсяцевъ, а то и годъ, и два. „Но если къ этому времени мы не сумѣемъ довести аграрный вопросъ до той стадiи, въ какой народъ признаетъ его разрѣшающимся, то, быть можетъ, народъ прервetъ наши занятiя и самъ возьмется за разрѣшенiе аграрнаго вопроса“. Послѣ этой блестящей рѣчи опять началось... „болото“.

—

Настроенiе страны

По письмамъ

Государственная Дума можетъ выполнить свою историческую миссiю только при живой связи, при постоянномъ живомъ взаимодѣйствiи со страной—эта истина проста и очевидна до банальности.

Не даромъ господа, желающіе дискредитировать Думу, интригуютъ противъ нея фальсификаціей мнѣнія страны и организаціей черносотенныхъ адресовъ и телеграммъ, печатающихся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Настроеніе страны должно быть изучаемо со всей внимательностью и тщательностью: нельзя сомнѣваться въ томъ, что вся страна полна стремленій освободиться отъ цѣпей чиновничьяго произвола, отъ той удушающей, кошмарной атмосферы, которая давитъ ее. На что же она надѣется, вѣритъ ли она въ Государственную Думу, какъ относится къ ея работѣ? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ лежащія передъ нами во множествѣ письма изъ разныхъ глухихъ уголковъ: среди нихъ есть и коллективныя обращенія выборщиковъ къ депутатамъ и письма сельскихъ обывателей, передающихъ свои впечатлѣнія отъ газетныхъ извѣстій о Думѣ... Всѣ они не предназначались для печати, но мы считаемъ интереснымъ извлечь изъ нихъ нѣкоторыя характерныя цитаты. „Мы селяне,—пишется въ одномъ письмѣ,—каждый день слѣдимъ за ходомъ дѣла въ Думѣ и, какъ видимъ изъ газетъ, что правительство не уступаетъ на требованія Думы, то мы противъ него крайне настроены“. „Широкія массы,—пишетъ городской обыватель,—послѣ отвѣтовъ на декларацію протянули къ Думѣ съ надеждой руки, устремили на нее свои глаза“. „Что будетъ,—задается вопросомъ одинъ корреспондентъ,—если Думу станутъ игнорировать, если министры останутся и будутъ продолжать репрессіи и издавать свои законы?“ и самъ же отвѣчаетъ: „Нѣтъ, этого не можетъ быть, долго это не продлится. Во всякомъ случаѣ одного войска, слѣпо повинующагося, тутъ мало, а то, что до сихъ поръ рабски молчало и надъ чѣмъ они оперировали, всколыхнулось въ самыхъ глухихъ уголкахъ,—вся Россія отъ нихъ... отпала. Если они попробуютъ устроить погромы, то всякому очевидно будетъ, кто ихъ виновникъ. Когда оглядываешься кругомъ, то даже не вѣришь въ возможность повторенія погромовъ“. „Слухамъ о военной

диктатурѣ никто не вѣритъ. Это было бы безумiемъ. Мало ли еще пролито крови? Дай Богъ—возможно болѣе мирный путь! Дай Богъ успѣха Думѣ!" „Думѣ, можетъ быть, еще придется бороться съ цѣпляющимися за власть министрами, но вѣдь всѣ мы, вся страна за Думу". „Наши мысли встрѣтились,—пишутъ волостные выборщики депутату по поводу отвѣтнаго адреса,—если понадобится, мы всѣ за Васъ". „Мы видимъ въ депутатахъ своихъ вождей, каждое ихъ слово разносится по странѣ". „Ничего, что еще сидятъ на своихъ мѣстахъ министры. они должны будутъ уйти, если Дума будетъ настойчива; съ каждымъ днемъ прозрѣваютъ слѣпые и видятъ, на чьей сторонѣ правда". „Мы вѣримъ Думѣ, благословляемъ ее, если и она окажется безсильной, начнется страшное, а возврата къ старому все равно нѣтъ". „Страшно интересуемся мы, пишутъ селяне, хорошими газетами, а тѣхъ, что пишутъ за богатыхъ и сильныхъ, читать никто не хочетъ. Агитацiямъ полицейскимъ крестьяне не вѣрятъ". Интересно письмо украинскихъ крестьянъ: „Трудовая группа предлагаетъ систему пользованiя, у насъ она не желательна для многихъ. Если ее приметъ Дума, то крестьяне у насъ разобьются кто—за, а кто—противъ. Если землю отчуждать церковную, кабинетскую, казенную и удѣльную, а также и крупновладѣльческую, хотя уже и за вознагражденiе, то эти требованiя будутъ поддерживаться положительно всей Украиной и всѣ крестьяне пойдутъ рука объ руку Это мнѣнiе всего нашего раiона, всѣ въ этомъ согласны. Не дай Богъ разбить крестьянъ, да еще полицiя вмѣшается,—она и сейчасъ не спитъ,—промахъ будетъ невозвратимый". „У насъ,—пишутъ изъ другого села,—адресъ Государственной Думы на память учатъ, очень имъ довольны. Помоги Богъ, говорятъ, нашей Думѣ!"

Полагаемъ, что эти немногiе отрывки краснорѣчиво говорятъ о подлинномъ настроенiи страны.

С.-Петербургъ, 1 іюня

Бурное засѣданіе

До двухъ часовъ дня сегодняшнее засѣданіе было посвящено продолженію преній по аграрному вопросу и прошло достаточно вяло. Послѣ перерыва электричество начало накопляться и, наконецъ, когда выступилъ съ отвѣтомъ на запросъ министру главный военный прокуроръ г. Павловъ, разразилась гроза. Заявленіе г. прокурора, что военнные судьи выносятъ смертные приговоры на основаніи закона, исполненіе-же приговоровъ не зависитъ отъ г. министра, ибо утвержденіе и смягченіе приговора есть право генералъ-губернаторовъ и вмѣшательство въ это право было-бы незаконнымъ, это заявленіе было покрыто взрывомъ негодующихъ возгласовъ: „вонъ, палачъ!“. Раздался предсѣдательскій звонокъ и г. Муромцевъ произнесъ: „если это повторится, я вынужденъ буду прервать засѣданіе“... Военный прокуроръ удалился, а въ Думѣ начались бурныя пренія, цѣлый ураганъ негодованія вылился въ страстныхъ рѣчахъ. Первымъ говорилъ Кузьминъ-Караваевъ, доказавшій, что вмѣшательство въ приговоры военныхъ судовъ сплошь и рядомъ дѣлалось, когда это по политическимъ соображеніямъ признавалось нужнымъ. „Своимъ отвѣтомъ военное министерство проявило такое отношеніе къ Государственной Думѣ,—которое я не смѣю назвать по имени“... такъ заключилъ свою образцовую, полную сдержаннаго негодованія и достоинства рѣчь Кузьминъ-Караваевъ. Каскадомъ полились гнѣвныя слова пламенной рѣчи Ледницкаго, закончившейся указаніемъ на то, что, можетъ быть, отмѣна смертной казни окажется въ интересахъ тѣхъ, которые „съ этихъ скамей“ (ораторъ указалъ на министерскую ложу) нынѣ въ ней отказываютъ. „Мы живемъ въ такое время, что предсказаній дѣлать никакихъ нельзя, что

день грядущій намъ готовитъ,—неизвѣстно!". Пламенно, страстно говорилъ священникъ Афанасьевъ. Аладьинъ, останавливаемый по обыкновенію предсѣдателемъ за непарламентскій способъ выражаться, закончилъ словами: „съ военнымъ министерствомъ говорить о законности мы будемъ тогда, когда оно сядетъ на свое мѣсто, т. е. на скамью подсудимыхъ". Въ заключеніе предложены были двѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Въ первой (внесена ,представителемъ трудовой группы Жилкинымъ) предлагалось передать отвѣтъ военнаго министра на расмотрѣніе комиссіи по разслѣдованію преступныхъ дѣйствій администраціи. Во второй (предложена Винавером) выражалось негодованіе формѣ и содержанію отвѣта. Громаднымъ большинствомъ голосовъ принята формула Винавера.

„Негодованіе"—это слабое слово для выраженія тѣхъ чувствъ, которыми переполнены были всѣ депутаты Думы сегодня. Въ кулуарахъ сдержанность оставляла даже самыхъ уравновѣшенныхъ и слышались отовсюду на разные лады повторяемое: „такъ продолжать нельзя"! „Они доиграются!" звучало угрозой и предостереженіемъ. Но тамъ, гдѣ вся политика сводится къ провокаціи, предостереженія—ни къ чему: мало-ли ихъ было доселѣ? Quem Deus perdere wult, dementat... На сегодняшнемъ засѣданіи въ Думѣ присутствовалъ лидеръ демократовъ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ, кандидатъ въ президенты Вильямъ Брайанъ. Онъ высказывалъ журналистамъ свое одобреніе стойкости и сдержанности Государственной Думы. Сегодня онъ увидѣлъ воочію, что подъ стойкостью и сдержанностью Думы таится вулканъ страстей и справедливаго гнѣва. Кромѣ того онъ сразу смогъ себѣ составить истинное представленіе о „государственной мудрости" нынѣшнихъ вершителей судебъ несчастной Россіи...

— —

С.-Петербургъ, 3-го іюня

Вчера Дума взволнована была извѣстіемъ о начавшемся 1-го іюня кровавомъ еврейскомъ погромѣ въ Бѣлостокѣ. Внесенъ запросъ, признана его неотложность. Левинъ (Вильна) въ волненіи началъ свою рѣчь: „мнѣ, представителю еврейства, слишкомъ трудно говорить съ этой кафедры въ такой моментъ, когда еще не убраны трупы съ улицъ Бѣлостока“... Закончилъ онъ цитатой изъ частной телеграммы: „передайте нашу телеграмму въ Думу и спасайте“... Аладьинъ сдѣлалъ предложеніе командировать въ Бѣлостокъ одного или двухъ представителей Думы... „Когда льется кровь народа, мѣсто народныхъ представителей или по крайней мѣрѣ ихъ делегатовъ—быть съ народомъ немедленно“... „Намъ грозитъ разложеніе страны—страстно говорилъ Родичевъ—или прекратятся позорящія насъ дѣла, или Россія перестанетъ существовать. Ставится вопросъ,—быть или не быть?.. Правительство не хочетъ уйти и бросаетъ отечество въ опасность, оставаясь у власти. Отечество въ опасности, пока они у власти!“... Единогласно принятъ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ: „Принимая заявленіе о запросѣ по поводу бѣлостокскихъ событій и поручая комиссіи по изслѣдованію незаконом ѣрныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ произвести такое изслѣдованіе путемъ собранія свѣдѣній немедленно на мѣстѣ, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“...

„Пусть уйдетъ это правительство и мы увидимъ, что погромовъ больше нѣтъ!“—сказалъ Рыжковъ во время преній о Бѣлостокскихъ событіяхъ. „Скоро-ли, скоро мы увидимъ это?“ думали, вѣроятно, многіе, уходя вчера изъ Думы... И отвѣта на этотъ вопросъ не было... Вотъ гдѣ трагедія русской жизни! Ужасная и безысходная трагедія... Безсильныя слезы сжимаютъ горло, негодованіе клокочетъ въ груди! Народное представительство вынуждено не только добыть

необходимыя народу вольности, оно должно еще отстоять право на жизнь. Это удачно отмѣтилъ въ своей рѣчи М. М. Ковалевскій. Не всѣ русскіе подданные, не всѣ русскіе граждане пользуются охраной своего права на жизнь...

С.-Петербургъ, 5-го іюня

Нѣкоторыя изъ сегодняшнихъ рѣчей по аграрному вопросу обратили бы на себя вниманіе, если бы не то утомленіе, какое создалось этими такъ долго затянувшимися преніями... Отмѣтимъ рѣчь Кіевскаго крестьянина Зубченко, между прочимъ заявившаго—„мнѣ кажется, что понятія о собственности у главноуправляющаго землеустройствомъ воспитано на старыхъ крѣпостническихъ законахъ“... Возражая противъ мнѣнія о паденіи культуры въ случаѣ перехода земли къ крестьянамъ, Зубченко сказалъ: „я утверждаю, что культура помѣщичья — культура ложная, доводящая народъ до обѣднѣнія. И мы видимъ наяву—непомѣрную роскошь, золоченные дворцы, а съ другой стороны—обнищавшій народъ и голодную смерть... Голодной смертью умираетъ тотъ классъ населенія, который своимъ трудомъ создаетъ и дворцы, и города, и желѣзныя дороги, и университеты, и академіи, а для своихъ дѣтей не имѣетъ школы.. Развѣ это правильная культура?“... Витіеватую рѣчь, въ „высокомъ штилѣ“ произнесъ М. А. Стаховичъ. Онъ „категорически и не колеблясь“ высказалъ себя сторонникомъ увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія, но счелъ нужнымъ отмѣтить, что необходимость этого для него вытекаетъ не изъ тѣхъ „событій, о которыхъ намъ часто напоминали веселымъ словомъ „иллюминація“ и не изъ-за тѣхъ угрозъ, которыя съ какимъ-то самодовольствомъ обращали къ намъ въ качествѣ убѣдительныхъ мотивовъ“... Стаховичъ признался, что сильное впечатлѣніе на него произвела 13-го

мая рѣчь Тамбовскаго крестьянина Лосева, сопоставившаго состояніе духа русскаго народа съ отчаяніемъ Сампсона. Сопоставленіе смутило оратора, но, прочитавъ соотвѣтственныя главы „Книги Судей“, онъ воспрянулъ, ибо ясно понялъ, что Сампсонъ погибъ, поддавшись на соблазны блудницъ и безбожниковъ, чѣмъ преступилъ данный ему свыше законъ...

С.-Петербургъ, 6-го іюня

Вчера вся Дума съ облегченіемъ вздохнула, когда предсѣдатель объявилъ: „предварительныя пренія по запискѣ 42 закончены“... Дума единогласно постановила: образовать комиссію для выработки законопроекта по земельному вопросу, а въ сегодняшнемъ засѣданіи уже произведены выборы въ аграрную комиссію и объявленъ результатъ выборовъ...

По окончаніи преній по аграрному вопросу на очередь было поставлено обсужденіе заявленія 151 члена Госуд. Думы съ предложеніемъ основныхъ законовъ о гражданскомъ равенствѣ. Пренія открылъ Кокошкинъ, въ обстоятельной рѣчи изложившій основныя положенія предложенія. Свою рѣчь Кокошкинъ закончилъ указаніемъ на то, что нація является необходимымъ фундаментомъ правового государства. „Народа, націи въ политическомъ смыслѣ этого слова у насъ нѣтъ... Нужно создать націю, а въ наше время таковой можетъ быть только союзъ свободныхъ, равныхъ гражданъ“... Рѣчь Кокошкина была встрѣчена апплодисментами и возражавшій ему гр. Гейденъ началъ свою рѣчь словами: „на мою долю часто выпадаетъ неблагодарная задача всходить на эту каѳедру послѣ громкихъ апплодисментовъ предшествующему оратору и ему возражать“... Очень настойчиво гр. Гейденъ подчеркиваетъ, что предложенія 151 члена Думы носятъ отрицательную форму—„отмѣнить и отмѣнить“. „А что предлагаютъ намъ взамѣнъ того, какія

основныя положенія будущаго законодательства? 151 человѣкъ объ этомъ скромно молчатъ"... Въ свою очередь Кокошкинъ отвѣтилъ на это вопросами:—„А что-же дѣлать, если главная работа въ отношеніи равенства именно есть отрицательная? Что дѣлать, если существуетъ масса законовъ, составляющихъ ненужный мусоръ, которые и нужно устранить? Въ сегодняшнемъ засѣданіи пренія о гражданскомъ равенствѣ продолжались. Интересна была рѣчь Петражицкаго въ защиту женскаго равноправія. „Интересы общаго блага и культуры требуютъ отъ насъ, чтобы мы предоставили женщинамъ политическія права и обязанности". Воронежскій крестьянинъ Кругликовъ возсталъ противъ женскаго равноправія, утверждая, что „ученые люди крестьянскаго быта не знаютъ и совсѣмъ крестьянской семьи не понимаютъ". Ссылаясь на апостола Павла („да убоится жена своего мужа!"), Кругликовъ заявилъ: „крестьяне совсѣмъ не согласны женскому полу права давать, а совсѣмъ согласны, чтобы мужчина былъ старшій"... Рѣчь Кругликова прерывалась смѣхомъ и апплодисментами, при чемъ нельзя не отмѣтить, что апплодировали не только на правой, но и на лѣвой...

Но „гвоздемъ" сегодняшнихъ преній была содержательная, прекрасная рѣчь И. И. Петрункевича. Петрункевичъ утверждалъ, что вся Россія живетъ на началахъ неравноправія и что лица, говорившія объ исчезновеніи въ наше время сословности, „расходятся съ истиной". Говоря о „крестьянскихъ привилегіяхъ", на которыхъ останавливался гр. Гейденъ, Петрункевичъ указалъ, что въ этихъ привилегіяхъ заключается „элементъ презрѣнія" къ крестьянству... Нужно установить принципъ: все, что составляетъ привилегію, все, что составлястъ право одного, но несвойственно другимъ, должно быть уничтожено. Только стоя на этой почвѣ, можно пересоздать гражданскій бытъ Россіи. Закончилъ свою рѣчь Петрункевичъ защитой неотложности: „отсрочка не можетъ

быть терпима при разрѣшеніи этого вопроса"... „Кн. Волконскій говоритъ намъ, что для него неясенъ даже еврейскій вопросъ, будто бы не разрѣшенный даже на Западѣ". „Да— воскликнулъ Петрункевичъ—тамъ его не разрѣшаютъ, его тамъ нѣтъ и разрѣшать нечего. Только у насъ стоитъ этотъ проклятый вопросъ!"... Въ тотъ моментъ, когда изъ Бѣлостока доносятся крики ужаса, говорить, что этотъ вопросъ требуетъ разработки, доказательствъ, это то же самое, какъ, если бы кто-либо сказалъ, что внесенный законопроектъ въ двухъ статьяхъ объ отмѣнѣ смертной казни... требуетъ разработки... „За погромомъ въ Бѣлостокѣ можетъ произойти еще множество погромовъ. Мы не знаемъ, на чемъ это остановится, но мы знаемъ систему нашего управленія, мы можемъ предвидѣть, что эти кровавыя чернила могутъ насъ лишить свободы, вычеркнуть всю нашу конституцію"...

Слушая рѣчь Петрункевича, мы все время думали о томъ, что Госуд. Дума должна бы дѣлать постановленія объ афишированіи въ странѣ парламентскихъ рѣчей выдающагося значенія...

Въ слѣдующемъ засѣданіи пренія по вопросу о гражданскомъ равноправіи должны закончиться, т. е. вопросъ будетъ сданъ въ комиссію...

С.-Петербургъ, 7-го іюня

Въ концѣ вчерашняго засѣданія оглашено было заявленіе 33 членовъ, предлагавшихъ неотложно обсудить вопросъ о мѣрахъ, которыми устанавливалась бы невозможность непроизводительной траты времени и аккуратное открытіе засѣданій въ назначенные часы. Грамматчиковъ изъ Пермской губ. вспомнилъ изреченіе—„аккуратность есть вѣжливость королей" и предлагалъ Думѣ, которая, какъ законодательное

учрежденіе, исполняетъ „отчасти королевскія функціи“, усвоить себѣ королевскую вѣжливость и собираться исправно къ назначенному времени. Гр. Гейденъ предложилъ „энергичную“ мѣру:—если черезъ 1/4 часа послѣ назначеннаго времени не будетъ законнаго состава, закрывать засѣданіе до слѣдующаго дня. „Нельзя закрывать засѣданіе, которое не открывалось“—замѣтилъ предсѣдатель, „отсрочить засѣданіе до слѣдующаго дня“ поправился гр. Гейденъ. Предсѣдатель предложилъ Гейдену изложить его предложеніе письменно. „Я передамъ его въ комиссію о наказѣ Думѣ“—отвѣтилъ Гейденъ. Послѣ этого и весь вопросъ „объ аккуратности“ сданъ былъ въ комиссію о наказѣ...

Затѣмъ оглашено было спѣшное заявленіе о запросѣ по поводу кровавыхъ событій на Кавказѣ. Авторы заявленія въ виду невозможнаго положенія, установившагося въ Елизаветпольской и Эриванской губерніяхъ уже болѣе года, унесшаго тысячи человѣческихъ жертвъ и разорившаго экономически край,—предлагали сдѣлать запросъ намѣстнику Кавказа, „какія мѣры принимаются къ прочному огражденію личной и имущественной безопасности населенія Эриванской и Елизаветпольской губерній?“ Въ виду спорности вопроса, въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ передать этотъ запросъ, который долженъ быть обращенъ къ намѣстнику Кавказа, авторы запроса согласились на передачу его въ комиссію.

Запросъ за запросомъ, каждый день ихъ предъявляется нѣсколько, но достигаютъ ли они цѣли?.. Каковы бы ни были практическіе результаты запросовъ, или, лучше сказать, пусть запросы не даютъ никакихъ практическихъ результатовъ, однако, ихъ морально-политическое значеніе громадно... Имѣющіе уши—да слышатъ! Слышатъ, слышатъ.. вся страна видитъ и слышитъ!...

С.-Петербургъ, 8 іюня

Маски сброшены

Министръ внутреннихъ дѣлъ г. Столыпинъ, наконецъ, собрался отвѣтить на первый запросъ Государственной Думы относительно участія правительства въ организаціи контръ-революціи (октябрьскія событія). Свою рѣчь онъ началъ съ указанія на то, что считаетъ Думу компетентной только относительно событій, имѣвшихъ мѣсто послѣ открытія думской сессіи (27 апрѣля), но для перваго запроса готовъ сдѣлать исключеніе и дать отвѣтъ полный — безъ недомолвокъ. „Полный“ отвѣтъ свелся къ установленію вины отдѣльныхъ, мелкихъ чиновниковъ, жандармскихъ офицеровъ и т. п., нарушившихъ долгъ службы вмѣшательствомъ въ политическую жизнь. Виновнымъ было сдѣлано внушеніе. Что-же касается новѣйшихъ событій (Вологда, Царицынъ и т. д.), то еще производится слѣдствіе и виновные будутъ наказаны. Министръ намѣренъ твердо охранять законность, но при этомъ онъ считаетъ, что долгъ власти твердо охранять порядокъ... Можно было вѣрить искренности министра, но даже при такомъ довѣріи на мучительный вопросъ запроса, чѣмъ-же въ будущемъ страна можетъ быть гарантирована отъ возможности повторенія ужасовъ, подобныхъ позорнымъ октябрьскимъ событіямъ, никакого отвѣта не давалось... А отвѣтъ жизни уже данъ—въ Бѣлостокѣ. Послѣ Столыпина говорилъ депутатъ князь Урусовъ (бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ). Его рѣчь открыла ужасную язву управленія, ежеминутно грозящую странѣ новыми и новыми кошмарами. Съ знаніемъ тайнъ тѣхъ застѣнковъ, гдѣ родились ужасные замыслы, обагрившіе страну кровью, Урусовъ раскрылъ подлинную картину контръ-революціонной эпопеи. Эту рѣчь необходимо прочесть въ стенограммѣ. Закончилъ ораторъ указаніемъ на полное безсиліе власти—даже при ея

добрыхъ намѣреніяхъ, въ нынѣшней обстановкѣ гарантировать населенію внутренній миръ и безопасность. Это безсиліе будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока на дѣла внутренняго управленія будутъ оказывать вліяніе неотвѣтственные люди, „по воспитанію вахмистры и городовые, а по убѣжденію— погромщики". Говорили Набоковъ, Винаверъ, Родичевъ и всѣ рѣчи были содержательны и блестящи, но *по существу* къ рѣчи Урусова прибавить было нечего. Врядъ-ли прибавятъ что-либо и тѣ 14 ораторовъ, которыхъ Думѣ предстоитъ выслушать завтра... Дума шумно и долго апплодировала князю Урусову и г. Столыпину лучше было не отвѣчать... Увѣреніе, что ему предоставлена „вся полнота власти" и никакого вмѣшательства онъ не допуститъ, звучало не убѣдительно; сверху раздались возгласы: „а Бѣлостокъ?" Температура поднялась и Муромцевъ вынужденъ былъ объявить перерывъ засѣданія на часъ... Сверху раздавались нелестные возгласы по адресу правительства и его представителей, возгласы, надо признать, вполнѣ заслуженные...

С.-Петербургъ, 9 іюня

Какъ мы и предполагали, дальнѣйшія пренія по существу ничего не прибавили къ тому страшному впечатлѣнію, какое произвела сдержанная по формѣ и разрушительная по содержанію рѣчь кн. Урусова. Кн. Урусовъ поднялъ только углушекъ завѣсы, но не надо обладать особенно живымъ воображеніемъ, чтобы ясно и рельефно представить себѣ подлинные размѣры картины во всю ея величину. Картина, отъ которой ужасъ охватываетъ за судьбы несчастной, изстрадавшейся страны. По волѣ „городовыхъ и вахмистровъ по воспитанію, погромщиковъ по убѣжденіямъ", какія еще новыя испытанія предстоятъ разоренному народу? Этотъ вопросъ невольно встаетъ, мучитъ и не даетъ покоя, ибо грозъ-

ный отвѣтъ на него въ Бѣлостокѣ — отвѣтъ многообѣщающій... Дума въ болѣе или менѣе рѣзкой формулѣ еще разъ осудитъ произволъ и беззаконіе, еще разъ выскажетъ народную волю—и перейдетъ къ „очереднымъ дѣламъ“. Дѣйствительныхъ средствъ немедленно помочь народному горю — у Думы нѣтъ! „Мы понимаемъ, — сказалъ сегодня въ своей рѣчи Шефтель — почему остаются на свободѣ и внѣ судебнаго преслѣдованія всѣ тѣ, противъ кого здѣсь вчера были формулированы столь ясныя и категорическія обвиненія“... Дума перейдетъ къ „очереднымъ дѣламъ“, а гг. вахмистры „погромщики по убѣжденіямъ“ тоже займутся „очередными дѣлами“. За Бѣлостокомъ чья очередь? Рѣчь кн. Урусова— по-истинѣ историческая, маски сброшены, пружины внутренней политики обнажены. Изумленный міръ можетъ убѣдиться, что правда о русскомъ правительствѣ—хуже всякой лжи...

С.-Петербургъ, 10 іюня

Политическое положеніе

Разоблаченія кн. Урусова дали помимо всего прочаго весьма вразумительное объясненіе того, почему властные „вахмистры-погромщики“ съ такимъ, казалось-бы, непонятнымъ упорствомъ противятся установленію нормально-функціонирующаго парламентаризма. Дѣло не въ слѣпотѣ, а въ томъ, что они прекрасно сознаютъ тѣ послѣдствія, какими имъ угрожаетъ установленіе конституціоннаго режима. Это — неизбѣжная скамья подсудимыхъ и разоблаченіе всѣхъ ихъ темныхъ дѣлъ: нельзя-же сомнѣваться въ томъ, что кн. Урусовъ не раскрылъ и десятой части ихъ „подвиговъ“... Въ пріятной перспективѣ суда народной совѣсти они и цѣпляются судорожными усиліями за власть, предпочитая „потопъ“ послѣ себя... А „потопъ“, можетъ быть, вовсе не такъ далекъ, какъ это кажется многимъ и многимъ современни-

камъ. Во всякомъ разѣ политическое положеніе продолжаетъ оставаться неопредѣленнымъ и мы мало склонны вѣрить слухамъ о готовности согласиться на министерство изъ большинства Думы. Теперь такое министерство еще, можетъ быть, и имѣло-бы нѣкоторые шансы на успокоеніе страны, но вся исторія послѣдняго времени убѣждаетъ насъ въ томъ, что согласіе на требованія жизни всегда опаздываетъ. Если Горемыкинскій кабинетъ и падетъ, то, по всей вѣроятности, прежде чѣмъ перейти къ министерству изъ большинства Думы съ отвѣтственностью его передъ Думой, будутъ испытаны еще различныя компромиссныя комбинаціи, которыя никого не удовлетворятъ, всѣхъ раздражатъ и только приблизятъ наступленіе „потопа“. Дни-же Горемыкинскаго кабинета во всякомъ разѣ, надо полагать, сочтены... „Вахмистры-погромщики“ не спасутъ его...

С.-Петербургъ, 8 іюня *)

Сенсаціонныя разоблаченія депутата кн. С. Урусова на столько поглотили всеобщее вниманіе, что почти незамѣченными прошли послѣ того характерныя пренія, вызванныя внесеннымъ въ Думу новымъ проектомъ земельной реформы. Первая статья новаго „проекта основного земельнаго закона“ гласитъ: „Всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго Государства отнынѣ совершенно уничтожается“. Иниціаторы внесеннаго „проекта“ (33 члена трудовой группы) предлагали Думѣ передать ихъ заявленіе въ качествѣ матеріала въ уже существующую аграрную комиссію. Возражать противъ этого предложенія поднялся И. И. Пет-

---

*) Вторая часть письма отъ 8-го іюня выдѣлена особо въ виду того, что письма отъ 9 и 10 іюня съ первою частью письма отъ 8-го составляютъ одно цѣлое.

рункевичъ. Онъ находилъ невозможнымъ согласиться на передачу внесеннаго проекта въ комиссію безъ обсужденія. Передавая проектъ въ комиссію безъ обсужденія, Дума какъ бы даетъ принципамъ, въ немъ заключающимся, молчаливое одобреніе. Проектъ, внесенный въ Думу, предлагаетъ глубокій соціальный переворотъ, затрагиваетъ не только переданный въ аграрную комиссію вопросъ землевладѣнія и землепользованія, но и коренные соціальные вопросы. Рѣшеніе передать въ комиссію было бы до извѣстной степени предрѣшеніемъ возможности той точки зрѣнія, изъ которой исходятъ 33 автора проекта. Противъ передачи новаго проекта земельной реформы въ аграрную комиссію высказался и предсѣдатель этой комиссіи А. А. Мухановъ говоря: „Разсмотрѣніе всеобщей соціальной реформы Думой аграрной комиссіи не поручено и комиссія была-бы до крайности затруднена, если бы состоялась передача ей вопроса, по существу не обсуждавшагося Государственной Думой"!.. Кн. Д. И. Шаховской указалъ, что среди 33 подписавшихъ проектъ есть 6 членовъ аграрной комиссіи. Если они желаютъ, чтобы ихъ мысли обсуждались въ комиссіи, они могутъ тамъ изложить и защищать ихъ. Костромской депутатъ Френкель полагалъ, что передача проекта въ комиссію дала-бы только матеріалъ для демагогической агитаціи съ министерской скамьи во вкусѣ той, съ какою уже выступалъ въ Думѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Гурко. Кн. П. Д. Долгоруковъ находилъ, что авторы проекта могутъ передать его на обсужденіе аграрной комиссіи чисто механическимъ способомъ. Возраженія противъ сдѣланнаго предложенія почему-то нервно настроили нѣкоторыхъ изъ иниціаторовъ его. Жилкинъ даже нашелъ, что отказъ передать въ комиссію внесенный въ Думу проектъ означалъ бы неуваженіе къ работѣ товарищей. „Дума ко всякой работѣ, представляемой отъ имени товарищей по работѣ, должна относиться съ уваженіемъ, должна передавать ее въ соотвѣтствующую комиссію". Противъ этой точки зрѣнія

энергично возсталъ Кокошкинъ: „на почву личнаго уваженія къ тѣмъ или инымъ членамъ Думы вопросы не должны ставиться". Постановленіемъ о передачѣ въ комиссію, или объ отказѣ въ такой передачѣ совершенно не затрагивается личность вносящаго предложеніе. Кокошкинъ, кромѣ того, выразилъ недоумѣніе передъ тѣми цѣлями, какія преслѣдуютъ авторы заявленія, настаивая на непремѣнной передачѣ его въ аграрную комиссію черезъ Государственную Думу... Громаднымъ большинствомъ голосовъ Дума отвергла передачу внесеннаго проекта въ аграрную комиссію. Среди трудовиковъ постановленіе Думы вызываетъ раздраженное недовольство... Имъ, очевидно, хотѣлось добиться отъ Думы того „предрѣшенія", о которомъ говорилъ Петрункевичъ. Но совершенно очевидна невозможность подобнаго постановленія безъ предварительнаго обсужденія въ Думѣ. У Думы-же есть другія неотложныя дѣла, чтобы, только что закончивъ общія пренія по аграрному вопросу, не возвращаться къ нимъ тотчасъ снова... Тѣмъ болѣе странно было-бы возобновленіе этихъ преній—при разностороннемъ составѣ аграрной комиссіи, обезпечивающемъ отстаиваніе въ ней любыхъ точекъ зрѣнія. И по-истинѣ непремѣнное желаніе передать въ аграрную комиссію групповой проектъ черезъ Думу—ничего, кромѣ недоумѣнія, не возбуждаетъ, какъ бы ни относиться къ его содержанію...

II

О Думѣ

Газетная полемика по поводу образованія с.-д. фракціи въ Государственной Думѣ

Образованіе въ Государственной Думѣ соціалъ-демократической фракціи, состоящей пока изъ 21 члена, несомнѣнно, является фактомъ далеко не безразличнымъ въ жизни и партійной группировкѣ перваго нашего парламента. Нельзя не согласиться съ г. Г. Іоллосомъ, что „фактъ образованія особой рабочей партіи имѣетъ серьезное значеніе: его не слѣдуетъ игнорировать только потому, что дебютъ новыхъ людей былъ не совсѣмъ удачный". („Русскія Вѣдомости", № 158). Казалось-бы противъ образованія соціалъ-демократами своей фракціи нечего возразить ни съ формальной стороны, ни по существу. Однако, и тѣ, и другія возраженія нашлись и сдѣланы, какъ это ни странно, слѣва, главнымъ образомъ тѣми, кто вообще преувеличиваетъ значеніе и роль трудовой группы въ Думѣ, всячески идеализируя эту послѣднюю. Исходная точка зрѣнія возражателей—это увѣренность, что образованіе самостоятельной соціалъ-демократической фракціи ослабитъ трудовую группу, какъ выразительницу „революціоннаго настроенія страны", представительницу „единства крайнихъ лѣвыхъ элементовъ Думы". Формальныя указанія „Мысли" (№ 1) на двойственность состава новой фракціи, угрожающую ея прочности и заключающуюся въ томъ, что фракція состоитъ изъ кавказцевъ, прошедшихъ на выборахъ подъ знаменемъ соціалъ-демократіи и изъ тѣхъ 14 депутатовъ рабочихъ, которые прошли въ Думу „*вопреки* бойкоту революціонныхъ партій", значитъ не какъ члены партіи,—эти ука-

занія не кажутся намъ сколько-нибудь существенными. Въ условіяхъ конспиративнаго существованія лѣвыхъ партій—партійная организованность, вліяніе ея на широкія массы, партійная дисциплина—все это чрезвычайно относительно. Примкнуть въ Думѣ къ соціалъ-демократической партіи былобы неудобно тѣмъ изъ депутатовъ, которые прошли въ Думу подъ какимъ-либо инымъ опредѣленнымъ партійнымъ знаменемъ, но этого не было, насколько намъ извѣстно ни съ однимъ изъ тѣхъ 14 депутатовъ, которые съ первыхъ дней жизни Государственной Думы явственно засвидѣтельствовали свое тяготѣніе къ группировкѣ подъ знаменемъ соціалъ-демократіи. Для внимательныхъ наблюдателей надъ жизнью Государственной Думы было вполнѣ очевидно, что вопросъ объ организаціи соціалъ-демократической фракціи есть вопросъ о руководителяхъ, каковыхъ въ составѣ 14 депутатовъ не было. Вопросъ благополучно разрѣшился съ прибытіемъ въ Государственную Думу кавказцевъ соціалъ-демократовъ...

Очень сердито отнесся къ образованію соціалъ-демократической фракціи г. Водовозовъ, видящій въ этомъ образованіи „ошибку, напоминающую ихъ первую ошибку", заключавшуюся въ рѣшеніи бойкотировать выборы. „Разбивая трудовую группу—пишетъ г. В. Водовозовъ („Наша Жизнь", № 475)—они лишаютъ ее того характера, того значенія, какіе она имѣла до сихъ поръ: характера и значенія истинной выразительницы въ Думѣ революціоннаго настроенія дѣйствительно всѣхъ рабочихъ, крестьянства и неимущихъ массъ". Трудовики, по увѣренію г. Водовозова, въ Думѣ не разъ дѣлали ошибки, идя на буксирѣ за кадетами „въ то самое время, когда они должны бы и, казалось, могли вести ихъ за собою, какъ группа, дѣйствительно, выражающая революціонное настроеніе страны". „Но вмѣстѣ съ тѣмъ весь ходъ думскихъ засѣданій доказываетъ, что кадеты инстинктивно чувствуютъ влѣво отъ себя силу, еще не развернувшуюся, которую ловкимъ парламентскимъ пріемомъ можно заставить

служить себѣ, но силу могучую и опасную; силу, которая неспособна долго удовлетворяться пародіей на парламентаризмъ. „Надѣемся, г. Водовозовъ не хотѣлъ сказать, что кадеты видятъ опасность силы трудовой группы въ ея неспособности „удовлетворяться пародіей на парламентаризмъ“? Но и вообще не понимаемъ, откуда г. В. Водовозовъ увидѣлъ, что кадеты въ трудовой группѣ чувствуютъ силу опасную? Это его тайна, которой онъ читателямъ не сообщаетъ. „Служить *себѣ*“—ни ловкимъ парламентскимъ „пріемомъ“, ни какими-либо другими средствами—партія Народной Свободы никого никогда заставлять и не помышляла. Если-же всѣ помышленія ея въ Думѣ сводились и сводятся къ установленію солидарности около той тактики, которая кажется ей наиболѣе цѣлесообразной въ борьбѣ за установленіе истиннаго парламентаризма, вмѣсто его пародіи, то только потому, что въ этомъ она видѣла служеніе дѣлу Народной Свободы, потому, что борьба за истинный парламентаризмъ составляетъ ея существо, ея душу. Полагаемъ, что, по скольку дѣло русской свободы зависитъ отъ воли, стремленій и вообще дѣятельности партіи Народной Свободы, оно можетъ считаться обезпеченнымъ: ни долго ни коротко партія органически неспособна „удовлетворяться пародіей на парламентаризмъ“. Въ Думѣ партія Народной Свободы никогда не видѣла опасности въ партійной группировкѣ политическихъ единомышленниковъ съ ней разномыслящихъ. Наоборотъ, всякое болѣе точное выясненіе и формулированіе соціально-политическихъ воззрѣній ею привѣтствовалось. Въ частности, никакого посягательства на самостоятельность трудовой группы, никакого намѣренія „тащить ее на буксирѣ за собой“ она никогда не обнаруживала. И нынѣ она вполнѣ искренно привѣтствуетъ образованіе с-д-ой фракціи. Нельзя имѣть рѣшительно ничего противъ группировки по партіямъ и направленіямъ: никакой опасности въ выясненіи всѣхъ соціально-политическихъ направленій нѣтъ до тѣхъ поръ, пока груп-

пировка по партіямъ не приводитъ къ тому, что группы и партіи выше общихъ національныхъ задачъ ставятъ свои спеціальные задачи и интересы. Г. Водовозовъ преувеличиваетъ „могучую“ силу трудовиковъ, преувеличиваетъ значеніе объединенія лѣвыхъ элементовъ Думы подъ знаменемъ этой группы. „Могучую силу“ должна изъ себя представлять не та или иная думская фракція, группа, а вся Дума—національное народное представительство. Образованію этой „мощи“ не мѣшаетъ нисколько партійная группировка, если она не мѣшаетъ необходимой солидарности въ отстаиваніи основныхъ правъ народа. Историческія національныя задачи въ переживаемое нынѣ время стоятъ на первомъ планѣ: ничто не должно мѣшать солидарности въ борьбѣ за ихъ осуществленіе. Одинъ изъ идейныхъ предшественниковъ партіи Народной Свободы прекрасно писалъ еще въ 1888 г.: „единодушное отрицаніе стараго порядка и *отчетливое требованіе новыхъ учрежденій*, вполнѣ ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда обезоруживало самыя реакціонныя правительства“ (М. Драгомановъ, „Земскій либерализмъ въ Россіи“). Ясно сознающіе историческую миссію Государственной Думы понимаютъ все значеніе лозунга—„бить вмѣстѣ“, понимаютъ значеніе солидарности и, какъ на смѣшное и преступное мѣстничество, смотрятъ на разговоры о томъ, кто кого за собой тащитъ на буксирѣ, отрицательно относятся къ попыткамъ искусственнаго разъединенія тѣхъ, кому долго еще вмѣстѣ идти по дорогѣ. Опасность не въ образованіи партій, группъ, фракцій, а въ невѣрной тактикѣ, усваиваемой ими. Если онѣ будутъ вступать въ коллизію между собой тамъ, гдѣ нужна будетъ ихъ солидарность, дѣло народной свободы проиграно... Но это вовсе не неизбѣжно. Въ частности, соціалъ-демократическая фракція сознаетъ „свою солидарность въ дѣлѣ достиженія политической свободы со всѣми другими классами“. Если она положитъ это сознаніе въ основу своей парламентской тактики, то всѣ возраженія, дѣ-

лаемыя противъ образованія особой с-д--ой фракціи окажутся ничтожными. Съ своей стороны мы привѣтствуемъ образованіе *парламентской* соціалъ-демократическойфракціи потому, что полагаемъ, это образованіе должно будетъ играть значительную и важную роль въ жизни всей с-д-ой партіи. Участвуя непосредственно въ парламентской жизни, фракція будетъ способствовать удаленію изъ партійнаго организма чужеродныхъ бланкистскихъ и другихъ наростовъ и формированію ея по образцу нѣмецкой соціалъ-демократіи съ ея широкимъ и глубокимъ вліяніемъ на политическую жизнь. И это облегчитъ задачу, указанную новой парламентской фракціи г. Іоллосомъ—дать „дѣйствительнымъ сторонникамъ соціальныхъ реформъ возможность узнать то, чего они точно не знаютъ: психологію рабочихъ массъ, ихъ ближайшія нужды". Несущественны, наконецъ, и указанія г. Водовозова на то, что по законодательству о Думѣ требуется 30 подписей подъ каждымъ законопроектомъ и каждымъ запросомъ, благодаря чему соціалъ-демократическая партія, имѣющая въ Думѣ только 21 представителя, „поскольку она будетъ дѣйствовать одна, обречена въ Думѣ"...почти на полное безсиліе. Обособленіе соціалъ-демократовъ въ партію нисколько не помѣшаетъ имъ находить безъ труда 9 подписей подъ своими законопроектами и запросами... Наконецъ, вполнѣ возможно увеличеніе группы и до 30 человѣкъ: не вся еще Дума собралась въ окончательномъ составѣ, да и нынѣшній составъ ея не закончилъ своего партійнаго самоопредѣленія...

Еще разъ повторяемъ, что фактъ образованія с-д. партіи въ Государственной Думѣ нисколько не угрожаетъ возможности Думской солидарности въ борьбѣ за освобожденіе народа. Къ созданію и упроченію этой солидарности и должно быть направлено дѣятельное стремленіе всѣхъ группъ и партій Думы. Въ стремленіи къ такой солидарности заключается весь смыслъ, все содержаніе тактики партіи Народной Свободы.

Законность управленія

Законность, несомнѣнно, является однимъ изъ главнѣйшихъ устоевъ нормальной гражданственности. Но когда—при дѣйствіи военныхъ положеній, чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ говорятъ о законности, обывателю естественно становится жутко... Ибо всѣ эти исключительныя положенія узакониваютъ беззаконіе и произволъ. Министръ юстиціи г. Щегловитовъ, еще 13 мая сладкорѣчиво обѣщавшій отъ имени горемыкинскаго кабинета стремленіе къ строгому соблюденію законности, 9 іюня, отвѣчая на запросы Думы, далъ почувствовать очень вразумительно, чѣмъ пахнетъ эта законность. Двое несовершеннолѣтнихъ юношей нанесли побои педагогу, дѣло было по распоряженію генералъ-губернатора изъято изъ вѣдѣнія гражданскаго суда и передано суду военному съ примѣненіемъ 279 ст. воинскаго устава... Это закономѣрно, ибо г.г. генералъ-губернаторамъ предоставлено право при дѣйствіи военнаго положенія—передавать военнымъ судамъ разбирательство по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ. Если военный судъ побои признаетъ покушеніемъ на убійство и несовершеннолѣтніе юноши будутъ присуждены къ смертной казни и казнены,—все это будетъ закономѣрно. Общественная совѣсть можетъ негодовать и возмущаться, а г.г. министры спокойно будутъ отвѣчать на вопли общественнаго негодованія—это закономѣрно, dura lex, sed—lex!.. И вся русская жизнь подъ дѣйствіемъ исключительныхъ положеній является сплошнымъ разгуломъ безудержнаго произвола. Администрація надѣляется чрезвычайно широкими полномочіями, которыя безсильны водворить порядокъ, но, несомнѣнно, создаютъ анархію. Г. Щегловитовъ благосклонно соглашался, что дѣйствующіе законы плохи, но съ ними надо считаться, говорилъ онъ, пока они не замѣнены лучшими. Однако, для отмѣны всѣхъ исключительныхъ положеній, упраздняющихъ для администраціи дѣйствіе даже плохихъ законовъ, не нужно много

времени. Отчего-же всѣ эти исключительныя положенія до сихъ поръ не отмѣнены? Отвѣтъ простой: оттого, что бюрократическое правительство не представляетъ себѣ возможности управленія безъ произвола и насилія. Если-бы въ одинъ прекрасный день къ лику основныхъ законовъ было сопричислено правило: всякій губернаторъ, исправникъ, становой приставъ и стражникъ имѣютъ право для сохраненія „порядка“ дѣлать все то, что признаютъ необходимымъ (въ сущности, дѣйствительность вполнѣ управляется и нынѣ этимъ правиломъ), то и тогда г. Щегловитову ничто не помѣшало-бы говорить о „законности управленія“... Всякое безобразіе было-бы закономѣрнымъ...

Но подобной „законностью управленія“ страну ведутъ къ тѣмъ страшнымъ потрясеніямъ, какія неизвѣстны тамъ, гдѣ законность, дѣйствительно, является высшимъ благомъ гражданственности...

Кошмаръ

Для современнаго сознанія смертная казнь—это кошмаръ. Когда аргументируютъ за ея необходимость, за ея цѣлесообразность, какъ жалки, какъ кощунственны бываютъ аргументы защитниковъ смертной казни! Въ Государственной Думѣ г. Способный аргументировалъ за смертную казнь—„съ точки зрѣнія гастрономической“. Въ „Новомъ Времени“ г. А. Столыпинъ ссылается на какіе-то списки изъ департамента полиціи и... на евангеліе. Списки изъ департамента полиціи доказываютъ, что въ Ригѣ, съ введеніемъ военнаго положенія, т. е. со времени примѣненія смертной казни за политическія убійства, эти убійства прекратились... Евангеліе гласитъ: „взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ“, и г. Столыпинъ рѣшилъ, что смертная казнь за убійство — дѣяніе евангельское. Нельзя циничнѣе издѣваться надъ логикой, надъ очевидными всѣмъ фактами, надъ христіанскимъ ученіемъ... Воен-

ное положеніе, смертная казнь—прекращаютъ политическія убійства? Отчего-же до сихъ поръ не прекратилась эпидемія политическихъ убійствъ? Мало что-ли казнили? Евангеліе освящаетъ... смертную казнь? Не было ли г. Столыпину изъ департамента полиціи вмѣстѣ со списками, доказующими цѣлесообразность смертной казни, доставлено и евангеліе, исправленное и дополненное въ департаментѣ полиціи? Евангеліе „вахмистровъ и городовыхъ по воспитанію, погромщиковъ по убѣжденіямъ“ и публицистовъ, поющихъ имъ хвалу и утверждающихъ ихъ силу... И проповѣдникъ подобнаго „евангелія“ дерзаетъ упрекать Государственную Думу въ томъ, что она отказалась „осудить“ политическія убійства! Лицемѣрно онъ не понимаетъ истины, сказанной въ Думѣ г. Кузьминымъ-Караваевымъ: „политическія убійства не могутъ прекратиться, пока существуетъ смертная казнь“... Безумной и слѣпой политикой они посѣяли въ странѣ сѣмена политическихъ убійствъ, сѣмена все растущей анархіи, а, когда сѣмена дали всходы, они затвердили пошлую и лицемѣрную фразу: „пусть они начнутъ первые“!..

Произнося эту фразу, цинично признаютъ, что государство не *казнитъ*, а *убиваетъ*, ставятъ государственную власть на одну доску съ убійцами. И въ этомъ есть страшная правда. Когда говорятъ о „безсудныхъ казняхъ“, явно злоупотребляютъ словами, безъ суда — не можетъ быть *казни*, есть только злодѣйство. Читая повѣсть о „Голутвинскихъ звѣрствахъ“, о подвигахъ Римана, мы сознаемъ, что имѣемъ дѣло съ преступленіемъ, съ торжествомъ человѣка-звѣря, безнаказанными только потому, что они знаменуютъ разложеніе власти.

Правомѣрными эти позорныя дѣянія никто не называетъ, ихъ природа въ нарушеніи всяческаго права—и божескаго, и человѣческаго. Понятіе же казни есть понятіе правовое. Но современное сознаніе переросло допустимость казни, какъ наказанія и отъ смертныхъ казней ужасъ еще болѣе леде-

нитъ человѣка. Судья присуждающій къ смертной казни есть убійца, хотя дѣйствующій по закону. Сознаніе не мирится съ такимъ порядкомъ вещей. Оно усвоило несомнѣнную истину, что „убивать за убійство несоразмѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе. Убійство по приговору несоразмѣрно ужаснѣе, чѣмъ убійство разбойничье". (Достоевскій, „Идіотъ"). Убійство и казнь ни съ какой точки зрѣнія несоизмѣримы и прежде всего хотя бы съ точки зрѣнія мукъ жертвы, убійство застигаетъ жертву неожиданно, ей нѣтъ времени подумать о происходящемъ. Съ этой точки зрѣнія безсудныя, т. е. безправныя казни-убійства гуманнѣе правовыхъ убійствъ-казней по приговору, заставляющихъ преступника переживать всѣ стадіи судопроизводства. О казнимомъ Достоевскій устами князя Мышкина справедливо говоритъ: „вѣдь главная, самая сильная боль, что вотъ знаешь навѣрное, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь вотъ сейчасъ— душа изъ тѣла вылетитъ, что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что *навѣрно*" („Идіотъ"). Убійца ослѣпленъ страстью, убійца подвергается опасности, рискуетъ, наконецъ; пусть иногда убійца лишенъ всякихъ человѣческихъ чувствъ, но что же сказать о законѣ превращающемъ въ убійцъ людей находящихся въ безопасности, людей, дѣйствующихъ спокойно, людей, предполагается, не лишенныхъ человѣческихъ чувствъ? что сказать о людяхъ, заставляющихъ въ сознаніи исполняемаго долга другихъ стать фактическими убійцами (судьи и палачи)? Существованіе такихъ законовъ подрываетъ уваженіе къ закону и праву. Такіе законы должны вызывать тотъ же ужасъ, то же презрѣніе и отвращеніе, какое вызываетъ ихъ исполнитель—палачъ. Палачъ вызываетъ отвращеніе. А судья, заставляющій работать палача... А гг. публицисты, одобряющіе эту работу ссылками на списки изъ департамента полиціи и... евангеліе?..

Списки изъ департамента полиціи свидѣтельствуютъ, что примѣненіе смертной казни останавливаетъ руку политическихъ убійцъ?.. Это утвержденіе противорѣчитъ печальнымъ фактамъ русской дѣйствительности, это противорѣчитъ всемірно извѣстнымъ фактамъ статистики.

Г. Столыпинъ требуетъ „осужденія“ политическихъ убійствъ. Знаетъ-ли онъ, что ихъ осуждаетъ громадное количество самихъ политическихъ убійцъ? Ужели онъ не знаетъ ужаса русской жизни, толкнувшаго на убійство многихъ благороднѣйшихъ людей, которымъ легче было идти на висѣлицу, чѣмъ на убійство? Не знаетъ, что они казнили сами себя, рѣшаясь на убійство и потомъ равнодушно шли на ту казнь, къ которой присуждались судами? Не знаетъ, что, если теперь подешевѣла человѣческая жизнь на Руси, и политическія убійства совершаются нынѣ ежедневно въ ужасающемъ количествѣ, то въ этомъ повинна та анархія, какая создается паденіемъ уваженія къ закону и праву? Не знаетъ, что это уваженіе убили суды, обращенные въ бойни? Не понимаетъ, что прекратить этотъ кошмаръ русской жизни никакимъ моральнымъ осужденіемъ нельзя, пока государственная власть не стыдится уподобляться убійцамъ?

Г. министръ юстиціи полагаетъ, что „отмѣна смертной казни означала-бы отказъ государства отъ защиты вѣрныхъ сыновъ его“. Но вѣдь совершенно ясно, что смертная казнь никого и никогда не защитила. Примѣненіе-же ея ради „защиты“, противорѣча моральному сознанію, обращаетъ государство въ убійцу и готовитъ ему гибель. Но казнь не только убійство, она хуже, ужаснѣе убійства: ее совершаютъ спокойно, обдуманно, надъ находящимся всецѣло въ рукахъ государственной власти. Казнь—это кровожадная месть...

Мы не допускаемъ убійства съ точки зрѣнія морали, мы видимъ его гибельность съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности, но всякія „осужденія“ признаемъ безполезными, а отчасти и политически безтактными. И, самое главное,—мы

увѣрены, что „политическія убійства не могутъ прекратиться, пока существуетъ смертная казнь“...

Смертная казнь—кошмаръ русской жизни.

Долой смертную казнь!

Запросъ о крестьянскомъ союзѣ въ Государственной Думѣ

Организація крестьянскаго союза встрѣтила, какъ извѣстно, самое ожесточенное и суровое преслѣдованіе: еще и теперь въ тюрьмахъ томятся многіе дѣятели союза. Государственная Дума не могла пройти мимо этихъ преслѣдованій, такъ какъ, помимо беззаконности ихъ, и съ точки зрѣнія цѣлесообразности и вѣрнаго пониманія государственныхъ задачъ нельзя не видѣть, что въ организаціи общественныхъ силъ страны заключается залогъ мирнаго обновленія Россіи. Вице-предсѣдатель Государственной Думы князь П. Д. Долгоруковъ при преніяхъ по поводу запроса о крестьянскомъ союзѣ указывалъ на тяжелый гнетъ своей совѣсти, происходящій отъ сознанія, что работавшіе вмѣстѣ съ нимъ по организаціи крестьянскаго союза — до сихъ поръ въ тюрьмѣ... И намъ вспомнились статьи князя Долгорукова въ „Правѣ“ подъ заглавіемъ „Аграрная волна“, гдѣ съ необыкновенной рельефностью была нарисована картина вопіющей нелѣпости тѣхъ преслѣдованій, которыя были воздвигнуты противъ союза. Нельзя сомнѣваться, что организація крестьянства была-бы факторомъ чрезвычайнаго политическаго значенія, въ значительной мѣрѣ способствующимъ перестроенію всего государственнаго уклада. Членъ Думы Л. Н. Яснопольскій совершенно правильно указалъ, что правительство, боровшееся противъ идеи крестьянскаго союза, доказало этой борьбой свое безсиліе. Безсиліе борьбы съ идеей не помѣшало тому неподдающемуся учету злу, какое нанесено возможности мирнаго исхода переживаемой нами исторической драмы. Тру-

довая группа Государственной Думы, если не исходить изъ предвзятыхъ положеній, вовсе не является выразителемъ крестьянскаго настроенія, крестьянскихъ стремленій. Эти настроенія и стремленія, по мысли руководителей группы, должны получить то направленіе, какое, на ихъ взглядъ, наиболѣе и даже единственно соотвѣтствуетъ народнымъ интересамъ. Но руководители трудовой группы не могутъ дать увѣренности, что такими именно являются дѣйствительныя настроеніе и стремленія крестьянства. Сами они далеки и по психологіи, и по всему духовному укладу отъ подлиннаго крестьянства. Наконецъ, и ихъ теоріи соціальной справедливости, съ точки зрѣнія ихъ дѣйствительнаго соотвѣтствія народнымъ интересамъ, вовсе не безспорны. Радикализмъ и рѣшительность не всегда гарантируютъ увѣренность въ томъ, что подъ ихъ флагомъ провозится наиболѣе драгоцѣнный грузъ. Многимъ напримѣръ, кажется, что конфискація земли безъ выкупа есть summum—преданности интересамъ крестьянства. Между тѣмъ, нельзя не согласиться съ М. Туганомъ-Барановскимъ („Укр. Вѣстн.“, № 4), что „конфискація земли, съ отказомъ платить долги, лежащіе на землѣ, есть безусловно самый дорогой для народа способъ получить обратно свою землю, ибо этотъ способъ долженъ въ конецъ разстроить все народное хозяйство Россіи“. Мы увѣрены, что свободная организація крестьянства въ союзѣ-ли, въ партіи-ли—была-бы самымъ надежнымъ оплотомъ противъ демагогіи. Вотъ почему намъ кажется, что государственные интересы требуютъ предоставленія свободы политическихъ группировокъ и образованій. Загоняя въ подполье, извращаютъ здоровое зерно общественнаго движенія, Крестьянскій союзъ, или крестьянская партія содѣйствовалибы и болѣе опредѣленной позиціи трудовой группы, давая ей болѣе прочное основаніе. Она была-бы защищена отъ всякихъ случайныхъ вліяній, питаясь живымъ соприкосновеніемъ съ организованнымъ народомъ. Мы имѣли-бы доподлинное выраженіе народной воли, а не претензіи на ея выраженіе

со стороны элементовъ, иногда отъ народа стоящихъ очень далеко.

Легализація партіи Народной Свободы *)

Положеніе партіи Народной Свободы до сихъ поръ оставалось совершенно ненормальнымъ: имѣя въ Государственной Думѣ громадное количество своихъ представителей, имѣя сложную и развѣтвленную по всей странѣ партійную организацію, партія оставалась образованіемъ вполнѣ внѣзаконнымъ, въ своемъ осуществленіи и своей дѣятельности зачастую зависящимъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ представителей администраціи. Извѣстно, что „у всякаго барона—своя фантазія“ и достаточно было какой-нибудь „баронской“ фантазіи найти, что партія Народной Свободы—партія революціонная, а потому и подлежащая искорененію, какъ въ сатрапіи „барона“—называйся она губерніей, городомъ или уѣздомъ безразлично, — развивать дѣятельность партіи становилось совершенно невозможнымъ. Избирательный періодъ былъ періодомъ наибольшаго напряженія, періодомъ цвѣтѣнія „баронскихъ“ фантазій. Но и послѣ выборовъ на обязанности партійныхъ органовъ осталась важная и отвѣтственная задача, лучше сказать, цѣлый комплектъ задачъ: знакомить населеніе съ дѣятельностью Государственной Думы, организовывать общественное мнѣніе страны для поддержки Думы въ ея борьбѣ съ чиновничьей твердыней произвола etc...

Исполнять эти задачи почти немыслимо при тѣхъ административныхъ стѣсненіяхъ, которыя зависѣли отъ „баронскихъ“ фантазій и капризовъ. Вотъ почему мы не можемъ не привѣтствовать состоявшуюся, наконецъ, легализацію партіи Народной Свободы, дающую права легальнаго существо-

---

*) Замѣтка вызвана газетнымъ извѣстіемъ, оказавшимся недостовѣрнымъ.

ванія не только центральнымъ, но и провинціальнымъ организаціямъ партіи. Мы знаемъ, что при томъ режимѣ безправія, который все еще гнететъ несчастную страну, изворотливая „баронская“ фантазія не сдается безъ боя и, вынужденная уступить закону, пріемами закулисной интриги, а то и провокаторской выходки будетъ ставить препятствія, ненавистной ей, партіи Народной Свободы. Члены партіи Народной Свободы должны энергично воспользоваться состоявшейся легализаціей партіи для развитія самой интенсивной дѣятельности въ широкихъ массахъ народа. Душу партіи составляетъ стремленіе къ созданію того порядка вещей, когда надъ народной жизнью потеряютъ всякую власть всѣ „баронскія“ фантазіи и регулировать государственную и общественную жизнь будетъ только законъ, творимый волей народнаго представительства. Для достиженія этого порядка вещей— нужна нынѣ солидарность, солидарность и еще солидарность!..

Г. Локоть сердится...

Членъ государственной думы Т. Локоть разсердился на, какъ онъ выражается, „благовоспитанность“ кадетовъ... Вмѣсто агрументовъ, которыхъ нѣтъ вовсе въ его статьѣ „Кадетская благовоспитанность и обструкція трудовиковъ“ („Наша Жизнь“, № 479), статья переполнена звѣнящею мѣдью выкриковъ: „Жалкая логика; жалкая „власть“; жалкое пониманіе достоинства народнаго представительства; жалкая „парламентская“ тактика!“ (иронія ковычекъ и гнѣвъ восклицательнаго знака должны положительно сокрушить „благовоспитанныхъ“ кадетовъ). Въ унисонъ г. Локотю мы могли бы по поводу его статьи писать: „жалкая полемика“!.. и т. п., но позволительно спросить, какимъ цѣлямъ служатъ подобныя писанія? Или г. Локоть полагаетъ, что и въ публици-

стикѣ избытокъ чувствъ (а въ избыткѣ его гнѣва противъ кадетовъ можно-ли сомнѣваться?)—требуетъ особаго языка?

...„Въ моментъ—пишетъ г. Локоть—когда народному представительству наносятся оскорбленія, Дума не можетъ оставаться спокойной, она должна говорить тѣмъ языкомъ, какимъ говоритъ тогда трудовая группа“... Мы уже не говоримъ о смѣшной претензіи учить Думу, какимъ языкомъ ей отвѣчать на оскорбленія (эта претензія, дѣйствительно, смѣшна и даже не только смѣшна!).

Напрасно г. Локоть вздумалъ оцѣнивать тактику съ точки зрѣнія хорошихъ, или дурныхъ манеръ, хорошаго или дурного воспитанія: ораторы партіи Народной Свободы на эту точку зрѣнія не становились и, когда г. Локоть увѣряетъ, что кадеты выступили *противъ трудовой группы* „съ заявленіями о своей благовоспитанности“, то онъ совершенно извращаетъ смыслъ происшедшаго въ Государственной Думѣ при преніяхъ о возмутительныхъ насиліяхъ полиціи надъ депутатомъ Сѣдельниковымъ. Дѣло вовсе не въ тонѣ рѣчей, произнесенныхъ въ Думѣ, хотя и употребленіе сильныхъ выраженій, доходящихъ до брани—вовсе не есть свидѣтельство наиболѣе сильнаго реагированія на оскорбленія. Дѣло въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя отъ имени трудовой группы сдѣлалъ депутатъ Аладьинъ и противъ содержанія которыхъ протестовали представители партіи Народной Свободы. Г. Локотю тактика его товарищей по группѣ можетъ казаться и болѣе достойной, и болѣе цѣлесообразной, нежели тактика кадетская, но пусть-же онъ аргументами, а не словами докажетъ ея несравненныя достоинства, ея цѣлесообразность. Но только ему едва-ли удастся доказать, что тактика его товарищей сильнѣе, непосредственнѣе реагируетъ на живыя впечатлѣнія ужасовъ и оскорбленій русской дѣйствительности! Степень глубины чувства вообще опредѣлить трудно, но намъ со стороны, какъ бы это ни казалось страннымъ г. Локотю, въ спокойной и увѣренной сдержанности г. Набокова,

чье выступленіе противъ Аладьина кажется такимъ неумѣстнымъ г. Локотю, непосредственно чувствуется больше чувства, чѣмъ въ надуманныхъ эффектахъ г. Аладьина и восклицательныхъ знакахъ самого г. Локотя. Мы нисколько не заподазриваемъ искренности негодованія послѣдняго, но его риторика оставляетъ насъ холодными, сколько бы онъ ни кричалъ „о глубоко оскорбленномъ человѣческомъ достоинствѣ". То, какъ реагируютъ на оскорбленіе человѣческаго достоинства, зависитъ отъ многаго, напр. отъ душевнаго уклада, отъ темперамента, въ томъ числѣ до нѣкоторой степени, конечно, и отъ воспитанія... Но политическая тактика вообще не строится на томъ или иномъ реагированіи на оскорбленія. И въ частности *тактическое рѣшеніе*—въ извѣстныхъ случаяхъ не давать министрамъ слова—содержитъ въ себѣ непосредственности во всякомъ разѣ не больше, чѣмъ и та тактическая позиція, которую занималъ г. Набоковъ съ товарищами по партіи. Что-же касается цѣлесообразности и соотвѣтствія этого рѣшенія достоинству думы, то... мы выскажемся по поводу этихъ вопросовъ тогда, когда и г. Локоть представитъ свои аргументы за рѣшеніе, которое онъ нынѣ горячо защищаетъ (восклицательными знаками), съ точки зрѣнія непосредственности, на дѣлѣ, однако, можетъ быть, отсутствующей...

Защитники смертной казни

Изъ Государственной Думы въ Государственный Совѣтъ поступилъ первый законопроектъ. Не случайно — это былъ единогласно принятый Государственной Думой законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Первый законъ, принятый народнымъ представительствомъ, долженъ быть актомъ государственной мудрости и вдохновеннымъ порывомъ великодушныхъ чувствъ—положить конецъ безумствамъ кровопро-

литія и ужасамъ убійства по закону. Народная совѣсть требуетъ отмѣны варварства, отмѣны смертной казни. Дума единогласно вотировала законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни... Въ Государственномъ Совѣтѣ раздались голоса, явно подтверждающіе то, что не слѣпымъ доктринерствомъ было убѣжденіе въ негодности системы народнаго представительства по закону 20 февраля.

Касаткинъ-Ростовскій, фонъ-Крамеръ, Гончаровъ, Самаринъ и протоіерей Буткевичъ возвысили свой голосъ въ защиту злого дѣла, въ защиту смертной казни.

Какъ убоги, какъ кощунственны ихъ аргументы! Революція можетъ быть подавлена только грубой силой—говорилъ фонъ-Крамеръ, не понимая того, что именно торжество грубой силы создаетъ революцію... Священникъ Буткевичъ увѣрялъ, что Христосъ не былъ противникомъ смертной казни... Касаткинъ-Ростовскій утверждалъ, что можетъ опровергнуть научныя данныя и разсказывалъ черносотенный вздоръ во вкусѣ хулиганскихъ листковъ, клеветалъ на русскій народъ. Бутлеровъ находилъ, что надо не отмѣнить, а урегулировать смертную казнь... И при этомъ раздавалось змѣиное шипѣніе противъ Государственной Думы, заставлявшее предсѣдателя останавливать расходившихся ораторовъ.

Quem Deus perdere vult, — dementat... единственное, что можно сказать по поводу этихъ слѣпыхъ и кощунственныхъ рѣчей... Государственный Совѣтъ принялъ законопроектъ Думы съ извѣстными ограниченіями. Отвергнуть проектъ Думы верхняя палата не могла, потому, что, голосуя противъ законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни, Государственный Совѣтъ тѣмъ самымъ подписалъ-бы себѣ смертный приговоръ. Если съ этой точки зрѣнія посмотрѣть на рѣшеніе государственнаго совѣта, то придется признать, что болѣе сильнаго агитаціоннаго средства противъ Совѣта, какъ 2-ой палаты, не придумаютъ и злѣйшіе враги его, чѣмъ вотумъ—противъ отмѣны смертной казни. Современное сознаніе не мирится

съ этимъ остаткомъ варварства — и смертная казнь должна быть и будетъ отмѣнена!

Или мы пойдемъ со ступеньки на ступеньку къ полному государственному разложенію и торжеству анархіи...

Благоразуміе и патріотизмъ повелительно требуютъ не противиться волѣ народныхъ представителей.

Но, вообще говоря, развѣ у *нихъ* есть благоразуміе, развѣ *имъ* не чуждъ патріотизмъ?

Правительство и пресса

Д. Ѳ. Треповъ въ бесѣдѣ съ газетнымъ интервьюверомъ, опубликованной въ Лондонѣ агентствомъ Рейтера, высказалъ очень лестное для печати мнѣніе о ея силѣ: „главная сила революціи, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что она располагаетъ теперь почти всею прессою". Человѣкъ, столь рѣшительный, какъ Д. Ѳ. Треповъ, не такъ давно отдавшій свой историческій приказъ „патроновъ не жалѣть", не склоненъ былъ бы жалѣть прессу и всѣ органы ея подвергались-бы опасности въ одинъ прекрасный день прекратить свое непрочное существованіе, если-бы Д. Ѳ. Треповъ смотрѣлъ на дѣло поверхностно и ждалъ благотворныхъ послѣдствій отъ механическаго прекращенія питающихъ революцію органовъ печати. Оказывается, однако, что Д. Ѳ. Треповъ смотритъ почти-что „въ корень"... Не въ томъ бѣда, что есть революціонная пресса, бѣда въ томъ, жалуется онъ корреспонденту „Daily Telegraph", „что въ Россіи нѣтъ ни одной порядочной газеты, которая стала-бы на защиту правительства". Несомнѣнно, это очень цѣнное признаніе! Рептильная пресса, изъ кожи лѣзущая, чтобы угодить кому слѣдуетъ, не признается тѣми, кому она служитъ столь рьяно (хотя и не безкорыстно),—*порядочною*. И оказывается, что „сила революціи" вовсе не въ томъ, что она располагаетъ прессою,

а въ томъ, что дѣла нынѣшняго правительства таковы, что на защиту его не станетъ ни одинъ *порядочный* органъ прессы. При такомъ моральномъ декадансѣ правительственнаго авторитета, дѣйствительно, едва-ли чего-нибудь можно достичь полицейско-административными репрессіями противъ порядочной прессы. Гр. Витте тщетно стремился создать изъ „Русскаго Государства“ порядочную газету; не будетъ, конечно, счастливѣе въ этомъ отношеніи г. Столыпинъ, циркулярно увѣдомляющій г.г. губернаторовъ о рѣшеніи совѣта министровъ избрать газету „Россію“ для сообщенія въ ней „вѣрныхъ фактическихъ данныхъ по всѣмъ наиболѣе важнымъ вопросамъ и событіямъ“ для того, чтобы изъ нея „можно-бы было почерпнуть свѣдѣнія о дѣйствительныхъ взглядахъ и предположеніяхъ правительства“. Одними циркулярами, даже г. министра вн. дѣлъ „со всей полнотой власти“, *порядочность* не создается. Но и тутъ дѣло не столько въ безсиліи циркуляра, сколько въ безнадежности защищаемаго дѣла. Читая въ „Россіи“ - „мы не можемъ не заклеймить безумную дѣятельность тѣхъ людей, которые, облекаясь въ мантію народныхъ избранниковъ, пытаются увлечь страну въ пучину анархіи“, отлично начинаешь понимать, почему „нѣтъ ни одной порядочной газеты, которая стала-бы на защиту правительства“... „Дѣйствительные взгляды правительства“ дѣлаютъ это морально невозможнымъ.

На защиту *такого* правительства поднимается только рептильная пресса... Порядочная пресса отъ послѣдней тѣмъ и отличается, что свято хранитъ заповѣдь—„со словомъ надо обращаться честно“...

Союзъ автономистовъ и національныя фракціи въ Государственной Думѣ

Въ первые же дни жизни и дѣятельности Государственной Думы представители отдѣльныхъ національностей начали обра-

зовывать особые союзы—національныя фракціи, объединившіеся затѣмъ въ союзѣ автономистовъ. В. Шеметъ говоритъ, что „вопросъ объ организаціи въ Государственной Думѣ украинской парламентской фракціи предрѣшенъ былъ давно, еще на мѣстахъ. Въ такомъ смыслѣ и даны были нѣкоторымъ депутатамъ-украинцамъ порученія отъ ихъ избирателей". („Укр. Вѣстн.", № 2). И намъ казалось, что образованіе національныхъ парламентскихъ фракцій, свидѣтельствуя о жизненности національныхъ стремленій, не можетъ вызывать никакихъ возраженій у защитниковъ и сторонниковъ „широкаго областного и автономнаго самоуправленія народностей и отдѣльныхъ областей нашей обширной Имперіи". Однако, г. К. Арабажинъ, рекомендуясь сторонникомъ автономныхъ стремленій („Наша Жизнь", № 471), такія возраженія находитъ, утверждая, что „искуственность" группировки „по національному признаку",—во имя національной автономіи—„не подлежитъ никакому сомнѣнію". Г. Арабажинъ полагаетъ, что подобной попыткой національнаго „единенія" достигается лишь „затемнѣніе классового самосознанія, которому „нельзя сочувствовать". Если идея націи является—„затемнѣніемъ классоваго самосознанія", то г. Арабажинъ, конечно, правъ и правильны всѣ его дальнѣйшіе выводы. Но вѣдь и г. Арабажинъ признаетъ желательность единенія, „поскольку оно является средствомъ для одновременнаго и дружнаго натиска". И разъ онъ сторонникъ „автономнаго самоуправленія народностей", то непослѣдовательно казалось бы отрицать естественность національныхъ группировокъ и одного общаго союза національныхъ образованій въ Думѣ—для „одновременнаго и дружнаго натиска" въ борьбѣ за удовлетвореніе,—скажемъ языкомъ думскаго адреса—„давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей". Г. Арабажинъ, правда, къ желательности единенія, какъ средства „для одновременнаго и дружнаго натиска", присоединяетъ оговорку—„оно не должно превращаться въ гегемонію какого-нибудь привиле-

гированнаго класса надъ другими, не должно подавлять въ вопросахъ программныхъ и въ тактикѣ". Противъ этого мы не станемъ спорить, но образованіе національныхъ фракцій вовсе не стремится дать „гегемонію" какому-нибудь привилегированному классу. Одинъ изъ членовъ союза автономистовъ, г. Шрагъ, по этому поводу говоритъ совершенно опредѣленно: „національныя группы, а также отдѣльные депутаты, вступившіе въ парламентскую фракцію, объединяются на защитѣ принциповъ автономіи и широкаго національнаго самоопредѣленія; парламентская группировка членовъ союза представляетъ собою не партію, объединившуюся на широкой программѣ, охватывающей всѣ политическіе, экономическіе и соціальные вопросы, а лишь „фракцію", и многіе изъ примкнувшихъ къ ней автономистовъ остаются членами партій, образовавшихся въ Думѣ, принадлежатъ къ той или иной изъ нихъ, наиболѣе подходящей къ ихъ взглядамъ на общіе политическіе, экономическіе и соціальные вопросы" („Укр. Вѣстн.", № 1). Утвержденіе г. Арабажина, что „союзъ автономистовъ пока былъ реакціоннымъ, увеличивая въ Думѣ силы такъ называемыхъ „умѣренныхъ", совершенно бездоказательно и ни на чемъ не основано, а увѣреніе, что „впослѣдствіи реакціонный характеръ національныхъ клубовъ проявится еще ярче", зиждется на примѣрѣ, вся сила котораго въ его произвольности. „Какъ извѣстно, въ украинскомъ клубѣ 19 членовъ принадлежало къ партіи Народной Свободы, 15 къ трудовой группѣ. Допустимъ, что такихъ клубовъ 5 и съ тѣмъ же цифровымъ отношеніемъ партійныхъ силъ. *Если клубы создадутъ обязательную партійную дисциплину* (курсивъ нашъ), каковая уже водворена, напр., у поляковъ,—до 75 членовъ (5×15) будутъ вынуждены подавать за аграрный проектъ к.-д. партіи вмѣсто того, чтобы примкнуть къ трудовой". Изъ всего этого примѣра видно только одно, что поляки вступили на невѣрный путь—выработки обязательной клубной дисциплины, т. е. отступили отъ того начала союза

автономистовъ, которое отмѣчено выше словами г. Шрага и которое, на нашъ взглядъ, особенно цѣнно. При сохраненіи этого начала во всѣхъ національныхъ фракціяхъ никакой опасности того, что „*фактическое* меньшинство въ Думѣ при помощи національныхъ клубовъ можетъ управлять парламентскимъ большинствомъ", не должно существовать и „объединеніе разнообразныхъ представителей населенія въ одинъ клубъ по національному признаку" никогда не приведетъ къ тому, что онъ станетъ орудіемъ въ рукахъ реакціонныхъ и буржуазныхъ элементовъ націи. Разсуждая подобнымъ образомъ, можно дойти и до отрицанія парламентаризма, такъ какъ созданіе національнаго или государственнаго единенія" въ органѣ народнаго представительства можетъ быть трактовано, какъ „затемнѣніе классового самосознанія". Но вѣдь г. Арабажинъ не стоитъ на этой точкѣ зрѣнія послѣдовательнаго проведенія теоріи классовой борьбы?

Историческая конкретность, въ которой Государственная Дума призвана совершать свою великую миссію, такова, что отъ сознательныхъ элементовъ всѣхъ классовъ и всѣхъ національныхъ группъ болѣе всего требуется солидарность. Перефразируя извѣстныя слова Дантона, мы скажемъ, что для того, чтобы побѣдить враговъ отечества, нужна солидарность, еще солидарность и еще солидарность!.. Весьма возможно, что союзу автономистовъ и національнымъ фракціямъ, какъ преслѣдующимъ свои спеціальныя цѣли, не суждено будетъ въ первой Государственной Думѣ играть сколько-нибудь значительную политическую роль. Внѣ осуществленія исторической задачи момента упроченія правильно функціонирующаго демократическаго парламентаризма нельзя мыслить ни удовлетворенія назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей, ни разрѣшенія аграрнаго вопроса, ни всего прочаго, что такъ важно для успокоенія, отъ края до края взволнованной революціоннымъ пожаромъ, страны.

Только политическій тактъ и чувство здороваго реализма

могутъ подсказать, въ какой мѣрѣ и степени предъявимы въ данное время извѣстныя національныя требованія. И коллективному цѣлому—фракціи, союзу—опредѣлить эту мѣру и степень всего легче и естественнѣе.

Уже для одного этого національныя образованія въ Думѣ необходимы. Не говоримъ уже о тѣхъ второстепенныхъ культурныхъ задачахъ, осуществить, или, по крайней мѣрѣ, намѣтить которыя по силамъ національнымъ фракціямъ и ихъ союзу. Въ частности, и въ разработку аграрнаго вопроса парламентскія національныя фракціи могутъ внести свою важную работу. Разработка аграрнаго вопроса для насъ не сводится къ голосованію за проектъ к.-д. партіи или за проектъ трудовой группы. Внутри фракцій, какъ и въ Думѣ, мы можемъ ожидать *сотрудничества* партіи к.-д. съ трудовой группой. Ихъ непримиримость создается только демагогическими усиліями прямолинейныхъ сторонниковъ узко понятой доктрины классовой борьбы, видящихъ въ искусственномъ раздуваніи нерѣдко несуществующихъ разногласій служеніе развитію классового самосознанія. Часть той работы, которая по аграрному вопросу въ будущемъ должна будетъ сдѣлана „на мѣстахъ“, уже теперь можетъ исполняться усиліями и трудомъ національныхъ фракцій. При этомъ, такъ какъ само по себѣ удовлетвореніе національныхъ требованій является для насъ выводомъ изъ послѣдовательнаго *демократизма*, мы не можемъ допустить, чтобы подъ флагомъ національныхъ потребностей провозилась контрабанда классовыхъ вожделѣній. Это приводитъ насъ къ требованію при образованіи національныхъ фракцій производить ревизію программъ. Противникамъ демократизма, аграріямъ и вообще защитникамъ соціальнаго status quo не должно быть дано доступа въ національныя фракціи. При соблюденіи такого требованія нѣтъ основаній ожидать реакціонныхъ результатовъ отъ образованія національныхъ фракцій и не зачѣмъ разбивать естественныхъ партій на нѣсколько національныхъ фракцій, какъ это предлагаетъ дѣлать г. Ара-

бажинъ. Національныя фракціи отдѣльныхъ партій будутъ даже въ большихъ партіяхъ зачастую смѣхотворно малочисленны, представители одной національности разобьются по многимъ фракціямъ и такая группировка не только для „дѣла автономіи“, но и вообще для чего бы то ни было будетъ лишена всякаго смысла.

О кадетской „неблагонадежности“

У Щедрина въ „Помпадурахъ и Помпадуршахъ“ есть безсмертная сцена, въ условіяхъ русской общественности получившая нѣкоторое символическое значеніе, болѣе широкое, чѣмъ замыселъ художника къ тому непосредственно стремился. Наканунѣ дворянскихъ выборовъ „помпадуръ“, страстно желавшій „провалить“ ненавистнаго ему предводителя, прибѣгъ къ своеобразному „макіавелизму“: взялъ предводителя подъ руку и долго съ нимъ о чемъ-то „дружественно“ бесѣдовалъ. На-завтра предводителя „прокатили“... Не болѣе тонкій макіавелизмъ обнаружилъ генералъ Д. Ѳ. Треповъ, когда въ своихъ интервью съ журналистами высказывалъ свои мнѣнія о „кадетахъ“. И не болѣе тонкими, чѣмъ щедринскіе дворяне, оказались тѣ политики и публицисты, которые на эту удочку поймались, ибо не могли себѣ отказать въ удовольствіи при случаѣ и безъ случая говорить о склонности „кадетовъ“ „торговать народной свободой“... При этомъ одни—такъ откровенно всѣми буквами чернымъ по бѣлому объ этомъ и заговорили. Но, что естественно для пламенныхъ „большевиковъ“, то непростительно для политиковъ болѣе серьезныхъ. Поэтому съ немалымъ изумленіемъ мы читали статью В. Х. В. въ „Нашей Жизни“ (№ 487)—„Какого министерства нужно ждать“. Авторъ свои „сомнѣнія“ на счетъ „кадетовъ“ и ихъ „благонадежности“ облекъ въ отрицательную форму: „Мы слишкомъ хорошо думаемъ о к-д-тахъ, чтобы предполагать, что они могутъ пойти въ смѣшанное

министерство и согласиться на сохраненіе исключительныхъ законовъ, смертной казни и прочихъ прелестей существующаго режима. Это было-бы, кромѣ того, и крайне неумно со стороны к-д-овъ. Ибо они"... Не будемъ слѣдить за доказательствомъ того, почему это было-бы „неумно"... Полагаемъ, что „хорошее", да еще даже „слишкомъ хорошее" мнѣніе о комъ-либо такъ не мотивируется... И уже лучше говорить— „кадеты измѣнники", чѣмъ увѣрять о своемъ „убѣжденіи", что кадеты не могутъ помириться съ „прелестями существующаго режима". Право же, кадеты въ такого рода „свидѣтельствахъ о благонадежности" не нуждаются.

Макіавелизмъ щедринскаго „помпадура" даже въ рукахъ генерала Трепова уловляетъ только простодушныхъ россійскихъ политиковъ...

---

7 іюля

Въ „Рѣчи" лидеръ партіи Народной Свободы П. Н. Милюковъ, отвѣчая на открытое письмо Н. И. Кулябко-Корецкаго („Рѣчь", № 117), меланхолически констатируетъ, что „политическое настроеніе, неуловимое и неосязаемое, къ несчастью, начинаетъ складываться противъ партіи Народной Свободы, какъ я думаю, не по ея винѣ". Къ сожалѣнію, трудно оспаривать характеристику, даваемую П. Н. Милюковымъ „политическому настроенію" и, дѣйствительно, въ этомъ настроеніи скрывается угроза несчастія. Но что бы ни случилось, какое-бы направленіе ни приняли грядущія событія, событія, уже бросающія къ намъ свою тѣнь, партія Народной Свободы можетъ утѣшаться не только тѣмъ, что— „въ сознаніи жизненныхъ навыковъ, въ укрѣпленіи политической свободы она заложила первый необходимый фундаментъ", но и тѣмъ, что болѣе опредѣленно и болѣе точно, партія Народной Свободы можетъ потерять свою „блестящую" репутацію, можетъ даже сойти со сцены политической борьбы переживаемаго историческаго момента, но партія въ концѣ-концовъ восторжествуетъ торжествомъ и реализаціей своей

программы. Не вѣрить въ это для насъ было-бы отказомъ отъ вѣры въ великое будущее нашей родины, которую мы беззавѣтно любимъ. Пусть лгутъ и клевещутъ „патріоты“ изъ „Новаго Времени“ во главѣ съ самимъ А. С. Суворинымъ и съ такими „публицистами“, какъ г. А. Ст—нъ, вдохновляющимися разными документами изъ департамента полиціи, куда имѣютъ доступъ по „родственнымъ связямъ“ и, вѣроятно по душевнымъ наклонностямъ, пусть искренніе, но слѣпые пламенные защитники интересовъ труда говорятъ объ „измѣнѣ“, но исторія скажетъ свое правдивое слово о тѣхъ, кто отстаивалъ свою трудную позицію по долгу совѣсти и разума. Эта позиція не будетъ сдана безъ боя, въ которомъ, быть можетъ, сложатъ свои головы очень многіе. Надо бросить условныя и фальшивыя опредѣленія по внѣшности на „лѣвыхъ“, „правыхъ“ и „умѣренныхъ“, надо смотрѣть глубже, надо вникнуть въ сущность вещей. „Умѣренность“ кадетовъ, ихъ тактическій оппортунизмъ полны бунтующаго чувства, полны гнѣва и печали. Этого не видятъ, этого не могутъ понять только слѣпые доктринеры, или неискренніе политиканы. Съ послѣдними разговаривать не стоитъ, на прозрѣніе слѣпыхъ мы все еще надѣемся, хотя, надо признаться, все болѣе и болѣе теряемъ надежду. И мы не можемъ объ этомъ не скорбѣть: ослѣпленные, что-бы тамъ ни было, близки намъ по своему настроенію, по своему идеализму. Жизнь разбиваетъ иллюзіи и мечты, противъ этого ничего не подѣлаешь. Но, возвышаясь надъ конкретнымъ и временнымъ, мы все же видимъ торжество вѣчнаго... Въ сознаніи этого мы и призываемъ всѣхъ дѣлать свое дѣло искренно и честно, не считаясь съ тѣмъ, что ожидаетъ насъ завтра. Завтра исторія не прекращается и послѣ-завтра произнесетъ свой нелицепріятный судъ надъ тѣмъ, что сегодня еще не можетъ претендовать на оцѣнку нелицепріятную...

III

Роспускъ Думы

(Послѣ Думы)

Дума распущена...

Дума распущена! — можно различно оцѣнивать событіе, выражаемое этими двумя краткими словами, но нельзя отрицать чрезвычайной серьезности положенія, создаваемаго этимъ событіемъ, нельзя ее преувеличить... Указывать на то, что форма для роспуска Думы избрана самая скромная, законная и даже „конституціонная"—значитъ, въ сущности, какъ говорятъ французы, — faire bonne mine au mauvais jeu. Писаніе же въ утѣшеніе современникамъ историческихъ справокъ „изъ исторіи европейскихъ конституцій", гласящихъ, что, напримѣръ, „въ Германіи въ эпоху революціи 1848 года случаи распущенія палатъ сопровождались даже разгонами ихъ при помощи войскъ",—равносильно повторенію назиданій Карамзина—„и простой гражданинъ долженъ читать исторію, она миритъ его съ несовершенствомъ нынѣшняго порядка вещей", свидѣтельствуетъ, что времена бывали похуже, а „государства не разрушались"... Случилось національное несчастіе, чреватое, быть можетъ, тяжкими потрясеніями, о которыхъ страшно подумать и которыхъ можно было избѣжать... Впечатлѣніе получилось ошеломляющее, даже „Новое Время" извѣстіе о роспускѣ Думы назвало „грустнымъ" и признало, что передъ Россіей открывается „тяжелый періодъ". Испугъ или растерянность заставили вмѣстѣ съ тѣмъ газету, бросившую не одинъ комъ грязи въ Государственную Думу, нынѣ заявить, что Дума „была честная и незлобная", что— „ей вѣрили"... Испугъ и растерянность „Новаго Времени" увеличиваются оттого, что оно знаетъ, что „въ глазахъ на-

селенія всю тягость вины несетъ только настоящее министерство", и не скрываетъ отъ себя того, что людямъ, „поставленнымъ у власти" —будетъ трудно достигнуть „помощи и довѣрія". „Утѣшенія" „Новое Время" ищетъ въ личности новаго главы правительства, которому и поетъ панегирикъ. „Во главѣ правительства поставленъ П. А. Столыпинъ, человѣкъ искренне сочувствующій обновленію Россіи, человѣкъ еще относительно молодой и обладающій волею и характеромъ. Его мужество взять на себя такую большую отвѣтственность въ эту историческую минуту заслуживаетъ всякой симпатіи". „Симпатію" „Новаго Времени" врядъ ли раздѣлятъ общество и народъ, почему-то именуемый газетой „населеніемъ", ибо имъ трудно будетъ проникнуться убѣжденіемъ, что въ роспускѣ Государственной Думы, отъ которой измученная страна съ такимъ нетерпѣніемъ и любовью ждала обновленія, что въ этомъ роспускѣ именно и выразилось „искреннее сочувствіе обновленію Россіи"... „Населеніе" и исторія иначе, нежели циничная газета, будутъ квалифицировать „мужество" г. Столыпина. Пусть оффиціозъ новаго правительства съ торжествомъ побѣдителя развязно восклицаетъ: „что сдѣлало министерство — кадеты уже узнали"... („Россія"). Rira bien, qui rira le dernier! О „дѣяніяхъ" министерства узнаетъ и весь народъ: „тягость вины" за „мужество" этихъ „дѣяній" не окажется ли непосильной даже, если они, дѣйствительно, кромѣ жажды „полноты власти", обладаютъ „волею и характеромъ"?.. „Новое Время" обращается къ новому „кабинету" съ призывомъ помочь „богатырямъ мысли и дѣла" (слова манифеста)—„выйти на помощь правительству изъ среды общества". „Богатыри мысли и слова" не могутъ придти на помощь тому правительству, которое свою „симпатію" обновленію страны доказало пока только антинаціональнымъ дѣломъ, „богатыри мысли и слова" выйдутъ на помощь народу, и противъ этихъ „богатырей", несомнѣнно, направитъ всю „полноту власти" новое

правительство. Мы вступаемъ въ новый фазисъ борьбы народа съ правительствомъ, въ конечномъ исходѣ которой не сомнѣваемся, ибо вѣримъ свято въ то, что „свобода не умираетъ въ гробу“ (Л. Берне). Но мы не знаемъ еще, черезъ какія потрясенія пройдетъ наша родина къ свободѣ. Ближайшее будущее темно и тревожно: не даромъ же наканунѣ роспуска Думы князь Мещерскій писалъ по поводу слуха о роспускѣ: „Боже сохрани этому слуху оправдаться“, недаромъ писала англійская „The Daily News“:—„Если Государственная Дума будетъ распущена, то наступитъ конецъ Götterdämmerung. Результатомъ этого явится не столько революція, сколько своего рода космическая анархія; нѣчто въ родѣ того, чего міръ ни разу не видалъ съ того времени, когда римская имперія разсыпалась по кусочкамъ въ дни смятенія и ужаса“. Да не оправдаются эти мрачныя пророчества и да избѣжитъ страна той смертельной опасности, которая открыта передъ ней „мужествомъ“ министерства, заслуживающимъ, по „Новому Времени“, „всякой симпатіи“... Но не будемъ утѣшать себя, подобно оправившемуся за два дня отъ испуга и растерянности „Новому Времени“, тѣмъ, что, собственно говоря, *ничего особеннаго* не случилось. Взглянемъ опасности прямо въ глаза и спокойно и сознательно будемъ продолжать свое великое дѣло дѣйствительнаго освобожденія народа...

У всѣхъ еще въ памяти свѣтлый, весенній день 27 апрѣля, всѣ еще живо помнятъ энтузіазмъ народа, привѣтствовавшаго „лучшихъ людей“ — народныхъ представителей по пути въ Таврическій дворецъ: „мечта возможной и близкою стала“... И Дума тяжелымъ гражданскимъ подвигомъ своего колоссальнаго труда стала единственнымъ организующимъ центромъ, сосредоточіемъ всѣхъ надеждъ и упованій народныхъ... „Ей вѣрили“... А нынѣ...—„облетѣли цвѣты, догорѣли огни“... Какъ же по достоинству оцѣнить опасность, созданную тѣмъ по-истинѣ „безумствомъ храбрости“, которому поетъ пѣсню

„всякой симпатіи“ „Новое Время“? И пусть не указываютъ намъ на 20 февраля:—эта далекая дата при быстротѣ совершающихся событій, среди взбаламученнаго моря дѣйствительности величина абсолютно невѣсомая и неосязаемая, стоящая по ту сторону всякой возможности предвидѣнія. „Что сдѣлало министерство“, — это теперь уже всѣ узнали, но что изъ этого сдѣланнаго выйдетъ,—никому неизвѣстно...

С.-Петербургъ, 16 іюля

Времена мѣняются

Было время, и очень недавнее, когда г. Меньшиковъ не безъ таланта и ума доказывалъ, что единственный выходъ для возможности мирнаго прогрессивнаго развитія Россіи заключается въ упроченіи парламентаризма, а такъ какъ естественный, логическій выводъ изъ идеи парламентаризма—отвѣтственное передъ народнымъ представительствомъ министерство, то совершенно необходимо образованіе министерства изъ думскаго большинства. Сапоговъ не износилъ г. Меньшиковъ, въ которыхъ ходилъ, когда развивалъ въ „Новомъ Времени“ свои конституціонныя идеи. „То было раннею весной, трава едва всходила“... Нынѣ г. Меньшиковъ, вѣрный нововременскому правилу держать носъ по вѣтру, читаетъ „урокъ народу“ („Нов. Время“, №. 10897) и заявляетъ, что „съ роспускомъ Думы начинается безпристрастный и строгій судъ исторіи“... „Безпристрастный и строгій судъ исторіи“—это немного громко для того, что вызываетъ въ памяти слова извѣстной басни—„и я его лягнулъ“... „Теперь, въ виду будущаго,—вѣщаетъ г. Меньшиковъ,—снисхожденіе къ прошлому является преступнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ данныхъ для снисхожденія“. „Онъ будетъ строгъ потомства судъ“!—и онъ произнесетъ свой приговоръ надъ легкомы-

сленнымъ предательствомъ публицистовъ, готовыхъ уже пуститься въ плясъ надъ могилой перваго русскаго представительнаго учрежденія. Но — „Дума умерла, да здравствуетъ Дума"!..

Гг. развязные публицисты могутъ не торопиться со своими назидательными „уроками народу".

Народъ гордо и стойко перенесетъ свое національное, великое горе и все-таки одержитъ побѣду надъ властной бюрократіей, еще мечтающей о сопротивленіи назрѣвшимъ нуждамъ времени...

Политическій моментъ

Выборгскій post-парламентъ остается внѣ предѣловъ обсужденія и оцѣнки: монополія полемики съ нимъ предоставлена оффиціозной „Россіи" и гг. губернаторамъ. Одно напечатаніе текста извѣстнаго воззванія бывшихъ депутатовъ къ народу влечетъ за собой пріостановку изданія и опечатаніе типографіи. Могло возникать сомнѣніе, получитъ ли воззваніе распространеніе въ народѣ, даже при успѣхѣ имѣвшихъ мѣсто захватовъ типографій для его напечатанія, но на помощь приходятъ гг. губернаторы, въ своихъ воззваніяхъ оповѣщающіе населеніе „ввѣренныхъ имъ губерній" о содержаніи Выборгскаго воззванія. Вопросъ о томъ, откликнется ли населеніе на призывъ г.г. губернаторовъ къ „терпѣливому ожиданію", или болѣе сильное впечатлѣніе на него произведетъ сопровождающее призывъ изложеніе Выборгскаго воззванія, этотъ вопросъ остается до поры до времени открытымъ... Въ настоящій моментъ не можетъ быть выясненъ съ необходимой полнотой и во всеоружіи фактическихъ данныхъ вопросъ о томъ, отчего на Выборгскомъ совѣщаніи избрана была опредѣленная форма обращенія къ народу, а не могла быть произнесена и поддержана общимъ единодушнымъ сочувствіемъ

историческая фраза Мирабо—„dites à votre maitre"... Но нельзя отрицать того, что для подобнаго шага не хватало не того, что можно назвать рѣшимостью „идти до конца", а того моральнаго оправданія, какое дается рѣшительнымъ дѣйствіямъ порывомъ національнаго объединенія и нерасторжимой скрѣпой интенсивно прочувствованной солидарности... Охотникамъ поставить роспускъ Государственной Думы на счетъ „кадетской тактики"—мы противопоставляемъ утвержденіе, что только неуспѣхъ этой тактики въ созданіи того, что Драгомановъ называлъ „единодушнымъ отрицаніемъ стараго порядка и отчетливымъ требованіемъ новыхъ учрежденій, вполнѣ ясно сознаваемыхъ обществомъ",— могъ привести къ роспуску Думы и къ тому положенію вещей, которое создалось на Выборгскомъ совѣщаніи.

Въ Думѣ единство передъ осуществленіемъ исторической національной задачи разлагалось слѣпой доктринерской критикой различныхъ группъ, не пришедшихъ къ убѣжденію въ несвоевременности выдвиганія какихъ-либо частныхъ задачъ, хотя бы то были и великіе классовые интересы трудящихся массъ. Въ странѣ, вмѣсто интенсивной работы сложенія общественныхъ силъ для мощной поддержки Думы, выдвигалась необходимость дифференціаціи и классовой борьбы, какъ прогрессивной силы. А въ результатѣ—въ Выборгѣ не создалось обще-національнаго единства, диктующаго тотъ шагъ, котораго многіе ждали при извѣстіи о выѣздѣ бывшихъ членовъ Государственной Думы въ Выборгъ...

Грядущее—темно. Осторожный и сдержанный бывшій предсѣдатель Государственной Думы С. А. Муромцевъ въ бесѣдѣ съ иностраннымъ журналистомъ сказалъ, что онъ „еще не составилъ опредѣленнаго мнѣнія" о роспускѣ Думы. То же можно сказать и о Выборгскомъ воззваніи, на вопросъ о которомъ г. Муромцевъ отвѣчалъ: „То, что я сдѣлалъ,— сдѣлалъ".

То, что сдѣлано—сдѣлано, а, пользуемся опять словами

г. Муромцева, „русскій народъ тяжелъ на подъемъ“... Министерство, по удачному выраженію „Рѣчи“, занимается разрѣшеніемъ неразрѣшимой задачи—квадратуры круга, желая привлечь въ составъ кабинета общественныхъ дѣятелей. „Мирные обновители“, занявъ позицію, допускающую и пріемъ министерскихъ портфелей, инстинктивно чувствуютъ, что перестанутъ быть общественными дѣятелями и обратятся въ обыкновенныхъ бюрократовъ—враговъ обновленія родины и освобожденія народа съ того момента, какъ вступятъ въ составъ нынѣшняго кабинета борьбы съ народнымъ представительствомъ. Заявленія оффиціозной „Россіи“ о томъ, что „ни о какой реакціи не возникаетъ и рѣчи“, не производятъ на общество никакого впечатлѣнія, ибо оно хорошо знаетъ цѣну и смыслъ подобныхъ заявленій, да къ тому же ежедневно видитъ и то, что „либерализмъ“ министерства остается вывѣской, а на дѣлѣ реакція въ полномъ ходу. Положеніе вещей до осязательности очевидно, его понимаютъ даже иностранцы: „не можетъ быть никакого недоразумѣнія относительно намѣренія новаго министра, — пишетъ „The Daily News“,—„революціонеры“ должны быть сокрушены, а революціонерами русское правительство считаетъ всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за политическую свободу въ Россіи“. При такомъ положеніи вещей, если и оправдаются слухи о готовности кое-кого изъ общественныхъ дѣятелей войти на извѣстныхъ условіяхъ въ составъ Столыпинскаго кабинета, никакихъ новыхъ политическихъ перспективъ этимъ не откроется. „Кабинетъ“ не пріобрѣтетъ общественныхъ симпатій, а общественная карьера „дѣятелей“ потерпитъ полное крушеніе, отъ котораго никогда не оправится. Не въ поддержкѣ нынѣшняго правительства, легкомысленно подвергшаго страну опасности тяжелыхъ потрясеній, путь къ успокоенію и обновленію страны. Опасность въ томъ, что страна въ смутный періодъ на 7 мѣсяцевъ лишена организующаго центра, какимъ было молодое народное представительство, опасность въ томъ, что

вмѣсто нарождающихся гражданъ, передъ нами опять разсыпавшаяся храмина, людская пыль... Энергія общественныхъ дѣятелей должна быть цѣликомъ направлена на дѣло собиранія и организаціи народныхъ силъ, которыя должны противостоять быстро прогрессирующимъ разложенію и анархіи. Если эта задача будетъ успѣшно выполнена, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что народное представительство будетъ возстановлено раньше 20 февраля. „La Douma est morte, vive la Douma"! — эти историческія слова главы англійскаго правительства должны стать лозунгомъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, а подобный лозунгъ ведетъ не въ министерство, способствовавшее преждевременной кончинѣ Государственной Думы, а—противъ министерства. Можетъ быть, не случайно созывъ новой Государственной Думы назначенъ на 20 февраля, являющееся годовщиной нашей „конституціи". Совершенно очевидно, что въ рамкахъ этой „конституціи" новая Государственная Дума будетъ снова бѣльмомъ на глазу у сторонниковъ сохраненія архаическихъ формъ государственной организаціи. Оппозиціонная сила новой Думы опять поставитъ на очередь вопросъ, или объ удовлетвореніи ея требованій, т. е. прежде всего объ образованіи отвѣтственнаго передъ Думой министерства изъ ея большинства, или... снова о роспускѣ Думы. А такъ какъ повторять одно и то же ad infinitum немыслимо, то, при рѣшимости противиться голосу народнаго представительства, придется думать о полномъ избавленіи отъ него, что было бы государственнымъ переворотомъ. И общественные дѣятели, которые нынѣ взялись бы оказать помощь столыпинскому кабинету, въ концѣ-концовъ увидѣли бы, что оказали свое просвѣщенное содѣйствіе такому перевороту. „Мужество" г. Столыпина, воспѣтое „Новымъ Временемъ", несомнѣнно, идетъ впереди его „государственной мудрости" и можно не сомнѣваться, что задача получить „послушную" Думу, оказавшаяся непосильной для графа Витте, споспѣшествуемаго гг. Дурново и Акимовымъ,

окажется не въ меньшей мѣрѣ неисполнимой и для г. Столыпина... Но и осуществленіе подобной задачи сулило бы мало хорошаго: „послушная“ Дума подорвала бы кредитъ не идеи народнаго представительства, а только глухой къ голосу народной нужды Думы. Народъ, потерявъ надежду достигнуть удовлетворенія этой нужды въ порядкѣ закономѣрности, достигъ бы необходимаго „въ порядкѣ отчаянія“. Роспускъ Думы до чрезвычайности понизилъ курсъ шансовъ „порядка закономѣрности“, онъ упалъ много ниже курса государственной ренты... Этимъ характеризуется переживаемый острый, несмотря на относительное затишье *), политическій моментъ.

Въ провинціи

(Впечатлѣніе поѣздки)

Черезъ двѣ недѣли послѣ роспуска Государственной Думы, въ разгаръ явно обреченной на неудачу забастовки, начавшейся послѣ Свеаборгскихъ и Кронштадтскихъ событій, мнѣ пришлось выѣхать въ Черниговскую губернію на чрезвычайное земское собраніе, созываемое для выбора членовъ землеустроительной комиссіи. Собраніе уже назначалось на начало іюля, но, за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ, не состоялось и, по предложенію губернатора, созывалось вторично. Меня интересовали не столько выборы въ землеустроительную комиссію, которые въ нашемъ земствѣ, для меня это было совершенно очевидно, не могли состояться, сколько тѣ настроенія, какія создались подъ вліяніемъ роспуска Думы. Для состава земскаго собранія опять не собралось законнаго числа гласныхъ: вмѣсто мотивированнаго отказа отъ выборовъ, большинство гласныхъ предпочитало, очевидно, избѣжать щекотливыхъ разговоровъ и просто не

*) Статья написана до Свеаборгскихъ и Кронштадтскихъ событій.

производить ихъ, не давши состава собранія. Въ числѣ собравшихся было человѣкъ восемь гласныхъ отъ крестьянъ. Съ первыхъ же словъ бесѣда коснулась роспуска Думы и обнаружила въ моихъ собесѣдникахъ самое пессимистическое настроеніе. „Нічого видно не буде з ціси Думы: зибрали, роспустили, знов соберуть“... Все это представлялось чѣмъ-то вродѣ бѣличьяго колеса, на которомъ ни шагу впередъ не сдѣлать... Всѣ интересовались причинами роспуска и у многихъ уже составилось свое объясненіе его, выражаемое въ самой наивной формѣ. „Я такъ думаю, заявилъ одинъ старикъ, много трехлѣтій состоящій земскимъ гласнымъ, що тутъ ніхто, як Коковцевъ, постарався: хоче один грошима распоряжатись,—ну то йому и не треба Думы“... Другіе формулировали свою мысль обычной фразой: „не хотятъ мужикамъ земли и воли дать“... Къ землеустроительнымъ комиссіямъ всѣ высказывали самое отрицательное отношеніе. „Це такъ, выразился кто-то, тильки глаза сліпити“... О деревенской жизни—самые мрачные отзывы: —„тильки на Думу надіялись“. Полицейскій гнетъ нестерпимъ, большинство стражниковъ въ уѣздѣ бросило службу и теперь на должности стражниковъ вызваны ингуши, о которыхъ разсказываютъ легенды. Одинъ собесѣдникъ увѣрялъ меня, что они питаются сырымъ мясомъ... Какихъ результатовъ достигаетъ полицейская репрессія? На этотъ счетъ мнѣ разсказали любопытный инцидентъ, имѣвшій мѣсто совсѣмъ недавно. По вызову земскаго начальника въ одно село, вслѣдствіе недоразумѣній крестьянъ съ помѣщикомъ, пріѣхалъ карательный отрядъ во главѣ съ исправникомъ. Крестьяне разбѣжались по лѣсамъ и лугамъ. Съ трудомъ розыскали нѣсколько десятковъ крестьянъ и собрали ихъ на сходъ. Сдѣлано внушеніе, подкрѣпленное самыми свирѣпыми угрозами. А на другой день по отбытіи карательнаго отряда изъ села собрался многолюдный сходъ, на которомъ постановлено—„привести на сходъ земскаго начальника и помѣщика

и повѣсить"... Глухое броженіе и самые фантастическіе слухи терроризируютъ населеніе, ни откуда не ждущее помощи. „Бунтъ безсмысленный и безпощадный" ежедневно можетъ вырости на этой нездоровой почвѣ. Усиленная охрана ничему не въ силахъ помѣшать, она только усложняетъ положеніе, сгущаетъ атмосферу, поселяетъ озлобленіе. Первыми жертвами ея пали земскіе учителя и другіе культурные работники: они были, можетъ быть, людьми крайняго направленія, но вносили въ некультурную тьму сознательность, они могли удерживать отъ разрушительныхъ эксцессовъ и организовать населеніе для правомѣрной борьбы за свои интересы. Ненавистники „крестьянскаго союза" объявляютъ его союзомъ разбойниковъ и поджигателей, не взирая на то, что члены его употребляли все свое вліяніе, чтобы удержать населеніе отъ поджоговъ и грабежей. Дѣятели союза въ тюрьмѣ и ссылкѣ, а вмѣсто нихъ населеніе терроризируется хулиганами и подонками деревни. Этого ли хотѣли достигнуть преслѣдованіемъ ненавистной администраціи и аграріямъ демократической организаціи?

Уѣздное интеллигентное общество, столь бѣдное силами и вліяніемъ, подъ гнетомъ усиленной охраны совсѣмъ стушевалось. Да и что оно можетъ сдѣлать, когда еще при существованіи Государственной Думы достаточно ему было составить умѣренный адресъ Думѣ, чтобы были произведены обыски и аресты? Одинъ изъ выборщиковъ по уѣзду, на основаніи усиленной охраны, высланъ изъ губерніи за попытку внушить обществу приговоръ, выражающій сожалѣніе о роспускѣ Думы...

Черезъ нѣсколько дней мы присутствовали на уѣздномъ земскомъ собраніи въ Черниговѣ, созванномъ тоже для выборовъ членовъ землеустроительной комиссіи. Оно тоже созывалось вторично, но съ тою разницей, что и въ первый разъ собраніе состоялось и единогласно отклонило выборы. Губернаторъ предложилъ собранію еще разъ обсудить во-

просъ о выборахъ съ предупрежденіемъ, что, въ случаѣ неизбранія членовъ, они будутъ назначены. Къ всеобщему удивленію, въ собраніи, такъ недавно давшемъ единогласное рѣшеніе противъ избранія, нашлись ораторы за необходимость произвести выборы. Ораторы эти поражали отсутствіемъ аргументовъ и чисто обывательской психологіей. И обывательщина оказалась сильнѣе аргументовъ, развитыхъ гласными Шрагомъ, Соколовскимъ и Хижняковымъ противъ избранія.

Во время преній констатировано было, что крестьяне по волостямъ почти поголовно отказываются отъ выборовъ. И это не убѣдило обывательщину. Большинствомъ голосовъ рѣшено было выборы произвести. Тогда противники выборовъ, доказывавшіе между прочимъ, что землеустроительныя комиссіи, являясь плодомъ программы, противопоставленной гг. Стишинскимъ и Гурко программѣ большинства Думы, имѣютъ задачу вообще подорвать идею народнаго представительства,—отказались отъ участія въ выборахъ. Гл. Шрагъ при этомъ заявилъ, что онъ, какъ бывшій членъ Думы, по совѣсти не можетъ содѣйствовать тому, что пущено въ ходъ, какъ противодѣйствіе Думѣ, выражавшей волю народа. За отказомъ 6 гласныхъ участвовать въ выборахъ получился незаконный составъ собранія и выборы не могли быть произведены.

Относительно ближайшаго будущаго и, въ частности, относительно предстоящей избирательной кампаніи настроенія въ Черниговѣ пессимистическія: г. черниговскій губернаторъ, какъ извѣстно, въ отвѣтъ на запросъ министерства выразилъ надежду на возможность добиться „благопріятныхъ“ результатовъ. По общему мнѣнію, это предвѣщаетъ изъятія и высылки. Мнѣніе, повидимому, небезосновательное. Подготовка выборовъ подобными средствами уже началась. Мѣстная газета вынуждена была закрыться вслѣдствіе высылки редактора-издателя изъ предѣловъ губерніи. Послѣ роспуска Думы возвратился въ Черниговъ выборщикъ по Городнян-

скому уѣзду—г. Кривцовъ, недолго служившій въ канцеляріи Государственной Думы. Интересно, что избиратели, узнавъ, что Кривцовъ не избранъ въ Думу, просили его отправиться въ Петербургъ, чтобы потомъ дать имъ подробный отчетъ о думской работѣ. На другой же день по возвращеніи Кривцова въ Черниговъ ему предписано въ 24 часа выѣхать изъ предѣловъ губерніи. Кривцовъ, крестьянинъ по происхожденію, до поѣздки въ Петербургъ служилъ въ черниговской губернской земской управѣ. Среди его избирателей низшими полицейскими агентами пущенъ слухъ о томъ, что Кривцовъ измѣнилъ ихъ интересамъ и сошелся съ панами, почему и бѣжалъ. Такъ заботятся объ „успокоеніи“ общества и о „благопріятныхъ“ результатахъ будущихъ выборовъ! Грядущее—темно...

С.-Петербургъ, 9 Августа

О „либеральныхъ средствахъ“

Глава кабинета повѣдалъ французскому журналисту, что онъ „поневолѣ остановился на силѣ... *въ поискахъ либеральныхъ средствъ для борьбы съ революціей*“. Итакъ, послѣ „поисковъ“ премьеръ пришелъ къ тому же, на чемъ безъ всякихъ поисковъ стояли его „либеральные“ предшественники—Сипягинъ, Плеве, Дурново... Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ чемъ же собственно заключается „либерализмъ“, на которомъ „поневолѣ остановился“ г. Столыпинъ (даже въ чисто формальномъ отношеніи сохраненіе давно испытанной системы внутренней политики приходится назвать консервативнымъ), мы интересуемся съ чисто психологической стороны вопросомъ, почему г. Столыпинъ думаетъ, что „либеральная сила“ въ борьбѣ съ революціей, столь безуспѣшная въ рукахъ его предшественниковъ, доведшихъ Россію до ея ны-

нѣшняго анархическаго состоянія, дастъ чудодѣйственные результаты и поможетъ ему провести „необходимыя и возможныя реформы“? Развѣ самъ графъ Витте, споспѣшествуемый Дурново, столь щедрымъ въ употребленіи „либеральнаго средства“, не мечталъ о проведеніи „необходимыхъ и возможныхъ реформъ“?..

Не знаемъ, задавался ли г. Столыпинъ подобными вопросами, но, по опыту прошлаго, утверждаемъ, что одинаковыя средства приведутъ и къ одинаковымъ результатамъ. Либеральные предшественники г. Столыпина посѣяли въ странѣ сѣмена революціи: идя за ними, можно посѣять сѣмена анархіи, уже на нашихъ глазахъ дающія кровавые всходы. Руководитель внутренней политики утверждаетъ, что мрачныя предсказанія, которыми угрожали передъ роспускомъ Думы, „не оправдались“, и „страна пользуется относительнымъ спокойствіемъ“.

Если бы это было такъ, то нечего было бы говорить объ „отвѣтственности за роспускъ Думы“: если правда, что роспускъ Думы спасъ страну отъ худшихъ потрясеній, то вѣдь надо спросить, не чья отвѣтственность, а чья заслуга? Но г. Столыпинъ говоритъ объ *отвѣтственности*... Вполнѣ благоразумно онъ предоставляетъ объ этой отвѣтственности „высказаться“—исторіи. На нашихъ глазахъ развертываются событія, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, какъ выскажется исторія... И какъ жалко звучатъ слова, произносимыя, очевидно, для успокоенія самого себя: „страна пользуется относительнымъ спокойствіемъ!“ Подпишите подъ картиной грабежей, убійствъ, насилій и возстаній—„относительное спокойствіе“, и слова эти покажутся злымъ сарказмомъ. Мы еще раньше слышали увѣренія, что правительство борется не съ обществомъ, а съ „врагами общества“... Г. Столыпинъ былъ губернаторомъ и нельзя повѣрить, чтобы онъ не зналъ, какъ отражается на обществѣ „сила“, примѣняемая подъ сѣнью усиленныхъ охранъ и чрезвычайныхъ поло-

женій яко бы „въ борьбѣ съ революціей“. Факты провинціальной жизни ежедневно свидѣтельствуютъ, что весь гнетъ „либеральной силы“, нисколько не препятствуя разгоранію революціоннаго пожара, всею своею тяжестью обрушивается именно на общество, и мнимая „борьба съ революціей“ является неустанной борьбой съ обществомъ. Говорятъ, что г. Столыпинъ циркуляромъ рекомендовалъ гг. губернаторамъ „поступать по закону“. Еще пять лѣтъ тому назадъ мы знали одного губернатора, имѣвшаго каучуковый штемпель—„разрѣшить по закону“... А страна задыхается подъ гнетомъ насилій, совершаемыхъ „по закону“. Приведемъ маленькую характерную иллюстрацію, дающую понятіе о „законныхъ“ дѣйствіяхъ губернаторовъ.

Въ Черниговѣ издавалась съ половины марта настоящаго года газета „Десна“, позднѣе переименованная въ „Утреннюю Зарю“. Газета, по направленію конституціонно-демократическая, своими обличеніями всяческихъ беззаконій, творимыхъ по губерніи, стала крайне неудобна мѣстной администраціи. Противъ нея были двинуты всѣ „законныя“ средства: отъ почти ежедневной конфискаціи №-овъ до привлеченія редактора къ суду. Ничто не помогало, и газета продолжала существовать.

Тогда г. губернаторъ попробовалъ оказать давленіе на губернскую земскую управу, въ типографіи которой печаталась газета: на основаніи усиленной охраны онъ грозилъ закрыть типографію, если въ ней будетъ печататься ненавистная газета.

Закрытіе типографіи можетъ быть сдѣлано на основаніи усиленной охраны, угроза — вполнѣ „законная“!.. Земская управа обнаружила готовность исполнить губернаторское желаніе, но сразу выгнать газету изъ своей типографіи управѣ не удалось. Въ это время состоялся роспускъ Государственной Думы: губернаторъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе, тѣмъ болѣе, что дѣйствовалъ онъ „по закону“. Въ 24 часа редак-

тору-издателю „Утренней Зари“ И. В. Иванову, политически никогда нескомпрометированному, было предложено выѣхать изъ предѣловъ Черниговской губ.

Газета прекратилась. Одинъ за однимъ конторѣ возвращаются конфискованные номера: судъ не находитъ въ нихъ состава преступленія. Наконецъ, 28 іюля въ Черниговскомъ окружномъ судѣ разбирались два дѣла по обвиненію редактора „Десны“ въ литературныхъ преступленіяхъ. По обоимъ дѣламъ окружный судъ *оправдалъ* редактора. Тогда г. губернаторъ на основаніи усиленной охраны (по закону!) удалилъ редактора Н. К. Галимскаго отъ занимаемой имъ должности инспектора по земскому страхованію. Прибавимъ, что Н. К. Галимскій болѣе десяти лѣтъ состоитъ на земской службѣ въ Черниговской и Полтавской губ. и политически никогда скомпрометированъ тоже не былъ. И теперь спросимъ, формально „законныя“ дѣйствія г. Черниговскаго губернатора не являются ли по существу совершенно беззаконной борьбой съ проявленіемъ общественной мысли, неугодной администраціи? Или это тоже борьба съ „врагами общества“?

Наши оффиціозы изумляются тому, что общество, такъ страдающее отъ анархіи, не желаетъ вѣрить „конституціоналистамъ“ настоящаго кабинета и совсѣмъ не склонно оказывать имъ поддержку въ борьбѣ съ революціей... Когда знакомишься съ „либеральными“ средствами управленія, это явленіе становится совершенно понятнымъ... Какъ ни чудовищно нелѣпы проекты воздѣйствія на мирное общество въ видѣ „вѣшанья по двое-по трое“ заложниковъ изъ общества, проекты, которымъ даетъ мѣсто „Россія“, но они представляютъ собою логическое, до конца проведенное примѣненіе „либеральныхъ“ средствъ.

И, если только мы пойдемъ дальше по намѣченному пути, мы непремѣнно придемъ къ такимъ „либеральнымъ“ средствамъ, идти дальше которыхъ будетъ некуда, ибо начнется разложеніе государства и общества, гибель культуры... Въ

пропасть этой гибели насъ толкаютъ „либеральныя средства“, въ которыя вѣритъ кабинетъ.

С.-Петербургъ, 10 Августа

О терроръ

О политическомъ терроръ тяжело и мучительно думать, еще тяжеле писать: здѣсь мы вступаемъ въ область кровавой стихіи, гдѣ кончается власть словъ и аргументовъ самаго искренняго и страстнаго убѣжденія. Отчаяніе — вотъ единственный источникъ, которымъ рождаются террористическіе акты, идетъ-ли дѣло о случаяхъ кровавой мести, или предъ нами своеобразный способъ политической борьбы. Надъ случаями первой категоріи долго останавливаться не приходится. Орудіе убійства можно вложить въ руки человѣка, еще вчера готоваго отнестись съ осужденіемъ къ убійству и съ моральной точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. Насиліе надъ личностью сплошь и рядомъ разбиваетъ человѣческую психологію: вернуться къ состоянію равновѣсія, вернуться къ жизни человѣкъ уже не способенъ, онъ или обрываетъ свою жизнь, кончаетъ самоубійствомъ, или идетъ на убійство. Чувство чести въ значительной мѣрѣ ирраціональное чувство. Трудно объяснить, почему оскорбленная честь стремится смыть обиду кровью, кровью обидчика или своей собственной. Приходится констатировать фактъ: такъ устроена человѣческая психологія. Въ случаяхъ грубой административной расправы, въ случаяхъ насилія надъ массами количество лицъ, могущихъ выставить мстителя, чрезвычайно велико: кромѣ лицъ, непосредственно пострадавшихъ отъ насилія, эту роль часто выполняютъ близкіе имъ люди, наконецъ, хотя и посторонніе, даже не бывшіе свидѣтелями насилія, но нервно впеча-

тлительные, болѣзненно-отзывчивые. Въ началѣ нынѣ переживаемой полосы террора послѣ одного изъ покушеній не представителя власти, виновнаго въ самомъ грубомъ насиліи надъ задержанными участниками политической демонстраціи, мы прочли, будучи заграницей, статью о русскомъ терроръ въ одной изъ самыхъ умѣренныхъ либерально-буржуазныхъ газетъ. „Мы противъ террора со всѣхъ точекъ зрѣнія—и съ нравственной. и съ политической, писала газета, но, когда мы слышимъ о покушеніяхъ на такихъ администраторовъ, мы говоримъ—это не терроръ!.. Посадите такихъ администраторовъ въ любой культурной европейской странѣ и они своими беззаконными насиліями создадутъ убійцъ". Если „беззаконныя насилія" не только творятся, но и остаются безнаказанными, даже одобряются высшей властью, почва для террора создается самая благопріятная... Безнаказанность глумленія надъ человѣческой личностью отравляетъ атмосферу, душитъ, болѣе отзывчивые и молодые становятся въ ряды мстителей, бросаютъ бомбы, стрѣляютъ изъ револьверовъ... Терроръ, какъ средство политической борьбы, тоже диктуется отчаяніемъ, отчаяніемъ, что не осталось другихъ средствъ... Нововременцы и другіе лицемѣры любятъ громить общество за сочувствіе террористамъ. Но и въ общественной психологіи это „сочувствіе" коренится въ томъ-же отчаяніи передъ безысходностью политической борьбы, въ томъ-же моральномъ ужасѣ передъ безнаказанностью злодѣяній. Эту тему слегка намѣтилъ такой вдумчивый человѣкъ, какъ покойный кн. С. Трубецкой въ статьѣ „Два пути" („Право", № 44 —1904 г.) „Несмотря на ужасъ убійства, констатировалъ онъ, „послѣ трагической смерти Плеве" — „въ клубахъ и на улицахъ, въ ресторанахъ и гостиныхъ, всюду, гдѣ сходятся русскіе люди"— „мы не слыхали ничего, кромѣ осужденія политики покойнаго министра"...

Съ терроромъ думаютъ бороться его-же средствомъ— смертью. Но для большинства террористовъ идти на смерть

на казнь легче, чѣмъ идти на убійство. Не разъ уже было указано, что именно моральная точка зрѣнія должна не позволить государству бороться этимъ средствомъ. Убійцъ государство считаетъ преступниками, зачѣмъ-же оно становится на одну съ ними доску, зачѣмъ прибѣгаетъ къ преступнымъ средствамъ? Этимъ оно расшатываетъ свой авторитетъ и, опираясь только на силу, идетъ къ анархіи и гибели. Силу этихъ аргументовъ рѣшительно не хотятъ понять тѣ „моральные“ публицисты, которые такъ возмущаются терроромъ. Имъ совершенно чуждо пониманіе отвратительной лицемѣрности, съ которой противникамъ смертной казни отвѣчаютъ: „пусть гг. убійцы начнутъ первые“. Развитіе террора есть страшный симптомъ ненормальности политическаго положенія. Единственный выходъ изъ такого ненормальнаго положенія — въ открытіи путей закономѣрной соціально-политической борьбы. Для насъ совершенно очевидно, что въ нынѣшнихъ условіяхъ только работа надъ созданіемъ конституціоннаго строя есть дѣйствительное средство борьбы съ терроромъ. Тѣ же, кто руководствовался въ своей дѣятельности цѣлью „нагнать на страну и на революціонеровъ такой ужасъ, который жилъ-бы еще въ памяти внуковъ“, тѣ были самыми опасными террористами. Съ разныхъ сторонъ, и чаще всего изъ „Новаго Времени“, до сихъ поръ раздаются фальшивые упреки Государственной Думѣ за то, что она „не рѣшилась, или вѣрнѣе, даже не хотѣла выразить осужденіе политическимъ убійствамъ“.

Государственная Дума, стремясь къ изданію и упроченію парламентаризма, добиваясь отвѣтственнаго передъ Думой министерства и дѣйствительнаго контроля надъ дѣйствіями администраціи, шла именно по тому пути, который ведетъ къ укрѣпленію авторитета власти и созданію законности правового государства, при которыхъ нѣтъ мѣста террору. Она понимала, что такіе больные вопросы никакими осужденіями не разрѣшаются. И нововременскіе публицисты тогда,

когда жила и работала Дума, прекрасно понимали, какъ необходимо все то, чего добивалась Дума: г. Меньшиковъ писалъ о неотложности парламентаризма и отвѣтственнаго министерства... Г. Розановъ видѣлъ въ кадетахъ поборниковъ культуры... Мы противъ террора и съ моральной, и съ политической точки зрѣнія. Мы знаемъ, что передъ нынѣшнимъ развитіемъ его содрогнулись-бы и такіе принципіальные террористы, какъ, напр., Балмашевъ или Каляевъ... Въ атмосферѣ разложенія нынѣ уже трудно различать, гдѣ терроръ отчаянія и политической борьбы переходитъ въ дѣйствія хулигановъ-грабителей и соприкасается съ провокаціей... Не оздоровленію политической атмосферы способствовалъ обрывъ тѣхъ надеждъ, которыя связывались съ дѣятельностью Государственной Думы... Съ плохо скрываемымъ злорадствомъ „моральные“ противники террора не хотятъ различать убійство депутата Герценштейна отъ террористическихъ актовъ слѣва. Не говоря уже о томъ, что ни терроръ мести ни терроръ политической борьбы не знаютъ наемныхъ убійствъ, а въ убійствѣ Герценштейна явно чувствуется рука наемнаго убійцы, нельзя сближать это убійство съ террористическими актами, между прочимъ, и потому, что мести никакой Герценштейнъ вызывать не могъ, а для борьбы съ его идеями всегда оставалась тысяча средствъ и путей: всѣмъ, кромѣ мысли, его противники были вооружены сильнѣе. На указаніе, что у Герценштейна была только власть мысли, „Новое Время“ отвѣчаетъ вопросомъ: „если-бы покойный Герценштейнъ сдѣлался, какъ о томъ хлопотали кадеты, министромъ, то оправдалось-ли бы его убійство?“... Отвѣчаемъ, Герценштейнъ могъ сдѣлаться министромъ только въ томъ случаѣ, если-бы всѣмъ идейнымъ противникамъ его были открыты всѣ правомѣрные пути борьбы съ его программой. „Кадеты хлопотали“ о *парламентскомъ* министерствѣ и другого не приняли-бы. Что-же касается „оправданія“ убійства, то въ этомъ кадеты нисколько неповинны: объясне-

ніе, анализъ общественной психологіи, рождающей терроръ, далеки отъ его оправданія... И „Новое Время“ не понимаетъ этой разницы съ опредѣленнымъ разсчетомъ.

„Отдѣлаться отъ опаснаго человѣка—это, конечно, ясный мотивъ предательскаго убійства профессора и депутата Герценштейна. Въ террористическихъ актахъ никогда не было этого мотива: не смѣны лицъ, а перемѣны системы добиваются террористы. Перечтите письмо „исполнительнаго комитета къ Александру III“. Не ясно-ли, что эти „гг. убійцы“ всегда лелѣяли идеалъ возвращенія страны „на путь правильнаго и мирнаго развитія“ („Былое“, № 3)? О террорѣ мучительно и тяжело думать, еще тяжелѣе писать, а вотъ нововременцы пишутъ, пишутъ почти ежедневно, преслѣдуя задачи, совсѣмъ постороннія темѣ—еще разъ „лягнуть“ Думу, открыть въ кадетѣ „того же революціонера“ и т. п.

Человѣческая жизнь потеряла цѣну, кровавый ужасъ царствуетъ въ странѣ, каждый день уноситъ новыя жертвы, а они этотъ кошмаръ обратили въ орудіе борьбы съ политическими и литературными противниками! Со всею своей злобой и чернотой душевной, которыя такъ любитъ изобличать сладкорѣчивый г. Меньшиковъ, многіе террористы носили въ душѣ своей тотъ непомѣрный ужасъ, къ силѣ толкавшей ихъ на убійство, какого и въ десятой степени никогда не испытывалъ нововременскій публицистъ. Когда думаешь о террорѣ, безсильныя слезы готовы литься изъ глазъ отъ тоскливаго, безотвѣтнаго вопроса: неужели-же такъ безнадежна слѣпота и такъ непреоборимо реакціонное упрямство, что странѣ, уставшей отъ крови, насилій и слезъ, нѣтъ мирнаго пути къ свободному развитію ея культуры, къ спокойной и нормальной жизни?!

Задача момента

Катастрофа на Аптекарскомъ островѣ приковываетъ къ себѣ общественное вниманіе, поражая его невыразимымъ ужасомъ. Политическій терроръ принимаетъ небывалые размѣры, унося громадное количество жертвъ. Человѣческая мысль и человѣческое чувство ищутъ выхода изъ этой невыносимой атмосферы, насыщенной кровью. Такъ жить невозможно! Совершенно очевидно, что закрытіе путей закономѣрной оппозиціи порождаетъ отчаяніе, приводящее къ печальнымъ, кровавымъ результатамъ, угрожающимъ самымъ основамъ всякой общественной жизни. Кровавые акты террористической борьбы въ глазахъ поклонниковъ всяческихъ репрессій являются вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для новыхъ и новыхъ исключительныхъ мѣръ. Казалось-бы, что само чрезвычайное развитіе террористической борьбы при дѣйствіи исключительныхъ положеній должно-бы доказать все ихъ безсиліе, но у реакціонеровъ своя особая кровожадная логика, не желающая считаться съ очевидными фактами и руководящаяся жаждой отмщенія. Логика реакціонеровъ, требующихъ то диктатуры, то казней и висѣлицъ, пока не вполнѣ идентична съ логикой правительства. По крайней мѣрѣ оффиціозная „Россія“ заявляетъ, что въ борьбѣ съ революціей правительство обопрется на законъ, а не на диктатуру и, оставаясь вѣрнымъ своей программѣ реформъ, оно оставитъ неприкосновенной ту долю свободы, какая нынѣ предоставлена обществу для проявленія законномѣрной оппозиціи. Конечно, „доля свободы“, предоставленная для проявленія „законномѣрной оппозиціи“, нынѣ настолько минимальна, что обѣщаніе сохранить ее въ неприкосновенности еще не даетъ надежды на умиротвореніе и успокоеніе. Сколько-нибудь прочное успокоеніе можетъ наступить только съ предоставленіемъ обществу закономъ гарантированной свободы для проявленія „законномѣрной оппо-

зиціи", понятіе которой надо расширить. Вмѣсто расширенія понятія „закономѣрной оппозиціи" мы наблюдаемъ между тѣмъ расширеніе понятія „революціи". Слѣдуетъ признать, что роспускъ Думы былъ колоссальной ошибкой, ибо онъ надолго закрылъ пути закономѣрной парламентской борьбы. Только исправленіемъ этой ошибки, т.-е. немедленнымъ призывомъ для борьбы съ все растущимъ разложеніемъ и надвигающейся анархіей творческихъ силъ страны можно вступить на путь, обѣщающій прекращеніе происходящихъ ужасовъ. Необходима на ряду съ тѣмъ скорѣйшая отмѣна всѣхъ исключительныхъ положеній, безсильныхъ предотвратить развитіе анархіи и гарантія, что новые выборы будутъ произведены безъ незаконныхъ административныхъ давленій. Только нефальсифицированное народное представительство въ состояніи дать гарантію государственной и общественной безопасности Предъ лицомъ все растущей анархіи во внутренней жизни страны на первый планъ выдвигается неотложная задача момента — возстановленіе народнаго представительства.

С.-Петербургъ, 19 августа

Компрометирующая система

Для людей, разбирающихся въ явленіяхъ анархической дѣйствительности, не можетъ быть никакого вопроса о томъ пути, какой въ состояніи вывести страну изъ нынѣшняго невыносимаго положенія. Только сознаніе, что роспускъ Государственной Думы былъ роковой ошибкой, создавшей это опасное положеніе, можетъ заставить обратиться къ единственно надежному средству успокоенія—къ скорѣйшему созыву Государственной Думы. Если однимъ изъ главныхъ основаній назначенія возможно болѣе далекаго срока новыхъ выборовъ является надежда добиться желательныхъ прави-

тельству „благопріятныхъ“ результатовъ ихъ, то можно напередъ предсказать, что надежда эта потерпитъ полное крушеніе, а безтактныя дѣйствія администраціи еще болѣе скомпрометируютъ правительственную политику въ сознаніи широкихъ массъ народа. Извѣстно, что почти непосредственно за роспускомъ Думы гг. губернаторамъ былъ сдѣланъ запросъ относительно тѣхъ шансовъ, какіе правительство можетъ имѣть на выборахъ для проведенія желательныхъ ему кандидатовъ. Большинство отвѣтовъ не отличалось оптимизмомъ. Въ ряду этихъ отвѣтовъ нѣкоторымъ диссонансомъ прозвучалъ отвѣтъ г. черниговскаго губернатора, выразившаго свою полную увѣренность въ возможности благопріятнаго исхода выборовъ. И, повидимому, г. черниговскій губернаторъ руководствовался при этомъ не нежеланіемъ огорчить отвѣтомъ начальство, не страхомъ „истину съ улыбкой говорить“, а непоколебимой вѣрой во всемогущество административныхъ воздѣйствій. И хотя выборы пока еще, какъ говорится, „вилами на водѣ писаны“, но дальновидный администраторъ уже предпринялъ во „ввѣренной ему губерніи“ рядъ дѣйствій по подготовкѣ обѣщанныхъ имъ „благопріятныхъ“ результатовъ. „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“ послѣ искорененія мѣрами административнаго воздѣйствія частной газеты усиленно занялись выборной агитаціей, убѣждая изо дня въ день не выбирать въ Думу прежнихъ людей, а выбрать людей степенныхъ и умѣренныхъ, которые не посмѣли бы порицать и дерзко осуждать дѣйствія властей. Но, очевидно, не особенно довѣряя силѣ „горячаго слова убѣжденія“, г. губернаторъ не удовлетворяется литературной агитаціей своего оффиціоза, давно уже являющагося подголоскомъ воинственной черносотенной прессы. Благо, усиленная охрана, дѣйствующая въ губерніи, даетъ ему въ руки болѣе дѣйствительныя „законныя“ средства!..

Эти средства обращены противъ лицъ, такъ или иначе пользовавшихся вліяніемъ во время прошлыхъ выборовъ въ

Думу. Нѣкоторые изъ выборщиковъ арестованы и высланы изъ предѣловъ губерніи. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, на бывшаго депутата Тарасенко была устроена настоящая облава, закончившаяся арестомъ его брата. Характеренъ инцидентъ съ высылкой выборщика по Городнянскому уѣзду г. Кривцова. Послѣдній, крестьянинъ по происхожденію, служилъ въ черниговской губерн. земской управѣ. Съ открытіемъ Думы онъ поступилъ на службу въ канцелярію ея, уступая желанію своихъ избирателей, просившихъ его отправиться въ Петербургъ, чтобы потомъ дать имъ подробный отчетъ о дѣятельности Думы. Лишь только, послѣ роспуска Думы, г-нъ Кривцовъ пріѣхалъ въ Черниговъ, какъ на другой же день ему было предписаніе въ 24 часа выѣхать изъ предѣловъ губерніи. Другой выборщикъ по Городнянск. уѣзду, крестьянинъ Чугай, высланъ изъ губерніи, какъ говорятъ, за попытку склонить общество составить приговоръ, выражающій сожалѣніе о роспускѣ Думы. Подобныя мѣропріятія уже начинаютъ давать плоды въ видѣ апатичнаго и равнодушнаго отношенія къ Думѣ. Во время недавней поѣздки въ Черниговскую губ. намъ уже приходилось слышать отъ крестьянъ пессимистическія мнѣнія о томъ, что Дума и выборы выдуманы съ единственной цѣлью обманывать народъ... А едва ли можетъ быть споръ о томъ, что на почвѣ подобнаго настроенія народной массы прочное умиротвореніе не будетъ достигнуто... Если правительственное стремленіе къ умиротворенію, за которымъ послѣдуютъ и реформы, сколько-нибудь искренне, то прежде всего должна быть измѣнена вся система внутренняго управленія, нынѣ основанная на властномъ усмотрѣніи и произволѣ большихъ и маленькихъ сатраповъ. Безсильная въ борьбѣ со всей растущей анархіей во внутренней жизни, эта система всею тяжестью обрушивается на мирное населеніе и создаетъ непримиримый гибельный разладъ между народомъ и властью, теряющею всякій авторитетъ, всякій престижъ.

С.-Петербургъ, 24 августа

Философское обоснованіе „мѣропріятій“

„Новое Время“ увѣряетъ, что „Рѣчь“ и подобные ей органы требуютъ мертвенности отъ Россіи... Это на томъ основаніи, что „Рѣчь“ не вѣритъ въ спасительность всѣхъ исключительныхъ положеній и полагаетъ, что только упроченіемъ законности, гражданской свободы и другихъ благъ парламентарнаго конституціоннаго строя можно вывести страну изъ нынѣшняго анархическаго состоянія на путь мирнаго развитія. Правда, и „Новое Время“ яко бы защищаетъ конституціонныя задачи: по крайней мѣрѣ, оно, между прочимъ, пишетъ: „Политика Россіи in corpore, правительства русскаго, государства русскаго—только одна, теперь и на ближайшіе годы: укрѣпленіе и развитіе конституціи“. Однако, весь вопросъ въ томъ, какими средствами рекомендуетъ газета содѣйствовать „укрѣпленію и развитію конституціи“? Если требованіе объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній и объ обращеніи къ творческимъ силамъ страны въ лицѣ народнаго представительства есть требованіе „мертвенности“, то въ чемъ же состоитъ „дѣйственность?“ „Новое Время“ въ качествѣ такой „дѣйственности“ рекомендуетъ давно испытанную систему „мѣропріятій“ (кавычки принадлежатъ талантливой газетѣ). Дѣйствовать надо „именно объявленіемъ на военномъ положеніи нѣкоторыхъ районовъ“. Такъ какъ эта система принята и широко примѣняется, то публицистика „Новаго Времени“, повидимому, преслѣдуетъ цѣли ободрить шествованіе по правильно избранному пути. А для вящщаго достиженія этой цѣли газета развиваетъ весьма картинно „философію“ системы: „не хочешь быть караемымъ“, не совершай преступленія. „Не хочешь, чтобы тебя покарали быстро, энергично и безъ проволочекъ, не совершай преступленія злодѣйскаго, безпримѣрнаго“... Того, что тягость всѣхъ этихъ военныхъ положеній

обрушивается, главнымъ образомъ, на вполнѣ мирное населеніе, которое не только не хочетъ быть „караемымъ“, но и никакихъ преступленій не совершаетъ, газета не хочетъ знать и, захлебываясь своей государственной мудростью, вѣщаетъ: „Только одно государство обладаетъ правомъ оружія и правомъ даже крови, по правилу: salus rei publicae suprema lex—на всемъ протяженіи, гдѣ звучитъ русская рѣчь и видно русское лицо. „Руки вверхъ“ оно предлагаетъ подержать разнымъ сорванцамъ и оборванцамъ, пока агенты полиціи посмотрятъ, нѣтъ ли у нихъ въ карманѣ револьверовъ и бомбъ“... А, можетъ быть, газетѣ не безъизвѣстны случаи, когда „агенты“, ищущіе револьверовъ и бомбъ, просто опустошаютъ карманы не хуже заправскихъ грабителей? Или, напримѣръ, случаи, когда жертвами полицейской подозрительности становятся не „сорванцы и оборванцы“, а вполнѣ благонадежные обыватели?.. Согласимся, однако, смотрѣть на эти „случаи“, увы, не столь рѣдкіе, какъ на маленькіе „недостатки механизма“. Но вѣдь главное въ томъ, что нигдѣ до сихъ поръ самое энергичное примѣненіе подобныхъ „мѣропріятій“ результата никакого не дало и грабежи и насилія достигли невѣроятнаго развитія именно въ „нѣкоторыхъ районахъ“ съ дѣйствіемъ самыхъ исключительнѣйшихъ положеній. „Новое Время“ на этотъ счетъ полагаетъ, что „если изъ худого кармана вываливаются деньги, то надо починить карманъ“... „Починить карманъ“, т. е. вмѣсто усиленной охраны дать чрезвычайную, вмѣсто чрезвычайной—военное положеніе, вмѣсто послѣдняго—осадное? Но вѣдь все это испробовано много разъ... Мы не имѣемъ основаній оспаривать компетентное мнѣніе „Новаго Времени“ о „феноменальной бездарности нашей полиціи“, но вѣдь должны же „талантливые“ публицисты знать, что всѣ исключительныя положенія отдаютъ мирное населеніе во власть этой полиціи... Борясь съ революціей, даютъ развиться грабежамъ. Въ отношеніи послѣднихъ населеніе становится съ введені-

емъ исключительныхъ положеній почти беззащитнымъ: полиція не гарантируетъ безопасности, запрещеніе имѣть оружіе подъ страхомъ тяжелой кары лишаетъ средствъ самозащиты. „Новое Время“ и „подобные ему органы“ всѣ грабежи и насилія цѣликомъ ставятъ на счетъ „революціи“. Сознательность и преднамѣренность этой клеветы совершенно очевидна, и „Новому Времени“ прекрасно извѣстны многочисленные случаи, когда „анархисты-коммунисты“ и другіе, называвшіе себя подобными именами, оказались хорошо извѣстными полиціи ворами и грабителями... До самаго послѣдняго времени мы не знали и „анархизма“... Случаи „революціоннаго“ грабежа (насколько они часты, установить очень трудно) и акты чисто анархическіе надо всецѣло отнести на счетъ дѣйствія исключительныхъ положеній и, посѣянныхъ ими, сѣмянъ анархіи и озлобленія. „Новое Время“ и „подобные ему органы“ всегда намѣренно смѣшиваютъ акты террора съ анархическими. Между тѣмъ у террористовъ, какъ бы отрицательно не относиться къ ихъ средству борьбы и съ моральной и съ политической точки зрѣнія, всегда живъ идеалъ возвращенія страны „на путь правильнаго и мирнаго развитія“. Объ этомъ очень опредѣленно говорилось, напр., въ письмѣ „Исполнительнаго комитета къ императору Александру III“ (см. „Былое“, № 3). Мы—противники террора и потому съ особенной силой возражаемъ противъ всякихъ исключительныхъ положеній, создающихъ психологическія основанія для террора, съ особенной силой отстаиваемъ необходимость пути „правильнаго и мирнаго развитія“, отнимающаго у террора всякую почву. Система „мѣропріятій“, отстаиваемыхъ „Новымъ Временемъ“, не ведетъ къ достиженію возможности „честной жизни на землѣ“. Сѣять сѣмена произвола и насилій—не значитъ „пріучать къ конституціи“.

„Ихъ добрыя чувства“

Озабачиваясь „необходимостью приспособленія Государственнаго организма“ къ болѣзни, „которую переживаетъ наше отечество“, правительство становится на опасный путь преслѣдованія во что-бы то ни стало быстроты дѣйствій. „Правительственное сообщеніе“ говоритъ, что „обыкновенное судебное производство не вполнѣ приспособлено къ обстоятельствамъ настоящаго времени и не даетъ возможности *быстрой* репрессіи“... „Возможность быстрой репрессіи“, или, говоря языкомъ „сообщенія“ — „приближеніе судопроизводства и приведенія приговора въ исполненіе“,—вполнѣ идетъ навстрѣчу требованіямъ московскихъ „патріотовъ“, мечтающихъ о „широкомъ примѣненіи смертной казни, полевого суда“ и т. д... „Патріоты“, добивающіеся прекращенія „пагубнаго непротивленія злу“, конечно, говорятъ языкомъ несравненно болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ правительство: вмѣсто мягкаго выраженія правительственнаго сообщенія о правосудіи,—„не вполнѣ приспособленномъ къ обстоятельствамъ“, они энергично заявляютъ о „глумленіи надъ правосудіемъ, волокитѣ и явномъ потворствѣ измѣнникамъ—судебнаго вѣдомства“... Очевидно, снисходя къ „добрымъ чувствамъ“ требующихъ тысячи казней, правительство и сочло необходимымъ „издать временныя правила о военно-полевомъ судѣ“, создающія суды, какихъ, по вѣрному замѣчанію В. Кузьмина-Караваева,—„по компетенціи и по условіямъ образованія нигдѣ не существуетъ“... Видѣть въ подобномъ „приспособленіи государственнаго организма“ къ переживаемой болѣзни—„мѣропріятія, необходимыя для обезпеченія свободы жить и трудиться“—значитъ абсолютно не понимать логики событій. И государственная мудрость, ожидающая прекращенія нынѣшней смуты отъ подобныхъ мѣропріятій не выше морали, находящей въ требованіи тысячи казней—„чувства добрыя“... Предоставляемъ г. А. Столыпину изъ „Новаго Времени“ разыскать здѣсь слу-

женіе „ласковымъ завѣтамъ идеальной свободы“ и упоеніе „великими геніями нашихъ свѣтлыхъ писателей и поэтовъ“... Нельзя не отмѣтить того, что правительственное сообщеніе говоритъ объ учрежденіи военно-полевыхъ судовъ „для суж денія обвиняемыхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ“, а изъ опубликованнаго одновременно съ сообщеніемъ закона видно, что отъ высшихъ представителей мѣстной администраціи зависитъ передавать на разсмотрѣніе этихъ судовъ не только тягчайшія преступленія, но и всякое преступное дѣяніе. Отъ „добрыхъ чувствъ“ высшихъ представителей администраціи всецѣло будетъ зависѣть жизнь гражданъ и, если плоха надежда на эти „чувства“, то еще болѣе мрачны должны быть ожиданія отъ ближайшаго будущаго послѣ угрозы правительственнаго сообщенія мѣстнымъ властямъ тяжелой отвѣтственностью, которая ляжетъ на нихъ „за нерѣшительность по отношенію къ ослушникамъ царской воли“. Все это даетъ полное основаніе ожидать, что „добрыя чувства“ московскихъ „патріотовъ“ изъ платоническихъ пожеланій претворятся въ кровавую дѣйствительность. То-то начнется служеніе „ласковымъ завѣтамъ идеальной свободы“...

Подъ флагомъ „добрыхъ чувствъ“ надвигаются страшные призраки.

Будемъ вѣрить, что программа правительства окажется невыполнимой и на обездоленную страну не обрушатся новыя несчастія. Будемъ вѣрить, что есть въ жизни и исторія силы болѣе могучія, чѣмъ „ихъ добрыя чувства“...

Политическія перспективы

Правительство опубликовало свою „либеральную“ программу реформъ, имѣющихъ „создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности и разумно понятой истинной свободѣ“. Уже одно сопровожденіе слова „сво-

бода“ словами „разумно понятой“ и „истинной“ способно возбуждать сильное подозрѣніе въ склонности правительства весьма свободно относиться къ содержанію понятія, обозначаемаго словомъ „свобода“. А сопровождающее программу учрежденіе новыхъ военно-полевыхъ судовъ, уже окрещенныхъ наименованіемъ „скорорѣшительныхъ“, вселяетъ серьезную тревогу. Не такъ давно,—вскорѣ послѣ катастрофы на Аптекарскомъ островѣ,—оффиціозная „Россія“ заявляла, отвѣчая на тревожныя ожиданія общества, что въ борьбѣ съ революціей правительство обопрется на законъ, а не на диктатуру. Нынѣ разоблачена игра словъ, заключающаяся въ этомъ заявленіи. Законъ, на который правительство обопрется въ борьбѣ съ революціей, создаетъ не ту единоличную диктатуру, слухи о которой смущали общество, а многоголовую диктатуру „генералъ-губернаторовъ, главноначальствующихъ или облеченныхъ ихъ властью лицъ“. Всѣмъ имъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны, предоставляется „въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе лицомъ гражданскаго вѣдомства преступнаго дѣянія является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи, предавать обвиняемаго военно-полевому суду, съ примѣненіемъ въ подлежащихъ случаяхъ наказанія по законамъ военнаго времени“... Даже рѣшеніе вопроса о томъ, насколько „очевидность“ преступнаго дѣянія устраняетъ „необходимость разслѣдованія“, всецѣло принадлежитъ административнымъ лицамъ, устанавливающимъ и компетенцію „скорорѣшительныхъ“ судовъ. Всякое лицо и всякое преступное дѣяніе можетъ быть судимо военно-полевымъ судомъ, который „немедленно приступаетъ къ разбору дѣла и оканчиваетъ разсмотрѣніе онаго не далѣе, какъ въ теченіе двухъ сутокъ“. „Приговоръ, по объявленіи на судѣ, немедленно вступаетъ въ законную силу и безотлагательно, и во всякомъ случаѣ не позже сутокъ, приводится въ исполненіе“. Понятно, почему этотъ невѣроятный

законъ заслоняетъ передъ обществомъ всякій интересъ къ опубликованной одновременно съ нимъ „либеральной“ программѣ реформъ. Напрасно „Россія“ старается доказать, что оппозиція боится либеральныхъ реформъ, ибо онѣ примирятъ общество съ министерствомъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что судьба двухъ частей министерской программы: „либеральныхъ“ реформъ и военно-полевыхъ судовъ будетъ весьма неодинакова. Однако, если даже закрыть глаза на „военно-полевую“ часть министерской программы и сосредоточить все вниманіе на ея „либеральной“ части, то и тогда, можетъ быть, придется ее называть не просто „либеральной“, а „истинно“ или „разумно-либеральной“. Никакихъ гарантій, никакой увѣренности въ томъ, что намѣчаемыя министерствомъ реформы будутъ соотвѣтствовать потребностямъ народа и времени, „правительственное сообщеніе“ не даетъ. Перечень въ 12 пунктахъ подготовляемыхъ министерствомъ „для представленія въ будущую государственную думу“ законопроектовъ ничего не говоритъ о содержаніи этихъ законопроектовъ, которое можетъ оказаться совсѣмъ неудовлетворительнымъ. Наконецъ, содержащееся въ финальной части „правительственнаго сообщенія“ завѣреніе, что „съ своей стороны правительство считаетъ для себя обязательнымъ не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраній“ находится въ рѣзкомъ, можно сказать, кричащемъ несоотвѣтствіи съ наблюдаемой дѣйствительностью. И, казалось бы, что если правительство сколько-нибудь озабочено снисканіемъ общественнаго довѣрія къ его реформаторской искренности, то его первымъ шагомъ должно быть уничтоженіе указаннаго несоотвѣтствія. Однако, будетъ ли сдѣланъ этотъ шагъ, при настоящихъ условіяхъ очень и очень сомнительно. А разъ это такъ, то сколь бы энергично правительство ни противопоставляло „не колеблясь насилію силу“,

ему не удастся достигнуть того умиротворенія, которое достижимо только при уничтоженіи разрыва между властью и народомъ. Для того, чтобы не существовало этого гибельнаго для страны разрыва, власть должна стать народной, въ чемъ и заключается сущность парламентаризма, за установленіе котораго борется вся сознательная демократическая Россія.

Всякое правительство, противящееся нынѣ установленію парламентаризма, рискуетъ тѣмъ, что вся его практическая дѣятельность сведется къ противопоставленію „насилію силы", программа же реформъ, даже при всемъ возможномъ „либерализмѣ", останется бумажнымъ производствомъ... „Разумно понятая", „истинная" свобода сведется къ режиму „скорорѣшительныхъ" судовъ. Такой режимъ долго не продержится!..

Но выходъ изъ него откроется не „либерализмомъ" того министерства, которое и роспускъ Думы совершило во имя „истинной" свободы... „Не съ помощью терпѣнія, а силой нетерпѣнія освобождается народъ" — говорилъ Л. Берне. Надо надѣяться, что „сила нетерпѣнія" и въ русской исторіи окажется силой творческой, освобождающей...

Законодательство Дракона

(Историческая справка)

Когда, опубликовывая „либеральную" программу реформъ, правительство доказало свою рѣшимость „создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности"... единственно-учрежденіемъ военно-полевыхъ судовъ, оно не обнаружило этимъ оригинальности, если можно такъ выразиться,— законодательной психологіи. Умиротворять посредствомъ внушенія страха—въ этомъ всего менѣе новизны. Въ началѣ 80-хъ годовъ высказывалась увѣренность, что вся революю-

ціонная смута немедленно прекратиться,—стоитъ только „по ставить висѣлицы отъ Петербурга до Москвы“... Сипягину приписывалась готовность „залить кровью улицы Петербурга“ для сохраненія внѣшняго порядка. Недостатка подобной готовности не было у Плеве. Эта готовность перешла въ дѣло при завершеніи эпохи „довѣрія“ —9 января 1905 г. „Конституціонные“ министры пошли тѣмъ же путемъ. Первый „конституціонный“ министръ внутреннихъ дѣлъ ставилъ себѣ задачу—„нагнать на страну и на революціонеровъ такой ужасъ, который жилъ-бы еще въ памяти внуковъ“. И развѣ не ту же задачу преслѣдуетъ „либеральная“ рѣшимость противопоставить—„не колеблясь насилію силу“, хотя-бы и въ такомъ чудовищномъ видѣ, какъ это сдѣлано въ положеніи о военно-полевыхъ судахъ? Когда „нагоняютъ страхъ“, не заботятся особенно о соотвѣтствіи „мѣропріятій“ современному правосознанію. Когда надо „дѣйствовать“, не до препирательствъ о вещахъ „спорныхъ“ и „относительныхъ“!.. Жестокость системы правительственнаго террора нерѣдко называютъ драконовскою. При этомъ не всегда отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, насколько далеко идетъ аналогія драконовскаго законодательства съ системой правительственнаго террора, по мнѣнію А. Гучкова, нисколько не подрывающаго довѣрія къ искренности либеральнаго реформаторства и конституціонализма столыпинскаго кабинета. Эта аналогія далеко не исчерпывается жестокостью, она идетъ гораздо глубже. У Георга Вебера встрѣчаемъ такую характеристику драконова законодательства: „Драконъ составилъ сводъ, написанный въ такомъ суровомъ духѣ, что жестокость его законовъ вошла въ пословицу. Объ нихъ говорили, что они написаны кровью“!.. (Г. Веберъ „Всеобщая исторія“, т. II „Исторія Эллинскаго народа“, стр. 238). „*Драконъ ставилъ опорою законнаго порядка только страхъ*“... „Достовѣрно то, что законы, обнародованные Драконом, имѣли своей цѣлью *предотвратить нововведенія*, удержать во всей стро-

гости старинныя отношенія между сословіями, начинавшія колебаться, были предназначены сохранить за судьями прежнюю силу, *давая имъ ужасающую власть казнить*". Не правъ-ли кн. Е. Трубецкой, говоря: „я думаю, что казни могутъ оправдывать только тѣ, кто руководствуется не доводами разсудка, а *чувствомъ мести*" и не возвратились-ли мы на 26 вѣковъ назадъ къ источнику, вдохновлявшему законодательство Дракона? Однако, тѣмъ, чья государственная мудрость исчерпывается въ трудную минуту внутренней жизни страны обращеніемъ къ ветхому деньми авторитету Дракона, не мѣшало-бы вспомнить и объ историческихъ судьбахъ вдохновляющаго ихъ авторитета. „Эвпатриды надѣялись, что законы Дракона удержатъ въ повиновеніи имъ народъ или даже *заставятъ его желать возвращенія къ прежнему порядку* суда, предоставлявшему судьямъ произволъ"... „Но народъ *не хотѣлъ возвратиться подъ иго произвола*. Возникли волненія"...

Грабительство и „революція"

„Новое Время" и подобные ему органы печати давно уже всякій грабежъ и всякое насиліе привыкли ставить на счетъ „революціи". Если, дѣйствительно, нѣкоторыя революціонныя организаціи. по большей части очень немногочисленныя по составу, изъ такъ-называемыхъ „откловшихся" или зеленые юноши изъ тѣхъ, которые лѣтъ 10 тому назадъ въ такомъ настроеніи путешествовали „въ Африку—или въ Америку",—занимались „экспропріаціями", то для всякаго искренняго публициста все-же очевидно было, что въ общемъ непомѣрное развитіе грабежей и насилій ничего общаго съ „революціей" не имѣетъ. Нѣкоторую связь съ ней еще можно было устанавливать въ общемъ нарушеніи психическаго равновѣсія, въ чрезвычайномъ обиліи малокультур-

ныхъ элементовъ, выбитыхъ изъ колеи смутнымъ временемъ,— мы имѣемъ въ виду многочисленные кадры безработныхъ, тысячи жертвъ стачекъ и забастовокъ, лишившихся своего заработка. Но не о такой отдаленной и косвенной связи грабительства съ „революціей“ говорятъ рептильные и оффиціозные публицисты. Они умышленно закрываютъ глаза на множество обнаруженныхъ фактовъ, когда именемъ „анархистовъ-коммунистовъ“ и т. п. прикрывались давно извѣстные полиціи профессіональные воры. Полиція, отвлеченная „политикой“ отъ своихъ обычныхъ обязанностей, ослабила свою бдительность въ отношеніи преступнаго міра. Достаточно было нѣсколькимъ дерзкимъ грабежамъ сойти удачно, чтобы возникла цѣлая эпидемія грабежей: ихъ легкая осуществимость была всенародно демонстрирована. Но вотъ въ Екатеринославѣ происходитъ нѣчто невѣроятное, что, впрочемъ, многими всегда подозрѣвалось при наличности „удачныхъ“ дерзкихъ грабежей. То же „Новое Время“, которое отожествляетъ грабежи съ „революціей“, сообщаетъ: „оказывается, что всѣ грабежи послѣдняго времени въ Екатеринославѣ производились при содѣйствіи сыскной полиціи“... Полиціймейстеру пришлось дѣлать публикацію: „Агенты сыскного отдѣленія, которые предъявляютъ карточки, удостовѣренныя бывшимъ начальникомъ сыскного отдѣленія Кацари и его помощникомъ Кнолемъ, должны быть обязательно арестованы и препровождены въ распоряженіе сыскного отдѣленія“. Нѣтъ никакихъ данныхъ для обобщенія екатеринославскаго инцидента, но все-же невольно рождается жуткій вопросъ: въ одномъ-ли Екатеринославѣ „грабежи послѣдняго времени“ имѣли такое происхожденіе? Гг. рептильные писатели, въ каждомъ грабежѣ и насиліи открывавшіе „революцію“, есть-ли у васъ еще совѣсть, чтобы покраснѣть?

„Реальный“ политикъ

Программа Столыпинскаго „либеральнаго“ кабинета, состоящая изъ заголовковъ тѣхъ законопроектовъ, которые озабачиваютъ кабинетъ, не могла и сама по себѣ возбудить радужныхъ надеждъ, въ сопровожденіи же чудовищнаго драконовскаго закона о военно-полевыхъ судахъ, создавшаго многоголовую диктатуру генералъ-губернаторовъ и главноначальствующихъ, являлось лишь новымъ доказательствомъ глубокаго разлада между властью, съ одной стороны, и обществомъ, съ другой. И если въ такой моментъ „общественный дѣятель“ А. И. Гучковъ счелъ нужнымъ высказать свое одобреніе правительственной программѣ, то этимъ онъ обнаружилъ только свое глубокое разобщеніе съ подлиннымъ общественнымъ мнѣніемъ. Внимательно анализируя „одобреніе“ Гучкова, мы прежде всего недоумѣваемъ, что больше вызываетъ симпатію „общественнаго дѣятеля“, заголовки озабачивающихъ министерство законопроектовъ или военно-полевые суды? Правда, въ этихъ заголовкахъ онъ умудрился увидѣть „систему положительныхъ мѣръ, несомнѣнно, прогрессивнаго характера“, а распоряженіе о военно-полевыхъ судахъ, на его взглядъ, „не должно подрывать довѣрія“ къ „системѣ“. Но никакихъ доказательствъ „несомнѣнности“ прогрессивнаго характера „системы заголовокъ“ г. Гучковъ не приводитъ, а о военно-полевыхъ судахъ говоритъ, что они могутъ оказаться „необходимыми“. Фраза, которая должна ослабить впечатлѣніе подобнаго „мнѣнія“—„все дѣло въ томъ, какая установится практика и носители этого страшнаго права должны сознавать ту громадную отвѣтственность, которая на нихъ возлагается“,—эта фраза звучитъ въ устахъ „общественнаго“ представителя такой наивностью, на какую едва-ли способенъ „реальный“ политикъ. Приходится предполагать лицемѣріе... „Общественный“ дѣятель долженъ отдавать себѣ совершенно ясный отчетъ въ

томъ, какою „практикою“ грозитъ странѣ военно-полевой „либерализмъ“ Столыпинскаго кабинета...

Свое письмо въ отвѣтъ кн. Е. Н. Трубецкому, выразившему недоумѣніе передъ „одобреніемъ“ правительственнаго сообщенія общественнымъ дѣятелемъ, Гучковъ заканчиваетъ чисто личнымъ обращеніемъ: „Вы можете быть призваны въ одинъ прекрасный день къ власти. И я думаю, что въ этой суровой школѣ реальной политической работы, вы научитесь иначе оцѣнивать многое и испытаете надъ собой власть того желѣзнаго закона государственной необходимости, который ради спасенія государства потребуетъ подъ часъ тяжкихъ жертвъ и нанесетъ неисцѣлимую рану прекрасному и чувствительному сердцу“.

На это „реальному“ политику, съ легкой ироніей относящемуся къ „прекрасному и чувствительному сердцу“, можно отвѣтить, что не всякій „призывъ къ власти“ долженъ быть принятъ. Кн. Е. Н. Трубецкой уже однажды отрекся отъ власти, не принявъ портфеля министра народнаго просвѣщенія изъ рукъ графа Витте. „Желѣзный законъ государственной необходимости“, вынуждающій обратиться къ дѣйствію „военно-полевыхъ судовъ“, существуетъ лишь для представителей того „реализма“, яркимъ образцомъ котораго является москвичъ А. И. Гучковъ... Выходъ изъ „союза 17 октября“ Д. Н. Шипова и открещеніе отъ взглядовъ Гучкова комитета „союза“ убѣждаютъ, что въ широкихъ общественныхъ кругахъ подобный реализмъ не встрѣчаетъ симпатій. Утверждая, что стремленіе „изолировать правительство“ „входитъ въ задачу“ однѣхъ только радикальныхъ партій, А. И. Гучковъ „изолировалъ“ самого себя...

20 сентября 1906 года

Выходъ Д. Н. Шипова изъ состава членовъ пресловутаго „союза 17 октября“ въ связи со всѣми подробностями обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ выходъ, пріобрѣлъ громадное политическое значеніе. Недаромъ иностранныя посольства въ С.-Петербургѣ цѣликомъ передавали по телеграфу своимъ правительствамъ письмо Д. Н. Шипова и отвѣтъ кн. Е. Н. Трубецкого А. И. Гучкову. Д. Н. Шиповъ и кн. Е. Н. Трубецкой извѣстны всему міру какъ умѣренностью своихъ соціально-политическихъ убѣжденій, такъ равно и высокимъ подъемомъ ихъ общественно-политической этики. Ни въ узкой партійности ни въ тайномъ сочувствіи ужасамъ анархической революціи обвинить ихъ немыслимо. Ихъ голосъ пріобрѣтаетъ значеніе неподкупнаго свидѣтельства о настроеніи умѣренныхъ, среднихъ культурныхъ слоевъ общества. И вотъ по центральному вопросу современности по вопросу объ отношеніи общества къ нынѣшнему правительству, этотъ голосъ ясно и категорически открещивается отъ всякой возможности быть солидарнымъ съ министерствомъ. Д. Н. Шиповъ въ своемъ письмѣ объясняетъ причину этой невозможности: она въ томъ, что нынѣшнее министерство создалось „на почвѣ конфликта переживающаго себя бюрократическаго режима съ народнымъ представительствомъ“. На этомъ министерствѣ лежитъ отвѣтственность за „развитіе деморализаціи и одичанія въ обществѣ“. Ясно, что голосъ *подобнаго* осужденія для столыпинскаго кабинета опаснѣе, нежели удары слѣва: противъ этого голоса, голоса общественнаго мнѣнія страны, безсильны военно-полевые суды. А. И. Гучковъ оказалъ своей „реальной“ политикой крупную услугу освободительному движенію: онъ обнаружилъ передъ лицомъ всего міра, насколько „изолировано“ „правительство роспуска Государственной Думы“. Его ведетъ на помочахъ воинственный „союзъ русскаго народа“, что угрожаетъ странѣ кровавой

анархіей. „Государственная мудрость“ Гучкова въ погонѣ за „реализмомъ“ не видитъ этой страшной опасности... У столыпинскаго кабинета былъ благопріятный моментъ для примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ: трагедія на Аптекарскомъ островѣ потрясла ужасомъ и, если-бы кабинетъ отвѣтилъ на нее великодушнымъ признаніемъ ошибки роспуска Думы и возстановилъ скорѣе функціонированіе народнаго представительства, онъ завоевалъ-бы прочныя симпатіи. Но... „великодушіе“ кабинета дало военно-полевые суды!.. Д. Н. Шиповъ вполнѣ правъ, предрекая, что „путь усиливающихся репрессій является для настоящаго министерства неизбѣжнымъ“. А. И. Гучковъ полагаетъ, что къ этому вынуждаетъ „желѣзный законъ Государственной необходимости“, какія-бы раны это не наносило „прекрасному и чувствительному сердцу“ Д. Н. Шиповъ и А. И. Гучковъ, недавніе союзники и лидеры „союза 17 октября“, говорятъ на разныхъ языкахъ. Какой изъ этихъ языковъ передаетъ въ истинномъ свѣтѣ общественное настроеніе, въ этомъ не можетъ возникать никакихъ сомнѣній. Но это не значитъ, что общество склонно къ доктринерству и лишено чувства дѣйствительности: гучковскій „реализмъ“ въ видѣ тѣхъ выводовъ, которые онъ дѣлаетъ изъ открытаго имъ „желѣзнаго закона“,— есть клевета на тотъ здоровый и необходимый реализмъ, безъ котораго немыслимъ успѣхъ въ политикѣ.

---

22 сентября

„Конституціонное“ министерство, все болѣе и болѣе обнаруживающее склонность оказывать покровительство не только антиконституціонному, но и противо-общественному черносотенному „союзу русскаго народа“, до сихъ поръ хранитъ полное молчаніе на счетъ срока выборовъ въ Государственную Думу. Глава кабинета „либеральный“ и „истинно

конституціонный“ (или разумно-конституціонный“)—г. Столыпинъ въ частномъ разговорѣ, правда, еще недавно выражалъ увѣренность въ томъ, что помѣшать собраться Государственной Думѣ 20 февраля могло-бы развѣ землетрясеніе. Увы, общество въ гордой увѣренности премьера не видитъ никакихъ гарантій устойчивости правительственнаго курса, не говоря уже о томъ, что оно не склонно вѣрить въ конституцію, насаждаемую при помощи военно-полевыхъ судовъ. И „Рѣчь“, не безъ основанія, указываетъ на то, что „опасная игра“ съ открытымъ развитіемъ хулигански-черносотенной агитаціи „истинно-русскихъ“ грозитъ вещами „похуже землетрясенія“... Тѣмъ не менѣе, при всей неопредѣленности даже самаго ближайшаго будущаго, вопросъ о новыхъ выборахъ въ Государственную Думу не можетъ не привлекать общественнаго вниманія. Вопросу этому, ежду прочимъ, посвящена статья М. Славинскаго въ № 63 газеты „Товарищъ“. Разсматривая возможные результаты выборовъ, въ предположеніи, что „избирательная кампанія пройдетъ при прежней избирательной системѣ и при возможномъ для обычнаго воображенія maximum'ѣ „репрессіи“, г. Славинскій приходитъ къ выводу, что „будущая Государственная Дума будетъ либо оппозиціонная, весьма лѣвая, не правѣе к.-д. партіи, либо,—можетъ случиться и это,—ея вовсе не будетъ“. Такой выводъ, съ нашей точки зрѣнія, неоспоримъ и намъ даже кажется, что основаній для него больше, чѣмъ въ расчетахъ г. Славинскаго. Такъ, г. Славинскій, исходя изъ извѣстныхъ фактовъ поворота вправо въ земскихъ кругахъ, думаетъ, что „въ губернскія избирательныя собранія, надо полагать, землевладѣльцы пошлютъ компактную массу выборщиковъ, опредѣленно-окрашенныхъ въ цвѣта, не краснѣе А. И. Гучкова. Безъ помощи репрессіи землевладѣльческая курія дастъ угодныхъ правительству выборщиковъ“. Увы, правительство и на это надѣяться не можетъ. Составъ уѣздныхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ для выборовъ въ губернскія избиратель-

ныя собранія (при выборахъ въ Государственную Думу по закону 11 декабря 1905 г.) далеко не совпадаетъ съ составомъ тѣхъ съѣздовъ землевладѣльцевъ, на которыхъ избираютъ земскихъ гласныхъ. Сословности, положенной въ основу избирательной системы земскаго положенія, не знаетъ избирательный законъ 11 декабря. И мелкіе землевладѣльцы, посылая своихъ уполномоченныхъ на уѣздные избирательные съѣзды землевладѣльцевъ, зачастую рѣшаютъ исходъ выборовъ на этихъ послѣднихъ. Такъ было при выборахъ въ первую Государственную Думу, такъ должно быть и въ предстоящей избирательной кампаніи. Уѣздные съѣзды землевладѣльцевъ посылали въ губернскія избирательныя собранія выборщиковъ, принадлежащихъ къ конституц.-демократ. партіи и болѣе лѣвыхъ не потому, что землевладѣльцы были „болѣе или менѣе разрознены“, а потому, что въ уѣздныхъ избирательныхъ съѣздахъ землевлад. большинство голосовъ принадлежало не крупному землевладѣнію, а уполномоченнымъ отъ мелкопомѣстныхъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ крестьянамъ и отчасти такъ называемому „третьему“ элементу. И нельзя сомнѣваться, что именно въ эту сторону будутъ направлены реформы избирательной системы, если хватитъ „дерзновенія“ въ такой мѣрѣ не считаться съ „основными законами“, къ чему съ такимъ усердіемъ призываютъ рептильные публицисты оффиціозной „Россіи“ и, всегда состоящаго „въ услуженіи“ „Новаго Времени“. О, для успѣха даже въ землевладѣльческой куріи „окраски“, „не краснѣе“ А. И. Гучкова“, нужны еще реформы, которыхъ не произвести безъ нарушенія „основныхъ законовъ“... Оригинальную черту переживаемаго политическаго момента составляетъ то обстоятельство, что и въ избирательномъ законѣ 11 декабря и въ „основныхъ законахъ“, вызывавшихъ такую рѣзкую и справедливую критику оппозиціонной мысли, нынѣ приходится видѣть гарантію русской конституціи. Противъ необходимости считаться съ ними энергично возстаютъ всѣ сторон-

ники государственнаго переворота справа—и тѣ, которые ничѣмъ не прикрываютъ своихъ вожделѣній, и тѣ, которые еще считаютъ нужнымъ носить, такъ неидущую къ нимъ, конституціонную маску...

Утверждаемъ, что безъ перемѣнъ избирательной системы, хотя-бы репрессія превысила все доселѣ испытанное русскимъ народомъ, Дума будетъ оппозиціонная. И именно потому приходится присоединять: „либо, — можетъ случиться и это,— ея вовсе не будетъ“... Но не созиждутъ себѣ торжества на этой возможности „истинно- русскіе“ враги обездоленнаго народа русскаго: „свобода не умираетъ въ гробу“!..

О тактическихъ вопросахъ

Съ разныхъ сторонъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія неоднократно дѣлались попытки доказать, что к.-д. партія лишена внутренняго единства и что силой, сплачивающей ея неоднородные по своему настроенію и тактическимъ склонностямъ элементы, является единственно реакціонная политика правительства, заставляющая забывать о частичныхъ, хотя-бы и глубокихъ разногласіяхъ передъ лицомъ общаго врага. Каждый разъ партійные съѣзды встрѣчались ожиданіями неизбѣжнаго раскола въ партіи, при чемъ даже опредѣленно указывалось, что „провинціалы“ много „лѣвѣе“ руководителей партіи и ихъ оппозиціонное настроеніе не можетъ не разорвать стѣснительныхъ рамокъ тактическаго опортунизма, свойственнаго будто-бы центральному комитету партіи. Когда эти ожиданія не сбывались, одни говорили, что расколъ предотвращенъ стараніями правительства, другіе склонны были все объяснить „ловкостью“, съ какой центральный комитетъ обходитъ наивныхъ провинціаловъ“... Опасность, представляемая реакціоннымъ правительствомъ, откровенно покровительствующимъ партіямъ государственнаго переворота справа,

на нашъ взглядъ, недостаточно учитывается въ практикѣ освободительной борьбы и не мы станемъ возражать противъ необходимости общественной солидарности и согласованности партійныхъ дѣйствій... Что-же касается тактическихъ разнотеченій въ к.-д. партіи и раздѣленія ея на „лѣвыхъ“ („провинціаловъ“) и „правыхъ“, то мы должны признать, что имѣемъ здѣсь дѣло главнымъ образомъ съ нѣкоего рода увѣренностью „въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ-бы въ настоящемъ“... Опирается подобная увѣренность на поверхностное пониманіе тактическихъ проблемъ и безнадежно спутанное представленіе о соотвѣтствіи извѣстному градусу оппозиціоннаго „настроенія“—извѣстной тактической рѣшительности, „быстроты и натиска“, вѣроятно, по принципу—„смѣлость города беретъ“... Для всѣхъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ настроеніемъ провинціи за послѣдніе годы, вопросъ о степени его оппозиціонности не представляется сколько-нибудь острымъ или даже стоящимъ подъ знакомъ вопроса. Никакихъ компромиссовъ съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ это настроеніе не допускаетъ и „дешевле“ установленія демократическаго конституціонно-парламентарнаго строя, т. е. торжества идеи народовластія—не помирится. Политическая мысль провинціи волнуется преимущественно не вопросами программы, а вопросами тактики. Какъ достигнуть осознанныхъ идеаловъ государственнаго устройства, какъ установить свободы? На партійномъ съѣздѣ рѣчи провинціальныхъ делегатовъ могутъ брать болѣе или менѣе раздраженный тонъ, смотря по тому, откуда пріѣхалъ тотъ или иной делегатъ. И по мѣрѣ того, какъ сравнительно благополучныя мѣстности становятся болѣе или менѣе рѣдкими, рѣдко можно слышать спокойный и уравновѣшенный тонъ... Люди съ разбитыми нервами не говорятъ спокойно! Успѣхъ и вліяніе к.-д. партіи создались тѣмъ, что борьбу за торжество демократическаго конституціонно-правового строя она сумѣла опереть на реалистическихъ основахъ. Ея тактическія

директивы обезпечили ей успѣхъ не менѣе, чѣмъ тѣ идеалы, которые суммировала партійная программа. Бунтующее чувство недовольства и ненависти къ отжившему режиму нашло въ тактикѣ, усвоенной партіей цѣлесообразное и доступное широкимъ слоямъ населенія средство борьбы. При постановкѣ тактическихъ директивъ невозможно не считаться съ настроеніемъ, но прежде всего тактика, какъ форма, какъ средство для достиженія, должна быть цѣлесообразна, т. е. строго взвѣшена. Повторять одно—Carthago delenda est!—еще не значитъ дать тактику, не значитъ указать средство къ разрушенію Карѳагена. И все то, что затемняетъ взвѣшиваніе цѣлесообразности тактическихъ пріемовъ, уменьшаетъ шансы успѣха. Нельзя отрицать, что, отдавшись настроенію, можно произнести гнѣвную филиппику, исполненную красоты негодованія и протеста, но, чтобы это само по себѣ обезпечивало успѣшный выборъ тактическаго средства, этого утверждать нельзя. Тактика настроенія можетъ оказаться очень нераціональной, нецѣлесообразной тактикой. Естественно, что все то, что повышаетъ импульсивныя движенія, понижаетъ спокойное взвѣшиваніе данныхъ, можетъ очень невыгодно отражаться на цѣлесообразности тактики. При обсужденіи тактики и при установленіи директивъ партійнаго поведенія очень опасно отдаваться во власть „настроеніямъ“... Въ концѣ-концовъ въ спокойной обстановкѣ партійнаго съѣзда это даже до извѣстной степени и неумѣстно. Каждый дѣлаетъ выборъ тактики, соотвѣтствующей его пониманію цѣлесообразности. Какъ-бы ни была рѣшительна тактика какой-либо партіи, надо думать, она принимается ею въ сознаніи ея наибольшей цѣлесообразности, т. е. по обсужденіи. А значитъ, всякій, принявшій извѣстную тактику, разсуждаетъ и ужасы дѣйствительности проходятъ черезъ его сознаніе, приводя къ тѣмъ или другимъ *выводамъ*. Безъ разсужденій и выводовъ принимается только кульминаціонная по напряженности тактика настроенія—тактика отчаянія. Значитъ, даже самыя крайнія

тактическія рѣшенія по настроенію принципіально равноцѣнны рѣшеніямъ болѣе умѣреннымъ,—различны лишь *оцѣнки* цѣлесообразнаго. Нельзя оспорить того, что чувство и настроеніе самыя пламенныя могутъ найти иногда выходъ во внѣшне-умѣренномъ тактическомъ рѣшеніи. Послѣ всего сказаннаго понятно, какъ мало высокій тонъ настроенія въ рѣчахъ провинціальныхъ делегатовъ на съѣздѣ партіи можетъ говорить о ихъ „лѣвости"... Если съ развиваемой нами точки зрѣнія на условія обсужденія тактическихъ пріемовъ посмотрѣть на извѣстное выборгское воззваніе, то придется прежде всего установить всю ненормальность, можно сказать совершенно исключительную, при которой обсуждался вопросъ, какъ отвѣтить на покушеніе противъ народнаго представительства. Кромѣ того, мѣра, на которой останавливалось выборгское совѣщаніе, не была тактической директивой той или иной партіи, это было *дѣйствіе* народныхъ представителей, удачное или неудачное,—это уже для насъ въ данный моментъ посторонній вопросъ. Совершенно иначе вопросъ о директивахъ выборгскаго воззванія ставился на партійномъ съѣздѣ к.-д. въ Гельсингфорсѣ. Здѣсь вопросъ шелъ исключительно о тактикѣ партіи и, значитъ, прежде всего должны были быть соблюдены всѣ условія, необходимыя для правильной оцѣнки тактическихъ пріемовъ. На съѣздѣ въ Гельсингфорсѣ намъ быть не пришлось, но до съѣзда мы имѣли возможность лично узнать настроеніе и отношеніе провинціи къ выборгскому воззванію (оговариваемся, что кругъ или, лучше сказать, пространство нашихъ наблюденій сравнительно ограничено). Въ провинціи сразу-же высоко оцѣнили *принципіальную* сторону выборгскаго воззванія, т. е. готовность защищать народное представительство даже разрывомъ исключительно со строго конституціонными средствами и вступленіемъ на путь пассивнаго сопротивленія. Но намъ не приходилось слышать двухъ различныхъ мнѣній о практической осуществимости выборгскихъ рѣшеній теперь же. И намъ былоочевидно,

что съѣзду партіи ничего не остается сдѣлать, какъ признать осуществленіе выборгскихъ рѣшеній нынѣ непріемлемымъ. Другое рѣшеніе, дѣйствительно, вызвало-бы даже не расколъ, а полное распаденіе партіи. Мы не беремся судить, насколько въ Гельсингфорсѣ провинціальные делегаты отчетливо и полно дали картину провинціальнаго настроенія, но живая дѣйствительность говоритъ намъ громче рѣчей, передающихъ разнообразныя впечатлѣнія. Многимъ то, что диктовалось необходимостью, казалось отказомъ отъ чего-то, отступленіемъ, почти что измѣной... Рѣшеніе не могло не быть тяжелымъ, ибо изъ тяжелаго положенія нѣтъ легкаго выхода. Но тяжелое положеніе партіи являлось лишь отраженіемъ тяжелаго положенія страны. А въ этомъ послѣднемъ повинна не партія, полагающая всѣ свои силы на то, чтобы вывести страну на путь мирнаго, демократическаго развитія. Гельсингфорское рѣшеніе съ чувствомъ удовлетворенія принято въ провинціи. У к.-д. партіи всѣми силами стараются вырвать почву изъ подъ ногъ: однако, все, что сдѣлано въ этомъ направленіи съ успѣхомъ, идетъ не на пользу отжившему режиму, защищаемому лишь „истинно-русскими“ врагами свободы русскаго народа. Партія-же к.-д. не сложитъ своего оружія и будетъ бороться въ увѣренности на конечную побѣду, говоря—Dum spiro spero!

IV

Очерки крестьянскихъ настроеній

(Избирательная кампанія, изъ земскихъ впечатлѣній, аграрные процессы)

Изъ крестьянскихъ настроеній

Въ Государственной Думѣ съ парламентской трибуны г. Заболотный завѣрялъ, что онъ говоритъ отъ имени трехмилліоннаго населенія избравшей его Каменецъ-Подольской губерніи. Говорили и сильнѣе,—„за нами пойдутъ 100 милліоновъ русскаго народа“... Когда кто-то изъ крестьянъ-депутатовъ въ отвѣтъ на подобныя рѣчи заявилъ, что онѣ умѣстны на митингахъ, но неудобны въ Государственной Думѣ, многимъ, вѣроятно, показалось, что выступаетъ кто-либо изъ Ерогинскихъ крестьянъ (можетъ быть, такъ это и было) или изъ такъ называемыхъ „безпартійныхъ“. Слѣдовало бы, однако, отрѣшившись отъ того, кто и для чего выступилъ съ такимъ расхолаживающимъ заявленіемъ, отнестись къ нему серьезно, ибо зерно протеста противъ огульнаго, чисто словеснаго бросанія въ пространство безсодержательныхъ и бездоказательныхъ утвержденій — въ этомъ заявленіи было вполнѣ здоровымъ. Вопросъ о настроеніи страны, настроеніи широкихъ массъ народа является однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ при установленіи той политической тактики, которая для даннаго момента должна быть признана наиболѣе цѣлесообразной. Въ наши дни такъ часто противополагаютъ революціонную тактику тактикѣ умѣренной и аккуратной, осторожной. Не говоря уже о томъ, что единой „революціонной тактики“ на дѣлѣ не оказывается, а есть ихъ, по меньшей мѣрѣ, три, при чемъ сторонники каждой изъ нихъ увѣрены въ достоинствахъ своей тактики и преисполнены презрѣнія къ тактикѣ чужой, стоитъ только, оцѣнивая вещи

по существу, а не по показной внѣшности, вникнуть въ содержаніе нѣкоторыхъ революціонныхъ лозунговъ, какъ окажется, что ихъ революціонная сущность весьма условна и относительна. Въ пониманіи того, что является революціоннымъ, многіе до сихъ поръ напоминаютъ того прокурора, о которомъ Лассаль говорилъ: „онъ не можетъ прочесть слово „революція“ безъ того, чтобы воображенію его не представились поднятыя вверхъ вилы“. Пристрастіе къ революціонному слову дошло до того, что нѣкоторые публицисты уже обѣщаютъ защищать дѣло народа не только согласно голосу убѣжденія и совѣсти, но „согласно голосу убѣжденія и *революціонной* совѣсти.“ (В. Черновъ, „Дѣло народа“, № 8). Видя въ тактикѣ лишь средство для достиженія поставленныхъ цѣлей, мы полагаемъ, что она будетъ тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ болѣе окажется гибкой и способной приспособляться къ конкретной обстановкѣ и сообразоваться съ дѣйствительнымъ настроеніемъ страны. Разрѣшать вопросъ о настроеніи страны по своему субъективному настроенію, по настроенію передовыхъ элементовъ городского населенія, по письмамъ изъ провинціи, кѣмъ-то отъ кого-то полученнымъ, едва-ли возможно. Настроеніе страны должно быть изучено на основаніи доподлинныхъ фактовъ и живыхъ наблюденій.

Предлагаемыя бѣглыя замѣтки имѣютъ въ виду сообщеніе нѣкоторыхъ фактовъ и наблюденій изъ крестьянскихъ настроеній на Украинѣ, по необходимости отрывочныхъ. У пишущаго эти строки имѣются въ этомъ отношеніи два ряда наблюденій: первый изъ нихъ составился изъ соприкосновенія съ крестьянской средой въ экономическихъ совѣтахъ, земскихъ совѣщаніяхъ, предвыборныхъ и избирательныхъ собраніяхъ и т. п. Другой основанъ на впечатлѣніяхъ такъ называемыхъ аграрныхъ процессовъ, въ которыхъ намъ приходилось выступать въ качествѣ защитника.

Засѣданія экономическаго совѣта съ представителями отъ волостей всего уѣзда, пріѣхавшими по приглашенію уѣздной

земской управы, происходили 1-го и 7 Августа и 2 Октября 1905 г. Въ первомъ засѣданіи предметомъ бесѣды былъ аграрный вопросъ, по которому однимъ изъ земскихъ гласныхъ сдѣланъ былъ обстоятельный докладъ. За докладомъ послѣдовали весьма продолжительныя пренія, участіе въ которыхъ принимали очень многіе крестьяне. Закончилось засѣданіе принятіемъ цѣлаго ряда резолюцій, въ общемъ вполнѣ совпадающихъ съ нынѣшней программой к.-д. партіи, но въ нѣкоторыхъ пунктахъ вносящихъ болѣе деталей и конкретности. Очень характерно при этомъ то, что сами-же крестьяне не выдвинули на первый планъ вопроса о землѣ, а потребовали, чтобы первымъ пунктомъ резолюцій было требованіе общаго гражданскаго равноправія и уничтоженіе сословій. „Перш усього — говорилъ одинъ ораторъ — скасувати сословія, потім ота конституція—„всеобщее, равное, прямое і тайное голосованіе“, тоді і земля буде, а не буде сього, то і землі не буде, і нічого сього і писати не треба!!“. Была сдѣлана попытка отстоять „литературность“ написанныхъ резолюцій, которая, какъ казалась нѣкоторымъ, требовала иного размѣщенія матеріала. Но крестьяне категорически потребовали „витягти про равноправіе і поставити наперед“, говоря, что иначе „нічого писать не треба“.

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю экономическій совѣтъ (7-го августа) въ томъ же составѣ уже обсуждалъ Манифестъ 6 августа и Учрежденіе Государственной Думы. Всѣ недостатки Булыгинской Думы были подробно разъяснены, но крестьяне сразу стали на точку зрѣнія необходимости использовать Думу для желательныхъ имъ цѣлей. Сразу-же у нихъ явилась полная увѣренность въ возможности прійти къ удовлетворенію своихъ нуждъ черезъ Думу. „Законосовѣщательность“ ихъ очень мало смущала. „Коли царь зове представителей—говорили крестьяне—то звісно і зробить усе так, як ті представителі скажуть“... „Як-би не хотіли зробити того, чого захоче народ, то на-що-б звали представителей?“... Уже

7-го августа мы убѣдились, въ какой мѣрѣ непріемлема для деревни оказалась бы тактика такъ называемаго бойкота. Въ послѣдующемъ это убѣжденіе только окрѣпло. Когда крестьянамъ говорили о существованіи этой тактики, они относились къ ней, какъ къ чему-то въ высшей степени несерьезному. И, если-бы тактика бойкота имѣла какіе-нибудь шансы помѣшать созыву Думы, никакими силами изъ убѣжденія крестьянъ нельзя было-бы уничтожить увѣренности въ томъ, что это происки „панів", боящихся потери земли. А между тѣмъ лозунгъ бойкота считался въ свое время наиболѣе революціоннымъ лозунгомъ!..

Вѣра въ Думу съ теченіемъ времени только росла и крѣпла. Уже передъ самымъ Рождествомъ состоялось экстренное земское собраніе, которое должно было разсмотрѣть вопросъ о предполагавшемся расширеніи операцій Крестьянскаго Банка и объ образованіи для сего комиссій при участіи земства и представителей населенія. Уѣздная управа пригласила опять для разсмотрѣнія вопроса въ комиссіи уполномоченныхъ отъ всѣхъ волостей уѣзда. И вотъ эти уполномоченные въ одинъ голосъ сказали: „не треба ніякихъ комісій, багато жили в ярмі, як-небудь доживемо до Думы, нехай Дума рішатиме аграрний вопрос. Не маємо віри правительству Дурново та Трепова, нехай зробить народнє діло Дума". „У нас—заявилъ одинъ уполномоченный—не хотіли і вибірати, казали: виберемо в Думу; потімъ тільки на те й вибрали, щоб сказати — не треба нічого, нехай збіраютъ швидче Думу"...

Позднѣе на предвыборныхъ собраніяхъ намъ пришлось еще разъ убѣдиться въ чрезвычайныхъ ожиданіяхъ крестьянства, обращенныхъ къ Думѣ. Ожиданія эти основывались, главнымъ образомъ, все на той-же мысли: „коли зовутъ представителей, то певне і зроблять так, як представителі скажутъ". Мысль эта заставляла весьма тщательно относиться къ выборамъ. Установилось убѣжденіе, что необходимо из-

брать самыхъ бѣднѣйшихъ, по возможности безземельныхъ крестьянъ,—„ці—говорилось—усі крестьянскі нужди знаютъ". Регистрація крестьянскихъ нуждъ — въ этомъ, по мнѣнію большинства крестьянъ, единственная задача Думы. Съ исчерпывающей полнотой, въ конкретной, но образной обрисовкѣ на предвыборныхъ собраніяхъ излагали ораторы изъ крестьянъ свои нужды. Въ избирательномъ законѣ, если что не нравилось крестьянамъ, то никакъ не степенность; необходимость прямыхъ выборовъ разъяснялась подробно, между прочимъ и пишущимъ эти строки, съ нею соглашались, но чисто теоретически, относясь къ ней въ сущности довольно равнодушно, весьма много и горячо говорили крестьяне о томъ, что каждая волость должна быть представлена. Возможность же такого исхода выборовъ, что и уѣздъ останется безъ представителя, прямо удручала. „Тоді про насъ зовсім забудуть у Думі". Желаніе имѣть своего представителя объяснялось не только тѣмъ, что въ лицѣ его будетъ ходатай за своихъ, но и тѣмъ чувствомъ отвѣтственности, которымъ представитель будетъ связанъ со своими избирателями—земляками изъ одной волости. „Як він у думі всього про наші нужди не скаже, то йому до дому хоч і не вертатись"... Стремленіе имѣть представителя непремѣнно отъ своей волости на съѣздахъ землевладѣльцевъ, гдѣ, обыкновенно, значительно преобладали крестьяне, какъ уполномоченные отъ мелкопомѣстныхъ, приводило къ тому, что выборы всегда были подъ угрозой не дать никакихъ результатовъ. Представители каждой волости клали избирательные шары только своимъ кандидатамъ. Въ Черниговскомъ уѣздѣ это и привело къ тому, что никто не былъ избранъ и уѣздъ остался безъ представительства на губернскомъ избирательномъ собраніи. Забаллотированнымъ оказался даже извѣстный земскій дѣятель В. М. Хижняковъ, блестяще избранный уполномоченнымъ отъ мелкопомѣстныхъ въ своей волости. Убѣдить отказаться отъ волостного сепаратизма всегда стоило большихъ трудовъ.

Послѣ цѣлаго дня предвыборнаго совѣщанія приходилось слышать предложеніе такой системы выборовъ: „Поставим на ящиках по одному од волости—десять ящиків, а там (выбрать надо было всего 4-хъ), кого Бог на шарахъ витягне". Преобладало стремленіе выбирать исключительно крестьянъ. Рѣзко звучали ноты не столько классоваго, сколько сословнаго недовѣрія. Сознаніе, что къ избираемымъ должны быть предъявлены требованія — быть способными къ той работѣ, которую должна совершить Дума, почти отсутствовало. Задача Думы, какъ выше уже сказано, понималась не въ смыслѣ законодательной работы. „Бідний краще роскаже про те, що у його болить". Сословная презрительность въ отношеніи помѣстнаго дворянства цѣликомъ переносилась и вообще на интеллигенцію. Рѣчи, произносимыя на предвыборныхъ собраніяхъ, выслушивались съ большимъ вниманіемъ, по поводу ихъ спрашивались разъясненія и дополненія. Но самыя горячія рѣчи не завоевывали полнаго довѣрія, причину чему одинъ изъ крестьянъ прекрасно выяснилъ въ простодушномъ вопросѣ: „Чого се нам до сього часу про все це ніколи не казали"?..

Приходилось выяснять политическія условія, создавшія между народомъ и интеллигенціей китайскую стѣну. Какъ только условія эти начали мѣняться, употреблены были всѣ усилія къ открытому распространенію въ населеніи уѣзда соціально-политической литературы въ сравнительно широкихъ размѣрахъ. Къ участію въ земскихъ экономическихъ совѣтахъ, обсуждавшихъ очередныя соціально-политическія задачи, приглашены были представители крестьянства. Экономическіе совѣты имѣли значительный успѣхъ и, если среди уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ почти не было лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ этихъ совѣтовъ, то это объясняется исключительно тѣмъ, что наиболѣе сознательные изъ нихъ ко времени выборовъ были „изъяты

изъ обращенія" *). Уѣздный комитетъ конституціонно-демократической партіи принялъ довольно энергичныя мѣры къ распространенію партійной литературы, на предвыборныхъ же собраніяхъ всѣмъ избирателямъ были розданы программа партіи и брошюра „Чего хочетъ к.-д. партія". Созданное вѣками разобщеніе между народомъ и интеллигенціей не такъ легко сразу уничтожить, оно исчезнетъ только съ полнымъ паденіемъ, пока все еще сильнаго полицейски-бюрократическаго режима. И было бы тенденціозностью или слѣпотой сводить отмѣченное явленіе чуть-ли не къ сознательному проявленію „классовой борьбы".

Имѣли нѣкоторые шансы на успѣхъ кандидатуры тѣхъ не крестьянъ, которые пользовались въ уѣздѣ извѣстностью своимъ доброжелательнымъ отношеніемъ къ крестьянству. Земская дѣятельность въ очень рѣдкихъ случаяхъ служила къ извѣстности и популярности дѣятеля. Очень укрѣпляло симпатіи избирателей извѣстіе объ административныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ кандидатъ подвергался или подвергся. „Вже коли пострадав за народ, то мабуть щирий чоловік". Вынося на себѣ всю тягость безудержныхъ и произвольныхъ административныхъ воздѣйствій, крестьянство невольно симпатизируетъ тѣмъ, кто идетъ въ разрѣзъ съ „видами" администраціи.

Представители к.-д. партіи на предвыборныхъ собраніяхъ открыто заявляли о своей принадлежности къ ней, развивали объясняли и защищали партійную программу, а также выставляли свою кандидатуру въ выборщики, какъ кандидатуру партійную. Достигнутые результаты надо признать вполнѣ удовлетворительными: изъ 4-хъ выборщиковъ отъ уѣзда — были избраны два конституціоналиста-демократа (1 дворянинъ и другой, по происхожденію крестьянинъ, представитель третьяго земскаго элемента) и два безпартійныхъ

*) Способъ, которымъ было произведено „изъятіе", виденъ изъ помѣщаемой ниже замѣтки „Мертвыя души".

крестьянина. При этомъ слѣдуетъ помнить, что въ составѣ избирательнаго съѣзда изъ 78 голосовъ — 62 принадлежали крестьянамъ.

Связавъ въ настоящее время всѣ свои надежды съ Государственной Думой, крестьянство опредѣленно и довольно категорически формулируетъ свои нужды. Но весьма ошибся бы тотъ, кто думалъ бы, что, опираясь на эту опредѣленность и категоричность, возможно пользоваться одобреніемъ крестьянства за *всякое* рѣзкое выступленіе. Компромиссовъ по существу крестьянство не допускаетъ, но, не имѣя почти никакого понятія объ условіяхъ политической жизни и функціяхъ законодательнаго механизма, оно создаетъ себѣ весьма примитивное и крайне упрощенное представленіе о политической борьбѣ и работѣ въ Думѣ. Въ конфликтѣ Думы съ правительствомъ крестьянство только тогда будетъ на сторонѣ Думы, если конфликтъ будетъ ему до осязательности понятенъ и произойдетъ на почвѣ основныхъ народныхъ требованій. Всякую рѣзкость и требовательность *тона* крестьянство сурово осудитъ. Когда на предвыборномъ собраніи, на которомъ изъ 78 избирателей 62 избирателя были крестьяне, кто-то сказалъ о возможности разгона Думы, то ораторы изъ крестьянъ заговорили о томъ, что „коли Царь зове на работу, то треба робити смирно, тоді й не разгонять". Указаніе на возможный тормазъ работѣ Думы, въ лицѣ Госуд. Совѣта, вызвало замѣчаніе: „треба постаратись робити з Государственним Совітом разом, не задираючись. Коли будуть робити те, що потрібно народові, ніякий Совіт не стане на дорозі. Совіт мусить згодитись на те, чого захоче народ". Въ печати уже высказывались нареканія на Думу за перерывъ въ засѣданіяхъ ея на одинъ день для представленія Предсѣдателя Государю, высказывали упреки Муромцеву за посѣщеніе 6 мая Петергофа. Мы утверждаемъ, что, если-бы это не было сдѣлано, то широкія массы крестьянскаго населенія опредѣленно истолковали бы непріемъ думской депу-

таціи съ отвѣтнымъ адресомъ. Если что-либо возможно объяснить широкимъ массамъ крестьянства по части фактическаго соотношенія силъ и дѣйствительнаго смысла государственныхъ учрежденій, то только методомъ предметнаго преподаванія. За послѣдній годъ крестьянство измѣнилось до неузнаваемости, развитіе его шло и идетъ гигантскими шагами, но все же политическое сознаніе широкихъ массъ крестьянства еще достаточно примитивно. Какимъ оружіемъ разрѣшится въ концѣ,-концовъ дѣло русскаго освобожденія, еще предсказать невозможно, но для того, чтобы въ рѣшающій моментъ крестьянство сознательно было на сторонѣ борцовъ за освобожденіе народа, необходимо, чтобы вся нынѣшняя политическая тактика и особенно позиція, занимаемая Гос. Думой, сообразовались съ нынѣшнимъ уровнемъ крестьянскаго политическаго развитія и настроенія. Нерѣдко способствовать политическому развитію и подъему настроенія крестьянства можно гораздо болѣе ходомъ по внѣшности самымъ умѣреннымъ и осторожнымъ, нежели активнымъ выступленіемъ подъ знаменемъ самыхъ боевыхъ лозунговъ. Революціонная фраза безсильна производить въ крестьянствѣ эффектъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ и способна вызывать на эксцессы. Но за эксцессами, обыкновенно, слѣдуютъ полный упадокъ настроенія и весьма длительная реакція. И происходитъ это независимо отъ тѣхъ репрессій, которымъ населеніе подвергается послѣ всякихъ эксцессовъ. Мы знаемъ случай—въ районѣ нашихъ наблюденій, — когда вслѣдъ за разгромомъ богатѣйшей экономіи еще до прибытія войскъ и властей собрался сходъ и начался отвратительнѣйшій самосудъ. Вчерашніе участники погрома были безпощадны къ отысканнымъ „зачинщикамъ и главнымъ виновникамъ“: 17 человѣкъ было убито самымъ жестокимъ образомъ...

Реальному политику необходимо считаться съ подобнаго рода явленіями дѣйствительности.

Мертвыя души

Русская дѣйствительность убѣждаетъ, что мертвыя души — живутъ не только въ безсмертной „поэмѣ“ великаго Гоголя, но и въ „практикѣ“ современности, по крайней мѣрѣ, въ административной практикѣ...

Въ октябрѣ 1905 г. въ Городнянскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи произошли бурныя аграрныя волненія, сопровождавшіяся разгромомъ цѣлаго ряда экономій. Въ теченіе почти двухъ недѣль небольшія банды погромщиковъ двигались по уѣзду совершенно безпрепятственно и были остановлены около г. Городни, организованной предсѣдателемъ уѣздной з. управы, милиціей (кстати сказать, впослѣдствіи дѣйствія г. предсѣдателя управы были признаны „неправильными“), чѣмъ „движеніе“ и закончилось... Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, началась „расправа“. Раскрытіе истиннаго характера всего произошедшаго въ городнянск. уѣздѣ въ октябрѣ 1905 г.—это еще дѣло будущаго и пока мы приподнимемъ только край занавѣси, открывающей въ высшей степени характерныя вещи... Въ срединѣ апрѣля намъ случайно пришлось быть въ Черниговѣ въ день выборовъ въ Государственную Думу. У зданія дворянскаго собранія, гдѣ происходили выборы, мы встрѣтили знакомаго крестьянина изъ городнянскаго уѣзда. Крестьянинъ объяснилъ, что ждетъ результатовъ выборовъ, чтобы избраннымъ депутатамъ вручить общественные приговоры объ освобожденіи „невинно заключенныхъ“... Въ приговорахъ было разъяснено, что общество ходатайствуетъ объ освобожденіи изъ тюремъ ихъ сочленовъ, арестованныхъ для ссылки по приговорамъ тѣхъ же обществъ, состоявшимся въ ноябрѣ.

Ноябрьскіе приговоры объявлялись результатомъ „недоразумѣній“ и „ошибокъ“... Эти новые приговоры были поданы высшей губернской администраціи, но, конечно, не дали никакихъ результатовъ: въ Тургайскую область были отпра-

влены два эшелона крестьянъ, яко бы по приговорамъ обществъ. Просматривая списки заключенныхъ по приговорамъ обществъ, мы встрѣтили среди нихъ фамиліи крестьянъ, знакомыхъ намъ по земскимъ экономическимъ совѣтамъ, происходившимъ 1, 7 августа и 2 октября 1905 г. Это были толковые, вполнѣ сознательные крестьяне, отстаивавшіе необходимость *мирныхъ*, планомѣрныхъ реформъ... Ихъ сознательность оказалась неугодной администраціи. Теперь мы получили нѣкоторыя ближайшія указанія на то, въ чемъ заключались „недоразумѣнія“ и „ошибки“ ноябрьскихъ приговоровъ о выселеніи „порочныхъ“ членовъ обществъ. Эти приговоры, попросту, подложные приговоры. Въ селѣ Тупичевѣ приговоръ подписанъ рядомъ именъ умершихъ лицъ. То же сдѣлано въ с. Великомъ-Лиственѣ при составленіи приговора пекуровскимъ обществомъ. Приговоры, кромѣ того, подписаны именами живыхъ лицъ, не бывшихъ на сходѣ. Утверждаютъ, что въ с. Куликовкѣ подъ приговоромъ 18 подписей умершихъ. Въ одномъ случаѣ подъ приговоромъ имѣется подпись того лица, о которомъ идетъ рѣчь въ приговорѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что живые всюду къ подписи приговоровъ принуждались... На приговоры было много жалобъ *) и протестовъ, но они утверждены губернскимъ присутствіемъ и приведены въ исполненіе.

Можетъ быть, это и есть выполненіе программы нынѣшняго „кабинета“ о разрѣшеніи аграрнаго вопроса „пере-

*) Во время разбора одного изъ самыхъ ужасныхъ аграрныхъ дѣлъ— о разгромѣ и сожженіи экономіи Городнянскаго уѣзднаго предводителя дворянства М. Корвольскаго-Гринезскаго, цѣлый рядъ свидѣтелей объяснялъ составленіе приговоровъ о выселеніи застращиваніями, которымъ подвергались сельскіе сходы при пріѣздѣ генералъ-адъютанта Дубасова. Эти-же свидѣтели разсказали на судѣ, что впослѣдствіи почти повсемѣстно составлены были приговоры, въ которыхъ выражалось раскаяніе о выселеніи невинныхъ и просьба о ихъ возвращеніи, но всѣ такіе приговоры никакого результата не дали...

селеніями"... Остается по установившейся формулѣ запросить гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи: „извѣстны-ли имъ приведенные факты и, если да, то полагаютъ ли они, что законность укрѣпляется „мертвыми душами?"

Аграрные процессы

Безъ чувства глубочайшаго волненія невозможно подходить къ тѣмъ тяжелымъ драмамъ, послѣдніе акты которыхъ намъ приходилось переживать въ залѣ судебныхъ засѣданій на такъ называемыхъ аграрныхъ процессахъ. Бурный разгромъ Михайловскаго хутора Терещенка въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ одну ночь уничтожившій милліонное дѣло, нападеніе на домъ управляющаго имѣніемъ кн. Абамелека-Лазарева въ Балтскомъ уѣздѣ подъ вліяніемъ раздраженія за убійство на ночной „облавѣ" служащими экономіи — крестьянина, виновнаго въ потравѣ, мирныя сельско-хозяйственныя забастовки въ экономіяхъ Кіевской губерніи,—все это, по волѣ обвинительной камеры, подведенное подъ 269[1] ст. уложенія о наказаніяхъ, вскрывало безбрежное море вопіющей народной нужды, безысходнаго горя, кошмарной культурной безпомощности. При этомъ, обыкновенно, чѣмъ болѣе тягостна картина экономическаго разоренія, тѣмъ болѣе обезпечены жертвы Молоху „правосудія"; 269[1] статья требуетъ наличности „побужденій", проистекающихъ „изъ вражды сословной", или „изъ экономическихъ отношеній". Оттого и обвинительные акты по аграрнымъ дѣламъ, и обвинительныя рѣчи прокуроровъ въ аграрныхъ процессахъ часто не щадятъ яркихъ красокъ для изображенія той обстановки, среди которой произошло „аграрное движеніе". Писатель Е. Н. Чириковъ, выступившій на глуховскомъ процессѣ защитникомъ крестьянъ, выслушавъ первую часть обвинительной рѣчи прокурора, обратился къ товарищамъ по защитѣ съ

радостнымъ волненіемъ: „это защитительная рѣчь!“ Вторая половина прокурорской рѣчи, конечно, разочаровала неопытнаго защитника. И въ своей первой защитительной рѣчи писатель разсказалъ о недоумѣніи передъ тѣмъ страннымъ положеніемъ, въ которомъ безысходная нужда является лучшимъ доказательствомъ виновности. Аграрныя движенія—явленіе чрезвычайно сложное, формы ихъ внѣшняго проявленія чрезвычайно разнообразны. Подлинную психологію этихъ движеній голодныхъ, темныхъ массъ начинаешь постигать на аграрныхъ процессахъ. И тогда ясно становится, какъ жалки усилія доискаться ихъ „корней“—въ пучкахъ прокламацій, розданныхъ неизвѣстнымъ агитаторомъ, въ студенческихъ пуговицахъ, блеснувшихъ изъ подъ крестьянской одежды случайнаго прохожаго и т. п., какъ жалки средства „успокоенія“, измышляемыя бюрократіей въ согласіи съ аграріями. „Успокоеніе“ возможно только черезъ удовлетвореніе нуждъ и поднятіе культурнаго уровня изголодавшейся и обездоленной крестьянской массы. Прозорливые, воистину „лучшіе“ люди издавна понимали опасность невниманія къ голосу народной нужды. Еще декабристъ И. Д. Якушкинъ сказалъ на допросѣ генералу Левашову: „крестьянскій вопросъ—это такой узелъ, который долженъ быть развязанъ правительствомъ, или, въ противномъ случаѣ, насильственно развязанный, онъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія“. Уничтожить въ одинъ день наступившія нынѣ „пагубныя послѣдствія“ немыслимо никакими средствами при самомъ рѣшительномъ поворотѣ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу государственной власти, переданной даже всему народу. Болѣзнь входитъ пудами, а возвращается здоровье золотниками. Результаты хищническаго бюрократическаго всевластія долго еще будутъ давать себя знать...

Когда въ Государственной Думѣ мы слышали рѣчи о томъ, что „умныя, ученыя рѣчи“—ни къ чему, что представители избраны для того, чтобы „дѣлать дѣло“, а не учиться

и что, если „разговоры“ затянутся, то народъ „самъ рѣшитъ аграрный вопросъ“, насъ болѣе всего удивляло то наивное представленіе о легкости разрѣшенія аграрнаго вопроса которое сквозило въ этихъ рѣчахъ. „Надо дѣлать дѣло“, а не говорить „умныя, ученыя рѣчи“... Повидимому, согласно этому воззрѣнію—ни ума ни науки для „дѣланія дѣла“ не требуется. Вѣдь и г. Энгельгардтъ уже находитъ „зерно правды“ въ томъ, что для революціи не нужны ученые, не нужны „дѣти солнца“... („Народный Вѣстникъ“, № 16). „Народъ самъ разрѣшитъ аграрный вопросъ“... Мы отказываемся понять, какой смыслъ вкладывается въ эти слова, ибо, во всякомъ случаѣ, изъ того, что народныя массы еще разъ придутъ въ стихійное движеніе, не послѣдуетъ никакого „разрѣшенія“ аграрнаго вопроса. Соціальныя реформы требуютъ не только хаоса разрушенія, но и планомѣрной организаціи новаго. И впечатлѣнія аграрныхъ процессовъ убѣждаютъ насъ, что ничего творческаго, сознательнаго и созидающаго не заключалось въ судорожныхъ взрывахъ, приводившихъ въ движеніе голодныя, темныя массы, когда наставалъ предѣлъ человѣческому терпѣнію.

Въ нашихъ бѣглыхъ замѣткахъ мы попытаемся освѣтить тѣ лозунги, тѣ скрытыя пружины движеній, какія намъ удавалось уловить въ хаосѣ судебнаго слѣдствія по аграрнымъ дѣламъ, раскрыть по мѣрѣ силъ ихъ психологію, степень сознательности и міровоззрѣніе отдѣльныхъ лицъ и массы. При этомъ мы не можемъ совершенно опустить любопытныя психологическія и бытовыя и т. п. подробности нашихъ наблюденій, часто не имѣющія прямого отношенія къ темѣ. Полагаемъ, что, если замѣтки оттого проиграютъ въ систематичности изложенія, то зато выиграютъ въ интересѣ и живости...

Въ глуховскомъ процессѣ на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 165 крестьянъ разныхъ селъ и деревень Черниговской, Курской и Орловской губерній, въ возрастѣ отъ крайней

юности до глубокой старости, за 70 лѣтъ. Въ числѣ ихъ была и одна дѣвушка, обвинявшаяся въ томъ, что изъ „побужденій“, проистекающихъ изъ вражды сословной или изъ „экономическихъ отношеній“, унесла изъ разгромленной квартиры кого-то изъ заводскихъ служащихъ блюдечко и горчичницу...

Погромъ Михайловскаго хутора былъ послѣдней волной движенія, докатившейся въ Глуховской уѣздъ изъ смежныхъ уѣздовъ Орловской и Курской губерній... Начало его, причины и поводы, подготовившіе взрывъ, освѣщались показаніями своего рода экспертовъ-свидѣтелей — священника Рождественскаго, земскаго начальника Кусакова, становыхъ приставовъ и ихъ помощниковъ—свидѣтелей изъ Орловской и Курской губерній. Ихъ показанія легли и въ основу обвинительнаго акта. Священникъ Рождественскій въ своихъ, въ общемъ благожелательныхъ, показаніяхъ далъ тяжелую обрисовку экономическаго раззоренія крестьянства и указалъ, что никакими средствами изъ крестьянской головы не изгнать мечты о томъ, что вся земля „отойдетъ“ къ крестьянамъ, объ этомъ они постоянно думаютъ, говорятъ, мечтаютъ. „Читалъ я въ церкви Манифестъ 6 августа, а въ тотъ же день прибѣжали ко мнѣ крестьяне спрашивать, правду-ли бабы говорятъ, что читался Манифестъ о землѣ“. „Мечта о землѣ положительно неистребима“. Въ с. Сальномъ недѣли за три до начала движенія появилась „прокламація“ (въ Глуховскомъ процессѣ ни подлинника, ни копіи съ нея не было, о ней разсказывали свидѣтели-эксперты). Прокламація приглашала весь народъ сразу „подняться“ и „подавить“ чиновниковъ и помѣщиковъ. Нѣкоторые свидѣтели разсказали, что были разговоры о томъ, что „панівъ треба палити й бити, тоді вони сами подадуться, а на весну—будемо орати, де схочемо“. Вотъ—этотъ лозунгъ—„бити й палити“, чтобы помѣщики сами бросили свое хозяйство, что̀ дастъ возможность крестьянамъ заниматься земледѣліемъ на ихъ земляхъ,—

это единственное указаніе на цѣлесообразность, на осознанный мотивъ движенія. Никакого намека на то, что будетъ если „орати“ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ на брошенной панской землѣ „схочуть“ двое или трое, а то и больше! Вопросъ о распредѣленіи не ставился, ставился только своеобразный способъ экспропріаціи—„бити й палити, тоді паны сами подадуться!..“ Для доказательства того, что побужденія проистекали изъ „вражды сословной или изъ „экономическихъ отношеній“, занесенъ былъ въ обвинительный актъ зрасказъ свидѣтельницы-фельдшерицы. Во время погрома свидѣтельница встрѣтила какую-то женщину, тащившую мягкое кресло. „На что оно тебѣ?“—спросила свидѣтельница. „Як нащо? хиба однимъ панам на мягкомъ сидіти, поседимо й ми, годі панамъ панувати...“ Итакъ, разговоры о землѣ, „неистребимая мечта о ней, лозунгъ „бити й палити“ для того, чтобы паны „подались“ и единичный мятежный возгласъ „годі панам панувати“—вотъ все, или почти все, что можно было извлечь въ дѣлѣ, гдѣ разрушительная сила движенія достигла такого высокаго напряженія. На ряду съ этимъ обвинительный актъ зарегистрировалъ фактъ, что крестьяне были увѣрены въ томъ, что приказъ о погромѣ исходилъ отъ начальства, даже отъ Царя... Какъ связывались мятежные лозунги съ этимъ наивнымъ убѣжденіемъ о начальственномъ приказѣ? Обвинительный актъ, регистрируя и то, и другое, такимъ вопросомъ не задавался. А между тѣмъ вся психологія активныхъ погромщиковъ—представляла изъ себя спутанный клубокъ этихъ перекрещивающихся вліяній: тутъ и надежда на то, что „пани подадуться“ и земля достанется крестьянамъ, тутъ и разбушевавшаяся стихія разрушенія, тутъ и увѣренность въ томъ, что есть „приказъ“ отъ начальства. Во многихъ мѣстахъ старосты и другія сельскія власти, дѣйствительно, приказывали ѣхать на погромъ, говорили, что у нихъ есть „предписаніе“ отъ высшаго начальства, грозили непослушнымъ строгимъ наказаніемъ. Что

двигало этими старостами, вѣрили-ли они сами въ существованіе „приказа“ отъ высшаго начальства? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно только потому, что въ рукахъ у нихъ не было никакихъ предписаній, невозможно. Слухи изъ другихъ мѣстъ получались самые преувеличенные, почти фантастическіе, легковѣріе на почвѣ темноты принимало невѣроятные размѣры. Обвинительная власть много вниманія сосредоточила на инцидентѣ съ разговоромъ объ убійствѣ великаго князя Сергѣя Александровича и какомъ-то революціонномъ комитетѣ. Здѣсь думали найти нити революціонной пропаганды. И что-же оказалось?

Утромъ въ день разгрома Михайловскаго завода, когда уже началось бѣгство заводской администраціи изъ Михайловскаго хутора подъ вліяніемъ слуховъ о приближеніи бандъ погромщиковъ, на заводъ явился новозыбковскій крестьянинъ Зайцевъ. Прійдя въ казармы рабочихъ, Зайцевъ встрѣтилъ земляковъ и уже съ утра съ ними выпилъ. Вечеромъ волна событій захватила его и, повидимому, онъ принялъ участіе въ активныхъ дѣйствіяхъ (Зайцевъ былъ обвиненъ палатой и по 269[1] ст. и еще въ поджогѣ, приговоренъ на 4 года въ каторжныя работы). Когда еще пылало зарево пожара въ Михайловскомъ хуторѣ, Зайцевъ очутился уже въ одномъ изъ окрестныхъ селъ въ компаніи какого-то „студента“: вмѣстѣ они пришли къ лавочнику и до смерти его перепугали. Оба называли себя „студентами“, были пьяны, другъ къ другу обращались „Паша“ и „Саша“. Оказавшійся потомъ Зайцевымъ разсказывалъ хозяину лавочнику и случайному свидѣтелю, которыхъ заставилъ пить водку, что это они—студенты дѣйствуютъ и спрашивалъ: хорошо? Свидѣтель Быковъ разсказывалъ, что онъ въ испугѣ поддакивалъ и одобрялъ всѣ дѣйствія, „студентовъ“. Зайцевъ тогда разоткровенничался. Онъ назвалъ себя—сыномъ великаго князя Сергѣя Александровича и признался, что убилъ „папашу“. „Какъ-же это васъ на такой грѣхъ Богъ допустилъ?“—задалъ вопросъ собесѣдникъ.

„Убилъ я по праву революціоннаго комитета и мамаша меня въ тюрьмѣ навѣщала, образкомъ благословила“ Зайцевъ вошелъ во вкусъ играть роль и вралъ все, что приходило въ голову. На судебномъ слѣдствіи мы спросили свидѣтеля Быкова, вѣрилъ-ли онъ росказнямъ Зайцева? „А такъ что отвѣчалъ Быковъ, на лицо посмотрѣть будто-бы и незнатнаго происхожденія, а говоритъ гойстро“... Отвѣтъ давалъ понять, что свидѣтель всему вѣрилъ... Быковъ какъ-то все-таки улепетнулъ отъ Зайцева и отправился въ Михайловскій хуторъ, куда пришелъ тогда, когда заводъ уже догоралъ. Его встрѣтили незнакомые и предложили купить за 50 коп. какую то техническую книгу. „Больно интересно было купить, да Богъ спасъ, отказался“. Незнакомцы тогда спросили его: „а ты букву с.-д. знаешь“? И „буквы“ Быковъ не зналъ. Тогда незнакомцы себя обнаружили, они оказались переодѣтыми жандармами, объявили, что Быковъ имъ подозрителенъ и арестовали его. Когда Быкова привели въ качествѣ арестанта на вокзалъ и втолкнули въ какую-то комнату, онъ узналъ тамъ среди другихъ арестованныхъ Зайцева: „Вотъ вы кого арестуйте—сказалъ Быковъ жандармамъ—этотъ великаго князя убилъ, а я не причемъ“. Разсказъ о поведеніи Зайцева въ сосѣднемъ селѣ далъ свободу Быкову... Хлестаковская, безсвязная ложь отличала поведеніе не одного Зайцева. Свидѣтели разсказывали, что кто то называлъ себя сыномъ адмирала Макарова и говорилъ „моего папашу убили на войнѣ, а я за народъ умереть долженъ“... Характерно, что показанія Быкова на судебномъ слѣдствіи обезпокоили Зайцева. Въ перерывѣ онъ обратился къ намъ съ испуганнымъ видомъ: „ну, а что мнѣ ничего за то не будетъ, будто — я великаго князя убилъ“?.. „Студентъ“, сопровождавшій Зайцева, не былъ задержанъ, но Зайцевъ клялся, что это былъ его землякъ—крестьянинъ. „Студентовъ“ вообще искали безуспѣшно. Одинъ изъ обвиняемыхъ, крестьянинъ лѣтъ 60, разсказалъ, что когда его задержали съ подводой, на кото-

рой лежала бочка сахара, то „хотіли мене бити, сказали, що я студент, а я тих студентів николи і въ очі не бачив“... Были еще въ глуховскомъ процессѣ показанія о томъ, что кто то „искусно“ проѣхалъ на велосипедѣ, сыгралъ что-то на рояли, были указанія на употребленіе самовозгорающихся веществъ при поджогахъ, но все это, повидимому, надо отнести къ разстроенному воображенію свидѣтелей, пораженныхъ неожиданностью, стихійностью и нелѣпостью событій. При разгромѣ дома управляющаго имѣніемъ кн. Абамелека-Лазарева въ Балтскомъ уѣздѣ тоже раздавались отдѣльные мятежные возгласы о „кровопійствѣ“, но они относились, главнымъ образомъ, къ конкретному факту убійства на „облавѣ“ крестьянина, виновнаго въ потравѣ. Старикъ обвиняемый, на судѣ на вопросъ предсѣдателя о годахъ отвѣчавшій—„хоть 102, хоть 104, Ваше превосходительство“, шелъ впереди и кричалъ „убить его фармазона“. Потомъ онъ, по показаніямъ свидѣтелей, „штурхалъ“ въ каминъ палкой и кричалъ „тут его, собаку шукайте“.

И этотъ столѣтній старикъ на судѣ на каждомъ шагу демонстрировалъ свою „сословную вражду“: „всѣхъ онъ насъ фармазонъ-собака въ бараній рогъ скрутилъ“ кричалъ онъ съ своего мѣста, когда свидѣтели давали показанія объ отношеніяхъ экономіи къ крестьянамъ. Тщетно предсѣдатель разъяснялъ старику, что ему невыгодно обнаруживать „чувства“. „Онъ—фармазонъ и свидѣтелей всѣхъ купилъ“ упрямо отвѣчалъ старикъ, объясняя этимъ лживыя показанія свидѣтелей — служащихъ въ экономіи. А показанія эти были до того сбивчивы и лживы, что предсѣдатель спросилъ одного изъ свидѣтелей: „ну, скажите, ради Бога, что васъ толкаетъ врать“? Никакихъ прямыхъ указаній на какую-либо агитацію и въ Винницкомъ процессѣ не было (дѣло о разгромѣ въ имѣніи князя Абамелека-Лазарева разбиралось въ Винницѣ). Въ процессахъ о сельско-хозяйственныхъ стачкахъ въ Кіевской губ. указанія на агитацію и прокламаціи дѣлались въ самой

общей формѣ: „съ тѣхъ поръ, какъ пошли эти повсюду прокламаціи“. Ни одного раза не приходилось намъ гдѣ-либо на аграрномъ процессѣ сколько-нибудь конкретно и опредѣленно установить роль и вліяніе агитаціи, идущей со стороны. Аграрныя движенія во всѣхъ ихъ проявленіяхъ имѣютъ гораздо болѣе глубокіе корни, нежели случайныя и посторонніе вліянія. Правда, земскій начальникъ Кусаковъ на глуховскомъ процессѣ разсказывалъ, что „развратъ“ вносится въ деревню тѣми, кто побывалъ на отхожихъ промыслахъ, участвовалъ въ городскихъ демонстраціяхъ. „Мои крестьяне“,— говорилъ г. Кусаковъ, — и въ Ялтинскомъ погромѣ участвовали. Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ моментомъ болѣе серьезнымъ, нежели прокламаціи „подавить помѣщиковъ и чиновниковъ“. „Въ деревнѣ —продолжалъ Кусаковъ— самовары появились, своеволіе: не кланяются при встрѣчѣ“...

Въ деревнѣ появились новыя настроенія, деревня опустилась до послѣднихъ степеней разоренія и нищеты, а „попечительное“ начальство продолжаетъ говорить о „моихъ крестьянахъ“... Культурная безпомощность и темнота кладутъ свой отпечатокъ на судорожныя движенія деревни, несущія ей, обыкновенно, новое безысходное горе. И, если деревнѣ не придетъ на помощь государство, мы будемъ свидѣтелями новыхъ и новыхъ „пагубныхъ послѣдствій“... Наканунѣ разгрома Михайловскаго хутора—верстахъ въ 20—23 разграбленъ былъ водочный заводъ въ с. Хинели (Орловской губ.). Перепились при этомъ погромщики до того, что, по показанію одного свидѣтеля, „не то бабы и дѣта, а и свиньи были пьяныя“. И уже при разгромѣ Хинельскаго завода шли разговоры о томъ, что на завтра очередь Михайловскаго хутора. Слухи объ этомъ дошли до Михайловскаго хутора и заводская администрація въ паникѣ бѣжала. Это и рѣшило судьбу хутора. Когда тысячи подводъ съ разныхъ сторонъ съѣзжались въ Михайловскій хуторъ, отстоять отдѣльные склады не стоило никакого труда, если кто-нибудь бралъ на себя эту

миссію. Достаточно было сказать — „проѣзжай дальше“! и грабители уѣзжали. Обвиняемые почти всѣ признали себя виновными, по крайней мѣрѣ, на вопросъ предсѣдателя— „признаете-ли себя виновнымъ въ томъ и т. д.“ — большинство отвѣчало: „виновенъ въ сахарѣ“... Заводъ пылалъ, склады были разграблены, на огонь съѣзжались изъ окрестныхъ селъ и уѣзжали домой, нагрузивъ подводы сахаромъ, овсомъ, мукой... Жители селъ, расположенныхъ на пути, по которому погромщики проѣхали въ Михайловскій, единодушно разсказывали, повидимому, вполнѣ искренне: „їхали черезъ село якісь разні руські народи, кричать: „эй хохлята безмозглые, поізжайте на Михайловскій, а то будемо назадъ їхать и васъ всіхъ попалимо. Кричали, стращали, ми й поіхали“. Многіе чистосердечно признавались, что ѣхали на „великий огонь“, а пріѣхали и увидѣли, что никто не препятствуетъ брать, чего надо, „то й набрали“. Одинъ старикъ разсказалъ, что „їхать не хотів, такъ жинка каже: поїдь, та поїдь,—вже деякі двічи сахар привезли. Мусів їхати“. Нѣкоторые сомнѣвались въ правомѣрности набиранія сахара, но колебанія разрѣшались тѣмъ, что „все одно другі візьмуть“. „Візьму, думаю, а коли прикажуть, одвезу назад“. Одинъ взялъ бочку сахару, а „потімъ и овса трохи взяв, щоб коней нагодувати, тоді, коли начальство звелить назад сахар везти“. На другой-же день всѣ, какъ увѣрялъ одинъ обвиняемый, поняли „гріх“ и „діти батьків питали, чого сей сахар не солодкий?“ Одинъ старикъ картинно разсказалъ, какъ онъ собралъ „у припол“ кусочки сахара, валявшагося на снѣгу... И угодилъ за это на $1^1/_2$ года въ арестантскія роты, на 73 году жизни.

Началась отвратительная административная расправа, произведенная черниговскимъ губернаторомъ Хвостовымъ и непремѣннымъ членомъ губернскаго присутствія М. Н. Шрамченко. О ней подробно разсказали свидѣтели. Одинъ изъ нихъ, сельскій староста, окончивъ показаніе, обратился къ

предсѣдателю съ вопросомъ, „а мене защо сіканули Ваше Превосходительство“?

— Кто-же васъ сѣкъ?

— Та, начальство, та за що, питаю мене сіканули?

— Вамъ, вѣрно, объясняли за что...

— Ні, нічого не объясняли: мабудь були випивши... догадался староста.

— Кто выпивши?

— Та губернатор, та інши чиновники.

Предсѣдатель прекратилъ неосторожные разспросы, объяснивъ старостѣ, что онъ можетъ „жаловаться“, если считаетъ, что съ нимъ поступили несправедливо и неправильно...

Цѣлые сходы по часамъ выстаивали на колѣняхъ въ таящемъ снѣгу... Крестьянинъ — ходатай за односельчанъ описалъ расправу въ прошеніи поданномъ губернатору въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ описывается страшный судъ.

„Когда прибыло начальство, скотъ ревѣлъ, дѣти плакали и одна женщина повѣсилась и, хотя во время снята изъ петли, но едва дышитъ... а тѣ, кого наказали тѣлесно, были полумертвы не отъ боли, а отъ покаяннаго страха“... Одинъ крестьянинъ сказалъ, когда его собирались сѣчь, объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія Высочайшимъ Манифестомъ. „Та вінъ закричавъ, що йому одъ царя приказъ зробить, що схоче. Захочу, каже, повішаю усіхъ“... Кто былъ этотъ чиновникъ съ такимъ „приказомъ отъ царя“, установить на судебномъ слѣдствіи не удалось. Въ числѣ свидѣтелей по Глуховскому дѣлу было нѣсколько высѣченныхъ при административной расправѣ. Это была вакханалія издѣвательства и административнаго произвола, которыми крестьянамъ внушалось уваженіе къ закону и священной собственности...

Надо полагать, урокъ не прошелъ даромъ...

Еще аграрные процессы

Выступая защитникомъ въ Черниговѣ по аграрнымъ дѣламъ въ минувшемъ іюнѣ, мы впервые познакомились съ новой формой суда, оставшейся памятникомъ Акимовскаго законодательнаго творчества,—мы говоримъ о законѣ 18 марта, передавшемъ дѣла по 269[1] ст. подсудности окружныхъ судовъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Мѣра эта вызывалась практической необходимостью, ибо судебныя палаты *физически* лишены были возможности разобрать всѣ дѣла объ аграрныхъ движеніяхъ, охватившихъ деревенскую Русь. Въ законѣ 18 марта достойно быть отмѣченнымъ развѣ только „довѣріе“ законодателя къ сословному представительству въ судѣ: въ особыхъ присутствіяхъ судебныхъ палатъ перевѣсъ давался коронным судьямъ (4 судьи и 3 сословныхъ представителя), въ окружныхъ судахъ съ участіемъ сословныхъ представителей — количество коронныхъ судей равно количеству сословныхъ представителей (по три).

Общая картина черниговскихъ „аграрныхъ дѣлъ“—та-же давно знакомая картина экономическаго разоренія и культурной безпомощности деревни, которую мы, по даннымъ аграрныхъ процессовъ, намѣтили бѣгло въ статьѣ „Аграрные процессы“. Но черниговскія дѣла внесли и нѣкоторыя новыя черты для характеристики болѣзненнаго процесса народной жизни, выражающагося въ такъ называемыхъ „аграрныхъ безпорядкахъ“, не лишена интереса и фактическая сторона этихъ дѣлъ, почему мы и посвящаемъ имъ краткую замѣтку.

Время дѣйствія—„октябрьскіе дни“ 1905 года. „Въ среднихъ числахъ октября 1905 г. въ с. Бѣгачѣ Черниговскаго уѣзда, разсказываетъ обвинительный актъ по первому дѣлу, въ средѣ мѣстнаго крестьянства стали циркулировать слухи о томъ, что расположенная въ названномъ селеніи усадьба землевладѣльца великобританскаго подданнаго Лидделя Мортона вскорѣ будетъ разгромлена крестьянами с. Бѣгача и сосѣднихъ съ нимъ селеній“... По мнѣнію администраціи

имѣнія, слухи носили „характеръ полнаго вѣроятія“: въ сосѣднемъ Городнянскомъ уѣздѣ уже вспыхнуло аграрное движеніе въ рѣзкой погромной формѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Черниговскаго уѣзда тоже начинались волненія, а отношенія между крестьянскимъ населеніемъ села Бѣгача и администраціей имѣнія Мортона „были непріязненны“. „Ближайшею причиной этихъ непріязненныхъ отношеній, было воспрещеніе владѣльцемъ имѣнія не только пасти крестьянскій скотъ въ его лѣсахъ, вплотную прилегавшихъ къ крестьянскимъ землямъ, но *даже ходить и ѣздить* черезъ его лѣса и земли. Указанное распоряженіе владѣльца имѣнія, обусловленное его желаніемъ оградить отъ истребленія фазановъ и куропатокъ, искусственно разведенныхъ въ его лѣсахъ для охоты, въ высокой степени стѣсняло мѣстное крестьянское населеніе“... Къ этому обвинительный актъ не преминулъ, однако, присоединить, что, „по удостовѣренію чиновъ мѣстной полиціи“—„почву для разгрома имѣнія“ подготовила и „революціонная пропаганда“, ведшаяся въ уѣздѣ... О „революціонной пропагандѣ“ ничто, впрочемъ, кромѣ ссылки на авторитетъ „удостовѣренія“ чиновъ мѣстной полиціи, не свидѣтельствовало... 23 октября толпа мѣстныхъ крестьянъ вторглась въ прилегающій къ усадьбѣ имѣнія лѣсъ, въ которомъ были разведены куропатки и фазаны, выгнала изъ сторожки егеря и сожгла сторожку, а въ послѣдующіе дни разгрома усадьбы вся птица, находившаяся въ лѣсу, въ числѣ *нѣсколькихъ тысячъ штукъ*, была выгнана изъ лѣса на крестьянскія поля и здѣсь истреблена. Утромъ 24-го владѣлецъ имѣнія съ семьею выѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ усадьбѣ управляющаго, приказчиковъ, рабочихъ и прислугу. Въ полночь съ колокольни сельской церкви раздался набатъ, и собравшаяся по набату огромная толпа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, вооруженная кольями и топорами, двинулась къ усадьбѣ имѣнія Мортона. Событія явились иллюстраціей къ двустишію:

Идутъ мужики и несутъ топоры:
Что-то страшное будетъ...

Къ утру разгромъ усадьбы былъ оконченъ, и толпа разошлась... Расхищенное имущество увезено на телѣгахъ, большой двухъ-этажный домъ—„дворецъ“, состоявшій изъ сорока слишкомъ комнатъ, сожженъ. При заревѣ пожара толпа проникла въ винный погребъ и расхитила его. Къ разсвѣту многіе были пьяны, а нѣкоторые изъ грабителей въ полдень слѣдующаго дня найдены были во дворѣ усадьбы въ безчувственномъ состояніи. Интересно отмѣтить, что днемъ передъ разгромомъ экономій была „сходка“, на которой, вопреки предложеніямъ немедленно разгромить усадьбу имѣнія, было рѣшено отправить утромъ слѣдующаго дня къ владѣльцу имѣнія выборныхъ съ требованіемъ отвода земли мѣстнымъ крестьянамъ для пастьбы скота. Утромъ, послѣ разгрома усадьбы толпа явилась на винокуренный заводъ и заявила администраціи завода, что заводъ „принадлежитъ теперь крестьянамъ села Бѣгача“, что крестьяне выбрали изъ своей среды главноуправляющаго имѣніемъ, который и началъ всѣмъ распоряжаться. 26 октября усадьба Мортона была занята прибывшими изъ Чернигова войсками, которыми и были удалены изъ уцѣлѣвшихъ зданій, какъ иронизируетъ кавычками обвинительный актъ, всѣ члены „вновь организованнаго управленія имѣніемъ“ *). Попыткой организовать свое управленіе въ экономіи, передаваемой въ собственность крестьянамъ, дѣло с. Бѣгача сближается съ дѣломъ с. Локнистаго, представляющимъ такую попытку въ чистомъ видѣ. Въ Локнистинскомъ дѣлѣ иниціаторы движенія всѣми силами препятствовали расхищенію имущества и расхищеніе виннаго погреба явилось привходящимъ эпизодомъ, при чемъ вина въ этомъ расхищеніи тѣхъ или иныхъ лицъ не установлена. Въ усадьбѣ все время оставался штатъ прислуги, отлично понимавшей, что отвѣтственность за всякую пропажу падетъ на незаконныхъ управителей. Кромѣ того, когда назначенные

*) Дѣло о разгромѣ экономій г. Мортона за неявкой важныхъ свидѣтелей было отложено и слушалось въ сентябрѣ.

обществомъ „управители“ послѣ ареста въ сосѣднемъ селѣ „главноуправляющаго“ разбѣжались, экономія осталась безъ хозяевъ. И до возвращенія законнаго управляющаго и прибытія властей съ войсками прошло извѣстное время. Грабежъ не входилъ въ планы руководителей движенія.

Когда одинъ изъ видныхъ участниковъ Локнистинскаго дѣла увидѣлъ, что толпа, пришедшая во дворъ экономіи гг. Капцевичей (кстати, владѣльцы имѣнія почти безвыѣздно живутъ за границей)—расхищаетъ кѣмъ-то изъ погреба принесенныя яблоки, онъ закричалъ: „що ви робите, ми-жъ пришли *установить равенство*, а не грабувати“. Другой увѣщавалъ толпу: „Бога ради не трогайте, се жъ ми за все отвѣчать будемъ, если растащите“... Изъ этихъ словъ ясно, что руководители были убѣждены въ правомѣрности своихъ дѣйствій и „отвѣчать“ за нихъ не предполагали.

Пришедшая во дворъ экономіи толпа народа составила приговоръ о томъ, что экономія переходитъ въ собственность всего общества с. Локнистаго. Тѣмъ-же приговоромъ были назначены должностныя лица „вновь организованнаго управленія“. Говорилось о томъ, гдѣ будетъ помѣщаться народное училище и гдѣ „демократическій союзъ“... Прислуга осталась та же, которая служила въ экономіи: ее пробовали распустить, но послѣ заявленія ея, что она должна получить разсчетъ, ее оставили въ покоѣ. Кухаркѣ было сказано, что она нужна и новому управленію.,. Новое управленіе продолжалось 6 дней, при чемъ велось хозяйство, можетъ быть, не столь „разсчетливо“, какъ при старыхъ порядкахъ: г. прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи напиралъ на то, что при старыхъ порядкахъ въ день расходовалось три фунта сала, новое-же управленіе израсходовало въ 6 дней около 2 пудовъ. Но было удостовѣрено прислугой экономіи, что сало выдавалось всѣмъ приходившимъ и заявлявшимъ желаніе поѣсть. Во всякомъ случаѣ, новая администрація вела приходо-расходные счеты и всему израсходованному сдѣлала записи.

Исторію завладѣнія Локнистинской экономіей, случивша-

гося 20 октября, обвинительный актъ начинаетъ съ описанія майскихъ демонстрацій, устроенныхъ локнистинцами 19 апрѣля и 1 мая, когда они украсили лодки красными флагами и подъѣхали по разливу Десны къ экономіи. Демонстранты, по словамъ обвинительнаго акта, вели себя „вызывающе“, безъ спроса явились въ экономію, вышучивали управляющаго и предъявили требованія объ отмѣнѣ отработковъ за землю и уменьшеніе арендныхъ цѣнъ. При этомъ говорили, что, если требованія не будутъ удовлетворены, то будетъ „бунтъ“. Какъ майскія демонстраціи, такъ и нѣкоторые другіе факты локнистинскаго дѣла, весьма, однако, скудно освѣщенные и на предварительномъ и на судебномъ слѣдствіяхъ, указываютъ, несомнѣнно, на нѣкоторое вліяніе со стороны, на то, что на протокольномъ языкѣ называется „революціонною пропагандою“... Если сравнить дѣло с. Бѣгача съ Локнистинскимъ, то нельзя не признать, что вліяніе пропаганды повело къ смягченію остроты движенія. Повторяю, факты пропаганды и ея идейнаго содержанія на судебномъ слѣдствіи не удалось освѣтить съ достаточною полнотой... Г. предсѣдатель суда всячески стѣснялъ попытки подобнаго освѣщенія, настаивая, что подсудимые не обвиняются въ *политическомъ* преступленіи и потому нѣтъ надобности выяснять роль политической пропаганды(!). Между тѣмъ даже обвинительный актъ въ качествѣ уликъ противъ одного изъ подсудимыхъ приводитъ найденныя у него при обыскѣ двѣ пустыя бутылки изъ виннаго погреба Локнистинской экономіи и революціонную литературу... Интересенъ составъ этой „революціонной“ литературы, отобранной у крестьянина при обыскѣ городовымъ. Среди нея между описаніемъ бунта на „Потемкинѣ“ (изд. „Искры“) и т. п. нашлось не мало *разрѣшенныхъ цензурою* листковъ „Донской Рѣчи“ и, между прочимъ, листокъ „Что такое земство“ въ 2-хъ экземплярахъ. Мы спросили у городового, фигурировавшаго свидѣтелемъ, чѣмъ онъ руководствовался при отобраніи такой литературы? и получили отвѣтъ: „а такъ—что противоправительственное, то я и ото-

бралъ". Городовой, повидимому, находилъ, что все печатное въ рукахъ крестьянина противоправительственное. Но надъ подобнымъ взглядомъ не возвысился и и. д. начальника жандармскаго управленія, переславшій всю отобранную „противоправительственную" литературу судебному слѣдователю. Вся она при жандармской препроводительной бумагѣ и была подшита къ дѣлу. Мы потому подробно останавливаемся надъ этимъ, на первый взглядъ мелкимъ, фактомъ, что онъ такъ кричаще свидѣтельствуетъ объ одной изъ главнѣйшихъ причинъ болѣзненныхъ вспышекъ народнаго движенія, въ основѣ котораго, по удостовѣренію даже администраціи, лежитъ народная нужда *). До сихъ поръ еще не извѣрились въ безсиліи полицейской опеки, до сихъ поръ еще смотрятъ на народъ, какъ на дитя въ лучшемъ случаѣ, ибо сплошь и рядомъ смотрятъ на него и какъ на „быдло", для управленія которымъ нуженъ кнутъ... Держатъ народъ въ темнотѣ и удивляются, что выведенный изъ терпѣнія онъ дѣйствуетъ иногда, какъ дикарь, и своимъ судорожнымъ движеніемъ часто только еще туже затягиваетъ петлю на своей шеѣ. Какъ огня боятся „пропаганды" и за одно съ искорененіемъ „революціи" хотятъ искоренить всякую мысль. А между тѣмъ Локнистинское дѣло свидѣтельствуетъ, что „пропаганда" несетъ съ собой явно благотворное вліяніе. Подробности дѣла полны наивностей и фантастичныхъ бредней, но вѣдь надо сдѣлать диктуемый жизнью шагъ, надо признать за народомъ право на просвѣщеніе: надо дать ему

*) Мы совершенно опускаемъ характеристику ужасной нищеты, какъ въ дѣлѣ с. Вѣгача, такъ и въ дѣлѣ с. Локнистаго, вполнѣ установленной многочисленными данными. Въ общемъ картина народнаго разоренія достаточно извѣстна и статистическія данныя о селахъ Вѣгачѣ и Локнистомъ, увы, ничего изъ ряда выходящаго не представляютъ. Свидѣтели по дѣлу с. Локнистаго довольно единодушно и рѣзко говорили о томъ, что управляющій съ крестьянъ „шкуру дралъ". О томъ-же говорилъ въ „послѣднемъ словѣ" и одинъ изъ главныхъ подсудимыхъ. Наличность побужденій, требуемыхъ 269[1] ст., такимъ образомъ, была неоспорима...

возможность знать и что такое земство, и что такое государство и многое другое. Тогда борьба крестьянства за землю и волю пойдетъ болѣе закономѣрнымъ и правовымъ путемъ. Это примитивно до банальности. Аграрныя движенія начались не со вчерашняго дня: правительственная власть отвѣтила на нихъ репрессіями: скорпіоны судебные, скорпіоны административные, казацкія нагайки—все это обрушилось на голову обездоленнаго крестьянства. И что-же?—каждый разъ, когда карающій мечъ правосудія опускался на виновныхъ, происходило то, что такъ красиво изображено въ былинѣ „Отчего перевелись богатыри на Руси“.

„Похвастались богатыри одолѣть „силу нездѣшнюю“ и предстали передъ ними два воителя, вызывая на бой. Налетѣлъ на нихъ Алеша Поповичъ и ударилъ со всего плеча.

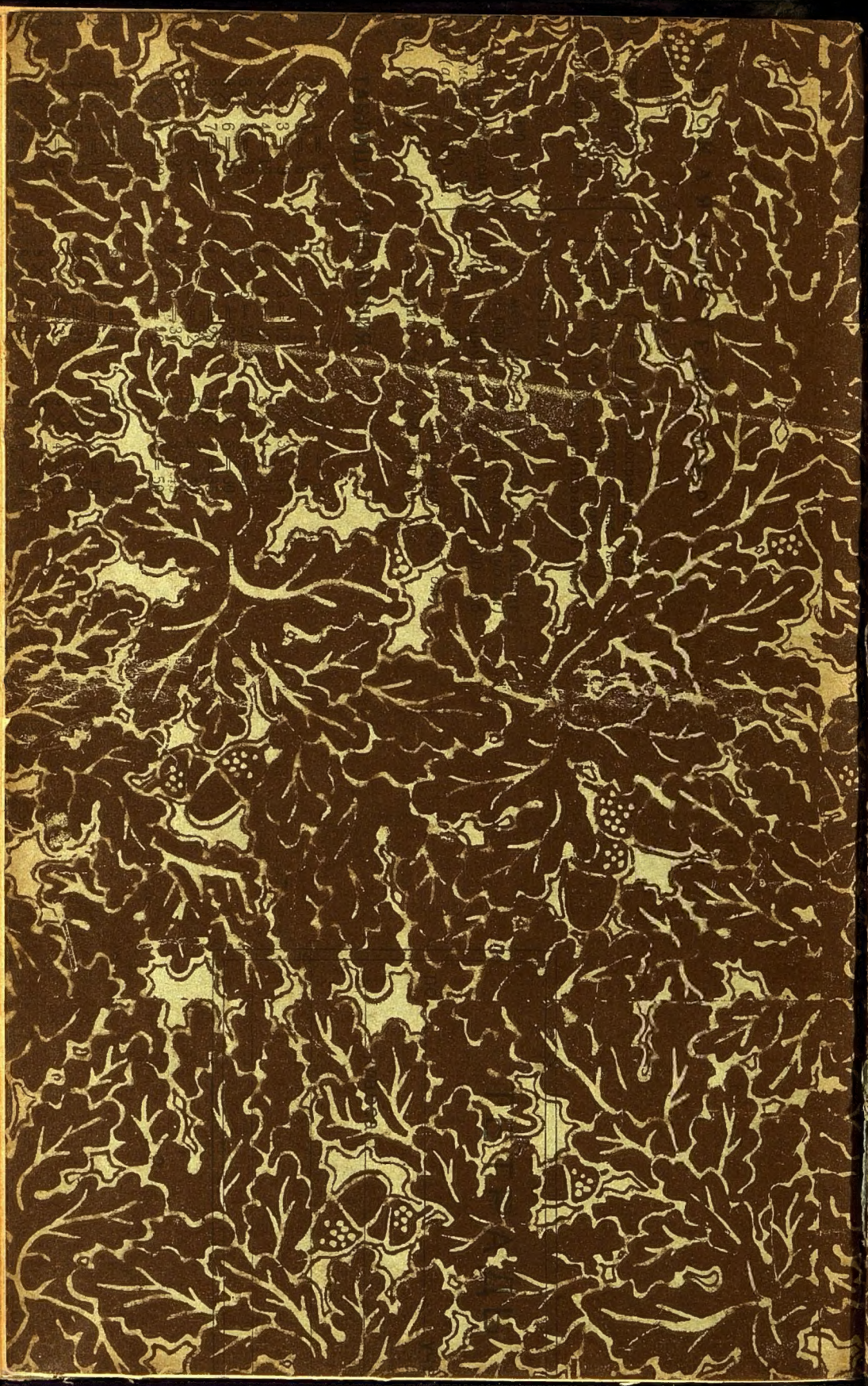
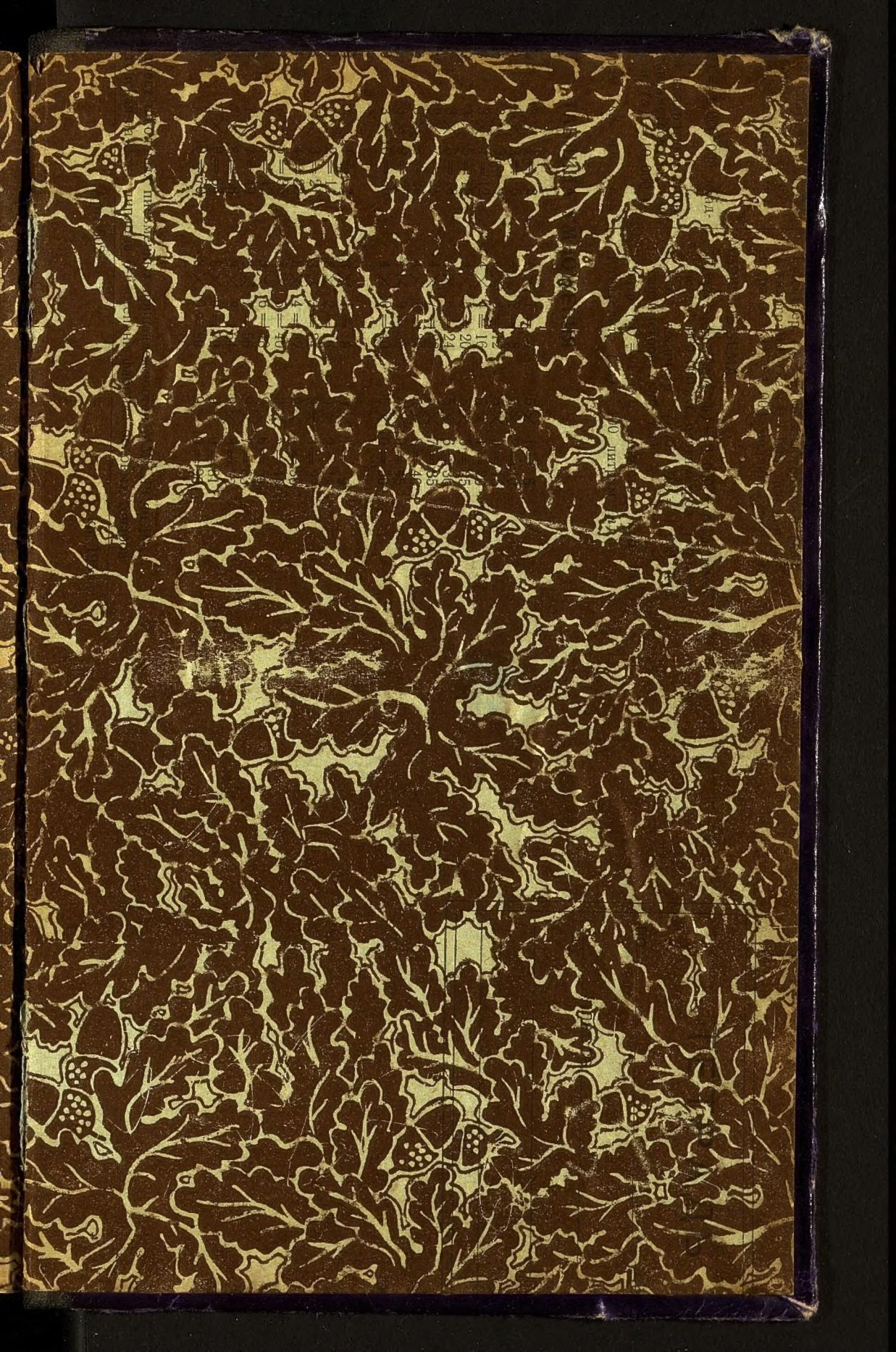
„Стало четверо и живы всѣ“... Налетѣлъ Добрыня-молодецъ.

„Стало восьмеро и живы всѣ“... Налетѣли всѣ вмѣстѣ—„стали топтать рубить“, а „сила все растетъ, да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ“...

„Не столько ихъ мечи рубятъ,
Сколько копи добрые топчутъ,
— А сила—все растетъ, да растетъ
Все на витязей съ боемъ идетъ“...

Карающій мечъ правосудія и административныя кары, и казацкія нагайки вызвали—„силу нездѣшнюю“, грозящую гибелью государства... Надо перестать думать о подавленіи „бунта“, спасеніе въ томъ, чтобы открылись пути закономѣрной, правовой борьбы. „Не дай Богъ увидѣть русскій бунтъ—безсмысленный и безпощадный“—говорилъ Пушкинъ. Вся государственная внутренняя политика толкала народъ на „бунтъ“. Мы видѣли безсмысленное, видѣли страшное и съ ужасомъ сознавали, что пощада и не заслужена... Одинъ свидѣтель по Локнистинскому дѣлу глухо разсказывалъ, что пріѣзжій агитаторъ, конечно, „едва-ли не жидъ“ говорилъ между прочимъ, что „не нужно самодержавія“... Было время,

когда въ полицейско-жандармскихъ ушахъ это звучало, какъ землетрясеніе. Времена измѣнчивы... Что-бы ни говорили агитаторы, какія бы несбыточныя мечты они не вселяли въ народныя головы, они никогда не толкнутъ на тѣ ужасы, на которые способна только безпросвѣтная темень... Несбыточныя мечты не опасны, если условія жизни нормальны. Иллюзіи гибнутъ и торжествуетъ реализмъ. За топоры и поджоги берутся лишь въ одичалой темнотѣ, въ безнадежномъ отчаяніи... Больше свѣта должно быть внесено въ потемки народной жизни!

Во время двухдневнаго Локнистинскаго процесса мы много бесѣдовали съ обвиняемыми и свидѣтелями по дѣлу: послѣднихъ отъ обвиняемыхъ отдѣляли лишь „случайности“ судьбы. Большинство свидѣтелей подписало „приговоръ“ о переходѣ экономіи гг. Капцевичей въ собственность крестьянъ. У всѣхъ собесѣдниковъ мы констатировали горячую вѣру въ Государственную Думу, ставшую средоточіемъ свѣтлыхъ надеждъ...

Вспоминая эти разговоры, мы ясно рисуемъ себѣ то впечатлѣніе, какое роспускъ Государственной Думы долженъ былъ произвести на крестьянъ. „Наше правительство—Дума, постановили крестьяне одного села Черниговскаго уѣзда послѣ роспуска Думы, и хотя она распущена, но она—наше правительство“... Намъ пишутъ о впечатлѣніи обиды, оскорбленія и вызова, произведенномъ роспускомъ Думы... „Родичевъ сказалъ—пишетъ намъ одинъ корреспондентъ изъ Чернигова—Дума распущена быть не можетъ, Дума сдѣлаетъ свое дѣло!..“—„Дума распущена, но Дума *сдѣлала* свое дѣло, она во весь ростъ встаетъ въ глазахъ самаго ненаблюдательнаго обывателя“... Но всѣмъ знающимъ настроеніе крестьянъ до осязательности очевидно, что роспускъ Думы опять открываетъ возможность острыхъ эксцессовъ, противъ которыхъ безсильны—и администрація, и суды, и казацкія нагайки. Роспускъ Думы создаетъ серьезную опасность культурнаго кризиса...